

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

ISSN 2072-0297

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

45 2025
ЧАСТЬ III

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 45 (596) / 2025

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Леонард Эйлер* (1707–1783), швейцарский, прусский и российский математик и механик.

Леонард Эйлер родился в семье базельского пастора Пауля Эйлера, который мечтал, что сын пойдет по его стопам. Вот только мальчика больше интересовали цифры. В результате отец, сам увлекающийся математикой, стал первым учителем сына. Однако вскоре он понял, что его знаний не хватает для полноценного обучения Леонарда. Тогда он познакомил сына со своим другом — великим математиком Иоганном Бернулли. Ученый был поражен талантом юноши и стал его наставником. Уже в 13 лет Эйлер поступил в Базельский университет, а спустя три года получил степень магистра философии. Отец продолжал настаивать на богословской карьере сына, и Леонард начал изучать теологию, греческий и иврит. Однако душа юноши тянулась к науке, а не к религии.

Двадцатилетний Эйлер по приглашению сына своего учителя — Даниила Бернулли — отправился в Санкт-Петербург. Там он поступил на службу лейтенантом-медиком в русский флот. В 1730 году юноша стал профессором физики в Петербургской академии наук, а спустя еще три года возглавил там кафедру математики.

В этот период Эйлер написал свой учебник «Механика», в котором представил ньютоновскую динамику в форме математического анализа. Тогда же он создал новые математические дисциплины: теорию чисел, вариационное исчисление, теорию комплексных функций, дифференциальную геометрию поверхностей.

Эйлер считал, что музыка помогает математическому мышлению. Он сам играл на флейте и скрипке. Кроме того, он работал над теорией движения Луны. Это было затруднительно из-за проблемы трех тел — взаимодействия Солнца, Луны и Земли, — которая не решена до сих пор. Однако частичное решение Леонарда помогло британскому Адмиралтейству в расчете лунных таблиц, что позже позволило определять долготу в море.

В 1735 году, в 28 лет, Эйлер тяжело заболел и практически ослеп на один глаз. Врачи говорили, что всему виной переутомление от постоянных вычислений. Но это не остановило математика.

В 1736 году ученый работал над проблемой семи мостов Кенигсберга. Задача заключалась в том, чтобы найти путь, который бы проходил по каждому из семи мостов Кенигсберга только один раз. Для решения этой задачи он придумал новый подход — математическую модель, пред-

ставляющую Кенигсберг и его мосты в виде графа. На основе этого он разработал «круги Эйлера» — замкнутые пути в графе, которые проходят по каждому ребру только один раз.

С 1741 года по приглашению прусского короля Фридриха II математик переехал в Берлин, где двадцать пять лет проработал в Берлинской академии. Именно там Леонард разработал современное понятие функции — «когда некоторые количества зависят друг от друга таким образом, что при изменении последних и сами они подвергаются изменению, то первые называют функцией вторых». Тогда же Эйлер ввел обозначение $f(x)$, придумал символы Σ (сумма) и e (основание натурального логарифма). И именно Леонард доказал знаменитое тождество $e^{i\pi} + 1 = 0$, которое называют самой красивой формулой в математике.

В 1766 году Леонард Эйлер вернулся в Санкт-Петербург. В это время его катаракта прогрессировала и вскоре полностью лишила математика зрения. Однако и это не остановило Эйлера. Он продолжал работу — его сын и ученики записывали материал под диктовку. Так, в 1772 году слепой Леонард в уме выполнил расчеты для новой теории движения Луны; сейчас этим занимается компьютер.

Эйлер активно трудился до последних дней. В сентябре 1783 года 76-летний учёный стал ощущать головные боли и слабость. 7 сентября после обеда, проведенного в кругу семьи, беседуя с академиком А. И. Лекселем о недавно открытой планете Уран и ее орбите, он внезапно почувствовал себя плохо. Эйлер успел произнести: «Я умираю» и потерял сознание. Через несколько часов, так и не приходя в сознание, он скончался от кровоизлияния в мозг.

«Он перестал вычислять и жить», — сказал Кондорсе на траурном заседании Парижской академии наук.

Великого математика похоронили на Смоленском лютеранском кладбище в Петербурге. На гранитном надгробии есть надпись на латинском языке: «Леонарду Эйлеру — Петербургская академия» (лат. Leonhardo Eulero — Academia Petropolitana).

Сегодня именем Леонарда Эйлера названо число $e \approx 2,71828$ — основание натуральных логарифмов; постоянная Эйлера — Маскерони $\gamma \approx 0,5772$; уравнение Эйлера — Бернулли — основа строительной механики; множество формул, теорем и тождеств. Его имя носит также кратер на Луне и астероид.

Информацию собрала ответственный редактор

Екатерина Осянина

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Авагян М. А., Замокурова О. А.

Проблемы кодификации коммерческого (торгового) законодательства..... 139

Алиева С. Д.

История становления института административной ответственности юридических лиц 143

Аникушина В. А.

Теоретические аспекты психологического контакта в следственной деятельности: понятие и характеристика 145

Бережнова Д. В.

Способы приобретения недвижимого имущества с торгов по банкротству: правовой анализ и практические аспекты 147

Гатауллин Т. З.

Особенности судебного представительства ... 149

Горяева Г. Т.

Индексация присужденных денежных сумм ... 150

Гуляева Е. В.

Проблемы исполнения наказаний в виде обязательных работ..... 154

Дмитриенко Д. А., Козловская А. Д.,

Пушкина Ю. А.
Ювенальная юстиция: особенности правосудия в отношении несовершеннолетних в России..... 156

Егоров М. В.

Множественность преступлений: теория и практика. Идеальная совокупность преступлений и её отличие от учтённой совокупности и конкуренции уголовно-правовых норм 158

Исаева Л. Б.

Сравнительный анализ источников конституционного права в различных правовых системах..... 161

Исмагилова В. В.

Интернет-СМИ и избирательный процесс: новая реальность правового регулирования... 163

Исмагилова В. В.

Правовое регулирование деятельности средств массовой информации в контексте перспектив развития института журналистики..... 165

Йеман Б. Б.

Адаптируемость арбитража OHADA к африканскому контексту 167

Карякина Ю. Г.

Понятие «киберпреступник»: эволюция и дискуссионные аспекты в современной криминологии 172

Кашмина В. Д., Байсакалова А. А.

Некоторые проблемы прокурорского надзора за водным законодательством 174

Комбарович М. С.

Проблемы осуществления прокуратурой функции уголовного преследования и ее соотношение с другими функциями современного уголовного процесса..... 176

Котова Е. С.

Выявление категории лиц, склонных к злоупотреблению своими правами в банкротстве 180

Криворучко Л. С.

Особенности административной ответственности юридических лиц 182

Крупина Е. М.

Объекты уголовно-процессуальных правоотношений на стадии исполнения приговора 185

Кулагин С. С.

Проблемы судебной защиты жилищных прав граждан 186

Лапекина Ю. Ю.

Особенности проведения тестирования иностранных граждан в Российской Федерации и Республике Беларусь в целях получения разрешения на работу..... 188

Лапшина О. Л.

К вопросу о различии заключений, составляемых экспертом и специалистом 193

Лапшина О. Л.

Различия правового статуса эксперта
и специалиста в уголовном процессе 195

Логинова А. А.

Медиация в сфере обращения с твердыми
коммунальными отходами: недостающее
звено для разрыва порочного круга
судебных разбирательств 197

Луговкин В. В.

Недостатки правового регулирования
при определении размера вреда,
причиненного почвам 199

Мрыкова М. К.

Особенности ответственности сторон
за нарушение договора поставки: новеллы
законодательства и правоприменительные
проблемы 201

Овчинникова А. М.

Общественный порядок и общественная
безопасность как самостоятельные объекты
административно-правовой охраны:
проблемы понимания и законодательного
закрепления 204

Плетнева Т. А.

Нормативно-правовое регулирование
инвестиций в объекты строительства
в Санкт-Петербурге 207

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Проблемы кодификации коммерческого (торгового) законодательства

Авагян Мария Ареновна, студент;

Заморухова Ольга Александровна, студент

Научный руководитель: Зазолина Елена Викторовна, старший преподаватель

Государственный университет «Дубна» (Московская область)

Наряду с имеющимися проблемами в современном мире возникает потребность в создании Коммерческого (Торгового) кодекса, который в свою очередь, послужит основой для регулирования имеющихся в обществе отношений на оптовых ранках. На основе анализа законодательства зарубежных стран, авторы рассматривают развитие торговых правоотношений на примере имеющихся способов, применяемых различными странами, а также дают правовую оценку общему состоянию и перспективам кодификации коммерческого законодательства в РФ.

Ключевые слова: кодификация, коммерческий торговый кодекс, дуализм, межотраслевая кодификация, автономная кодификация.

На сегодняшний день вопрос о кодификации коммерческого (торгового) права является одним из наиболее актуальных. Это обусловлено тем, что его отсутствие порождает своего рода значительные правовые коллизии и тем самым, приводит к дуализму действующих правовых норм. Если рассматривать проблему кодификации торгового права применительно к нашей стране, то следует отметить, что в отечественной правовой науке до сих пор не выработана единая концепция относительно объединения и систематизации норм, регулирующих коммерческие (торговые) правоотношения, в единый кодифицированный акт.

Данная проблема носит концептуальный характер и непосредственно связана с определением вектора развития всей системы частного права в РФ. Она затрагивает фундаментальные вопросы соотношения гражданского и предпринимательского права, разграничения общих и специальных норм, а также допустимости дуалистической модели регулирования, основанной на разделении гражданского и торгового законодательства, что характерно для ряда европейских правовых систем.

При анализе опыта зарубежного законодателя можно выделить два основных подхода к кодификации торгового права. Первый способ, именуемый межотраслевая кодификация, предполагает включение норм, регулирующих коммерческие отношения, в состав гражданского законодательства и отдельных специальных нормативных актов. Примерами стран, в которых широко применяется данный способ наряду с Российской Федерацией являются Италия, Аргентина, Португалия и мн. другие страны.

Второй способ, именуемый как автономная кодификация, предполагает принятие единого кодифицированного акта, который регулирует коммерческие (торговые) отношения. Данный способ широко распространен в таких странах, как ФРГ, Испания, США и мн. другие.

При этом необходимо учитывать, что с момента принятия Гражданского кодекса РФ [1] в 1994 году в России был взят курс на единую систему частного права, в рамках которой предпринимательские отношения рассматриваются как разновидность гражданско-правовых. Попытка введения Торгового кодекса может потребовать переосмысления этой парадигмы, что вызовет не только теоретические споры, но и серьезные практические сложности, связанные с перераспределением законодательных компетенций, пересмотром судебной практики и необходимостью адаптации юридического образования.

В научной среде отсутствует единая позиция относительно необходимости и целесообразности кодификации торгового права. Рассматривая концептуальные взгляды российских ученых на проблему кодификации торгового права, можно выделить ряд основных позиций, которыми руководствуются ведущие специалисты в области торгового права. Так Попандопуло В. Ф., Беляева О. А., Тамоян А. У. указывают на то, что детальное регулирование деятельности специальных субъектов снижает их роль в области торгового права [2, с.1333]. Некоторые из них указывают, что осуществление сбора всех имеющихся норм специальных законов, регулирующих коммерческие отношения и виды предпринимательской деятельности, может привести к ещё более сложной и запутанной

системе коммерческого законодательства. По их мнению, создание единого кодифицированного акта, регулирующего коммерческие отношения, создаст дополнительные противоречия и затруднит применение законодательства.

Наряду с приведенной точкой зрения, существует группа ученых (Путинский Б. И. [3], Андреев В. К. [4], Матыгулин Т.С. [5]. и др.), которые подчеркивают необходимость принятия кодифицированного акта — Коммерческого (Торгового) кодекса. Свою позицию они обосновывают тем, что, что в Гражданском кодексе РФ не урегулирован ряд договоров и после торговых отношений, а наличие кодифицированного акта послужит систематизации коммерческого законодательства и формированию российского торгового рынка.

Рядом специалистов, например Баренбойм П. Д., в противовес существующих позиций противников и сторонников кодификации торгового законодательства, считает необходимым провести кодификацию предпринимательского права, утверждая тем самым: «С имеющимися позициями выделяют специальный способ, который указывает, на то, что необходимо кодифицировать не коммерческое законодательство, а предпринимательское тем самым, данная позиция связана с вопросом целесообразности выделения коммерческого права как самостоятельной отрасли права» [6, с.29–30].

В связи со всем вышеизложенным на сегодняшний день имеющиеся противоречия создают, как уже было ранее отмечено, дуализм правовой системы, разделяющей гражданское и коммерческое (торговое) право. В таком случае нормы торгового права рассматриваются как специальные по отношению к нормам гражданского права. По мнению М. Альбаладехо, гражданское право — это «общее частное право», торговое право — специальное частное право [7, с.12].

Из вышесказанного следует, что коммерческое право, находясь в системе российского права, не обладает признаками самостоятельной отрасли. В настоящее время оно не выделяется из состава гражданского права в отдельную отрасль по целому ряду объективных факторов.

Во-первых, гражданское право регулирует имущественные и связанные с ними неимущественные отношения, в то время как предметом правового регулирования коммерческого права являются отношения, связанные с переходом товаров на возмездной основе от одних лиц к другим, а именно по цепочке возмездных сделок по продвижению товаров от производителей к оптовым потребителям.

Во-вторых, методом правового регулирования в гражданском и коммерческом праве являются свойственные данным отраслям права совокупность приемов, способов правового воздействия на регулируемые общественные отношения.

В-третьих, коммерческие отношения по своей правовой природе представляют собой разновидность гражданско-правовых отношений, отличающихся лишь субъектным составом и спецификой регулирования. Они

регулируются преимущественно теми же принципами, что и иные частноправовые отношения — свободой договора, недопустимостью произвольного вмешательства государства в сферу гражданских и торговых правоотношений, обеспечением баланса интересов участников оборота и др. [8, с.7–8].

В-четвертых, в российской правовой системе отсутствует исторически сложившаяся дуалистическая традиция, характерная для ряда европейских стран, где гражданское и торговое право развивались параллельно [9]. В отечественной правовой доктрине и правоприменительной практике преобладает концепция единого частного права.

Сторонники кодификации торгового законодательства и идеи принятия Торгового кодекса РФ приводят ряд аргументов в пользу такой меры. Во-первых, они утверждают, что в настоящее время законодательство, регулирующее торговую деятельность, представлено множеством разрозненных нормативных актов, включая Гражданский кодекс РФ, Федеральный закон от 26 июля 2006 года № 135-ФЗ «О защите конкуренции» [10], Федеральный закон от 07 февраля 1992 года № 2300-1 «О защите прав потребителей» [11], Федеральный закон от 08 августа 2001 года № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» [12]. Это порождает сложности в применении норм и снижает уровень правовой определенности [13, с.110–117].

Во-вторых, сторонники кодификации апеллируют к зарубежному опыту: во многих странах (Франция, Германия, Италия, Испания) действуют самостоятельные торговые кодексы, регулирующие предпринимательские сделки, статус торговцев и институты коммерческого оборота [14, с.6].

Кроме того, сторонники кодификации указывают на практическую необходимость систематизации норм о договорных отношениях в сфере предпринимательства. Например, договоры поставки, подряда, перевозки, хранения, франчайзинга и др., заключаемые между субъектами предпринимательской деятельности, нуждаются в более детальной и специальной регламентации, чем та, которая предусмотрена ГК РФ.

Противники введения Торгового кодекса РФ, в свою очередь, выдвигают весомые возражения. Наиболее принципиальное из них — это риск подрыва системности и целостности гражданского законодательства. Гражданский кодекс РФ был задуман как единый и всеобъемлющий акт, регулирующий частноправовые отношения, в том числе предпринимательские.

Кроме того, противники создания Торгового кодекса указывают также на отсутствие устойчиво сформировавшейся правовой традиции дуалистического подхода в современной России, которая характерна для ряда европейских правовых систем. В условиях правовой нестабильности принятие нового кодифицированного акта может привести к коллизиям норм и усложнению правоприменительной практики. Среди ученых, выступающих против идеи принятия Торгового кодекса, можно отметить Е. А. Суханова, который настаивает на необхо-

димости сохранения единого частноправового регулирования, предусматривающего возможность учета особенностей предпринимательских отношений в рамках действующего Гражданского кодекса РФ. М. К. Сулейменов также выступает противником кодификации и считает, что создание такого кодекса потребует перестройки всей сложившейся системы регулирования экономических отношений, приведет к усложнению законодательства, дублированию норм и, в конечном счете, к подрыву сложившейся и устоявшейся системы частного права [15, с.28].

Итак, анализируя точки зрения ученых, можно сделать вывод, что коммерческое право выступает неделимой частью российского гражданского права. Опираясь на опыт зарубежных стран, создание единого кодифицированного акта представляется необходимым, так как отсутствие данного акта порождает ряд проблем, связанных с урегулированием дефиниций в области коммерческого права, а также правового регулирования норм в области торгового права.

На наш взгляд, вопрос о принятии кодифицированного акта, регулирующего торговую (коммерческую) деятельность, является одной из наиболее острых и значимых проблем современного российского частного права на сегодняшний день. Вместе с тем, создание с нуля единого акта может значительно затруднить правовую систему РФ. Такая кодификация потребует глубокого пересмотра действующих нормативных основ регулирования предпринимательской и торговой деятельности, а также согласования новых норм с положениями Гражданского кодекса РФ и иными федеральными законами. Это может привести к возникновению временного нормативного дисбаланса, коллизий и дублирования норм права. Во-вторых, полное перераспределение правовых норм и формирование новой системы регулирования потребуют немало времени и ресурсов — как временных, так и организационных. Это может негативно повлиять на устойчивость правоприменительной практики и эффективности правового регулирования.

В связи с этим представляется целесообразным использовать уже имеющуюся нормативную основу, заложенную в Федеральном законе от 28 декабря 2009 г. № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» [16]. Указанный закон, несмотря на отсутствие кодифицированного характера, выполняет важную системообразующую функцию в регулировании торговых отношений, определяя их ключевые правовые начала. Он направлен на обеспечение единства экономического пространства Российской Федерации, установление правовых и организационных принципов ведения торговой деятельности, а также на создание условий для развития конкуренции и поддержки российских производителей.

При дополнении № 381-ФЗ в обязательном порядке должны быть учтены и отражены особенности правового статуса субъектов торгового оборота, торгового представительства и посредничества, ответственности в торговых отношениях и процедур разрешения торговых споров.

Нормы № 381-ФЗ должны быть согласованы с положениями ГК РФ по принципу субсидиарности: в случае отсутствия специального регулирования применяются нормы ГК РФ. Принцип субсидиарности имеет ключевое значение для сохранения единства системы частного права, позволяя торговому праву выполнять роль специализированного раздела, а не самостоятельной отрасли. № 381-ФЗ в данном случае должен выполнять функцию уточнения и конкретизации общих гражданско-правовых положений применительно к особенностям предпринимательской деятельности [17, с.36].

Также важно будет четко обозначить сферу действия данного акта, которая должна распространяться исключительно на отношения, возникающие между субъектами предпринимательской деятельности — юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями, в связи с осуществлением ими коммерческой деятельности, направленной на систематическое извлечение прибыли, путем продажи товаров, оказания услуг, выполнения работ на оптовых рынках с целью продвижения товаров от изготовителей к оптовым потребителям. Тем самым из-под действия данного нормативного правового акта должны быть исключены отношения с участием граждан, не обладающих статусом предпринимателей, а также иные частноправовые отношения, которые не носят коммерческого характера.

Необходимо также учесть вопросы урегулирования единых понятий участников оптового товарооборота, которые используются в зарубежных торговых кодексах, а именно: коммерсант, дилер, дистрибьютор, трейдер, коммивояжёр, трейдер и многие другие. Данные понятие входят в подгруппу как независимых, так и зависимых посредников, что представляет собой круг лиц, которые приобретают право собственности на товар, который реализуется с их участием. Далее, будут рассмотрены каждый из возможных видов участников и определено их значение.

Так, при специализации оптовых организаций по торговле определенным товаром на практике называют дилерами (с англ. dealer-торговец, агент по продаже) признаются юридические лица, которые вправе самостоятельно совершать покупки и продажи товаров от своего имени и за собственный счет. Стоит отметить, что реализация товаров дилерами осуществляется как физическими, так и юридическими лицами. Далее будут рассмотрены каждый из возможных видов участников и определимся с их значением.

Следующая группа лиц так называемые, дистрибьюторы (с англ. distribute-распространять, распределять) — это лица которые от своего имени распределяют продукт какой-либо компании. По своей сути дистрибьюторами могут являться посредники, поскольку он работает как с посредником, так и с конечным потребителем. Также важно отметить, что дистрибьюторы по своей природе работают в основном в сфере сетевого маркетинга.

Трейдера (с англ. trader-оптовый торговец, биржевик, не пользующийся услугами маклера) — признаются оптовые организации, которые совершают торговые сделки

от своего имени и за свой счет, но по поручению клиентов. Трейдерами могут быть как оптовые организации, так и индивидуальные предприниматели, которые специализируются на коротких операциях, краткосрочных торговых сделках [18, с.127–128].

Важно также учитывать понятие коммерсант, которое составляет основу коммерческого права и позволяет определить его правовой статус. Для этого нам необходимо обратиться к торговому кодексу Франции, в которой статья 1 устанавливает понятие коммерсант, под которым признается лицо, которое совершает торговые сделки в процессе осуществления своей обычной профессии.

Также в Единообразном Торговом Кодексе США [19] в разделе общих понятий, установлено определение «торговец» который представляет собой лицо, которое в силу своей профессии занимается торговлей, а также товарами подобного ему рода или иным образом заявляет о наличии у него знаний и навыков, характерных для практики или товаров, участвующих в сделке, или которому такие знания или навыки могут быть приписаны в силу его работы с агентом, брокером, или другими посредникам, который в силу своей профессии заявляет о наличии у него таких знаний и навыков.

Однако наряду с имеющимися независимыми посредниками в оптовой торговле, имеются зависимые посредники, к которым относятся агентские и брокерские оптовые организации. Главной задачей их деятельности является информационное обеспечение участников торгового оборота.

Одними из таких оптовых посреднических организаций выступают брокеры (с англ. broker-маклер, комиссионер), которые являются одной из разновидностей оптовых организаций и как следствие могут одновременно выступать агентами как для продавца, так и для покупателя.

Наиболее распространенными видами зависимых посредников являются комиссионеры, консигнаторы, коммивояжеры, маклеры и стокисты.

Коммиссионерами признаются индивидуальные предприниматели, совершающие сделки от своего имени, по

поручению клиентов и за свой счет. Консигнаторами признаются комиссионеры, которые по поручению владельца товара (консигнатора) продают товары со своего склада. К услугам данных лиц прибегают в случае внешнеторговой деятельности. Коммивояжерами являются разъездные представители торговой фирмы, которые ищут покупателей, предлагая образцы, рекламируя товар, распространяя каталоги товаров.

Маклеры — это лица, которые являются посредниками между продавцом и покупателем, постоянно и профессионально занятые посредничеством при покупке и продаже товаров, услуг страхования, призванные способствовать заключению различного рода сделок. А также стокисты, которыми признаются специализированные посредники, осуществляющие продажу товаров по договору комиссии.

Следовательно, рассмотренные нами понятия субъектов оптового товарооборота позволяют сделать вывод, что необходимо закрепить на законодательном уровне данные дефиниции. Это обусловлено тем, что на сегодняшний день отсутствует единый кодифицированный акт, который бы легально закреплял данные термины и учитывал ряд их особенностей.

Таким образом, вопрос о необходимости принятия Коммерческого кодекса в России остается открытым, и требует взвешенного, комплексного подхода. Важно отметить, что это необходимо для последующего установления единых понятий, а именно субъектов коммерческого товарооборота и как следствие для более полного урегулирования коммерческих отношений. Однако решение данной проблемы не может основываться исключительно на примерах зарубежного законодательства, поскольку правовая система каждой страны формировалась в уникальных исторических, социально-экономических и культурных условиях. Простое копирование моделей, применяемых, например, во Франции или Германии, где торговые кодексы стали результатом многовековой правовой традиции дуалистического деления частного права, не гарантирует эффективного функционирования такой модели в российской действительности.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ в ред. от 13.12.2024 // Собрание законодательства Российской Федерации от 29 января 1996 г. N 5
2. Тамоян А. У., Татаринова С.С Перспективы кодификации коммерческого законодательства // Актуальные проблемы правового регулирования общественных отношений-2021-№ 346.14. С.1333
3. Пугинский Б.И Коммерческое право России. М.: Известия высших учебных заведений. Правоведение, 200 № 4(231). С.251–255.4
4. Андреев В.К «Концепция развития законодательства о предпринимательской деятельности»//Российский судья 2010. № 9. С.24–25
5. Фаткудинов З. М., Матыгулин Т. С. «Источники предпринимательского права». Казань: Издательство «Таг-лиман»//Институт экономики, управления и права, 2006. № 19(78). С.22–24
6. Баренбойм П.Л Торговый кодекс как ключевой элемент экономического развития России.: Российская юстиции, 194. № 12. С.29–30
7. Albaladejo M. Compendio de Derecho Civil. Barcelona, 1983. P. 12.
8. Коммерческое право России / под ред. Б. И. Пугинского. М., 1999. С. 7–8.

9. Кулагин М. И. Избранные труды по акционерному и торговому праву [Электронный ресурс] // Civil.consultant.ru: электронная библиотека по гражданскому праву. — URL: https://civil.consultant.ru/elib/books/6/page_26.html
10. Федеральный закон от 26 июля 2006 года № 135-ФЗ (ред. от 25.04.2025) «О защите конкуренции» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Российская газета № 162 от 27.07.2006
11. Федеральный закон от 07 февраля 1992 года № 2300-1 (ред. от 07.07.2025) «О защите прав потребителей» // Ведомости СНД и ВС РФ № 15 от 09.04.1992, ст.766
12. Федеральный закон от 08 августа 2001 года № 129-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» // Российская газета № 153–154 от 10.08.2001
13. Рузакова О. А. Актуальные проблемы правового регулирования торговой деятельности в Российской Федерации / О. А. Рузакова, А. Б. Рузаков // Развитие Российской торговли в современных условиях: сборник научных трудов кафедры Коммерции и торгового дела, Москва, 24–25 апреля 2015 года / московский финансово-промышленный университет «Синергия». — Москва: Московский финансово-промышленный университет «Синергия», 2015. — С. 110–117.
14. Беляева, О. А. Коммерческое право России: курс лекций / О. А. Беляева. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: ЗАО «Юстицинформ», 2009. — 192 с. ISBN 978–5–7205–0943–9
15. Сулейменов М. К. Хозяйственный (предпринимательский) кодекс: улучшение законодательной системы или ее развал? / М. К. Сулейменов // ЮРИСТ. 2011. № 7. С. 22–30.
16. Федеральный закон от 28.12.2009 № 381(ред. от 26.12.2024) «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025) //Российская газета № 253 от 30.12.2009
17. Булатецкий Ю. Е. Коммерческое право: учебник для вузов / Ю. Е. Булатецкий, И. М. Рассолов; под редакцией С. Н. Бабурина, Н. А. Машкина. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. С. 36.
18. Булатецкий Ю.Е., Рассолов И.М Коммерческое право: учебник для вузов / Ю.Е Булатецкий, И.М Рассолов; под редакцией С.Н Бабурина-2-е изд., перераб. и доп.-Москва: Издательство Юрай, 2020 № 4-С.127–128.
19. Единообразный торговый кодекс США <https://miripravo.ru/gallery/lfl-us1-uniform-commercial-code.pdf?ysclid=mhap8soasy392580349>

История становления института административной ответственности юридических лиц

Алиева Софья Дмитриевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Рузметов Сергей Атаханович, кандидат юридических наук, доцент
Калининградский филиал Московского финансово-юридического университета МФЮА

Данная научная статья посвящена теме истории становления и развития института административной ответственности юридических лиц, от самых ее истоков и видоизменению с течением времени. Изучены и рассмотрены особенности данного института. Особое внимание уделено вопросу формирования современного института административной ответственности и его роли и важности в истории российского государства. Также анализируются исторические, теоретические и практические аспекты формирования и развития института административной ответственности юридических лиц. Рассматриваются этапы от античности до современных трансформаций, обсуждаются ключевые теоретические подходы и современные проблемы. Особое внимание уделено российскому законодательству, сопоставленному с международным опытом, включая страны ЕС и США.

Ключевые слова: административная ответственность, институт юридической ответственности, развитие административной ответственности, юридические лица, административное право, история права, правовая эволюция, правоприменение.

History of the formation of the institute of administrative liability of legal entities

Aliyeva Sofya Dmitriyevna, master's student

Scientific advisor: Ruzmetov Sergey Atakhanovich, phd in law, associate professor
Kaliningrad branch of the Moscow Finance and Law University

This scientific article is devoted to the history of the formation and development of the institution of administrative liability of legal entities, from its very origins and modifications over time. The features of this institution are studied and considered. Particular

attention is paid to the issue of the formation of the modern institution of administrative liability and its role and importance in the history of the Russian state. Also, historical, theoretical and practical aspects of the formation and development of the institution of administrative liability of legal entities are analyzed. The stages from antiquity to modern transformations are considered, key theoretical approaches and modern problems are discussed. Particular attention is paid to Russian legislation, compared with international experience, including the EU and the USA.

Keywords: *administrative liability, institution of legal liability, development of administrative liability, legal entities, administrative law, history of law, legal evolution, law enforcement.*

Институт административной ответственности юридических лиц представляет собой сравнительно молодое явление в правовой системе. Его формирование связано с необходимостью адекватного реагирования государства на нарушения, совершаемые коллективными субъектами права. Современное понимание административной ответственности организаций базируется на синтезе административного и корпоративного права, а также на практике правоприменения.

Исторические предпосылки. Первые представления о юридических лицах появились в римском праве, где различались понятия физического и юридического лица. Однако идея привлечения организаций к ответственности отсутствовала — применялась концепция *culpa in eligendo*, возлагающая ответственность на представителей. В средневековой Европе юридические лица рассматривались как фикции, но церковные институты уже могли нести дисциплинарные санкции, что стало прообразом будущей административной ответственности.

С развитием капиталистических отношений и индустриализацией возникла необходимость в контроле над деятельностью компаний. С конца XIX века элементы административной ответственности юридических лиц появляются в законодательстве стран Европы и США. В США развивается концепция корпоративной уголовной ответственности, а в странах Европы — модели двойной (административной и уголовной) ответственности. В Великобритании действует принцип «failure to prevent», во Франции с 1994 года Кодекс уголовного права прямо закрепил возможность привлечения юридических лиц к ответственности. В Канаде и ряде других стран корпоративная ответственность охватывает даже международные правонарушения.

История развития института в России. Эволюция административной ответственности юридических лиц в России прошла несколько этапов:

1. Дореволюционный период. В допетровской Руси коллективные объединения (цехи, артели) не имели статуса юридического лица. Реформы Петра I способствовали развитию торговых компаний, однако до XIX века юридические лица не имели самостоятельной деликтоспособности. Административные взыскания применялись преимущественно к гражданам, что отражалось в Уставе воинском (1716 г.) и Уложении о наказаниях (1845 г.). Реформы Александра II отделили административные взыскания от уголовных наказаний, однако ответственность юридических лиц оставалась неразвитой.

2. Советский период. После 1917 года административная ответственность регулировалась декретами и постановлениями. Юридические лица не признавались субъектами административной ответственности: применялись меры хозяйственно-правового воздействия (штрафы, санкции). Административная юрисдикция развивалась, но без закрепления формальной ответственности организаций.

3. Постсоветский период. После распада СССР началась перестройка законодательства. В 1990-е годы принимались акты, предусматривающие ответственность предприятий, однако без четкой концепции. Перелом наступил в 2001 году с принятием Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ), где юридические лица впервые прямо названы субъектами административных правонарушений.

Современный этап. КоАП РФ закрепил основные принципы административной ответственности: равенство перед законом, презумпцию невиновности, законность применения мер принуждения. Сегодня юридические лица могут быть привлечены к ответственности более чем по 200 составам правонарушений — в сферах экологии, налогов, трудового законодательства, санитарных норм и др.

В теории выделяются три подхода к природе административной ответственности юридических лиц:

- объективный: ответственность наступает независимо от вины;
- субъективный: требуется наличие вины организации в виде недобросовестного управления;
- смешанный: сочетаются элементы обоих подходов.

Основная проблема заключается в неприменимости классических категорий вины и умысла к абстрактному субъекту — юридическому лицу. В судебной практике наблюдается тенденция к смешанной модели: организация отвечает за отсутствие должного контроля и недобросовестность в управлении. Так, по статье 19.28 КоАП РФ (коммерческий подкуп) в 2016 году было привлечено почти 400 юридических лиц, что свидетельствует об усилении фискальной направленности института.

Зарубежная практика также влияет на отечественное право. В Великобритании и странах ЕС развивается концепция корпоративного контроля и комплаенс-систем, предусматривающая ответственность за несоблюдение обязанностей по предупреждению правонарушений. В России обсуждается внедрение аналогичных механизмов в рамках реформы КоАП РФ.

Современные вызовы. Развитие цифровых технологий и искусственного интеллекта ставит новые вопросы об

ответственности организаций за действия автоматизированных систем. Возникает необходимость адаптировать законодательство к цифровой экономике, установить порядок привлечения юридических лиц за нарушения в сфере обработки персональных данных и информационной безопасности.

Реформирование законодательства. В рамках подготовки новой редакции КоАП РФ предлагается уточнить понятие вины юридического лица, ввести институт профилактики правонарушений, усилить гарантии прав организаций и развивать корпоративный комплаенс-контроль. Особое внимание уделяется соразмерности санкций и защите прав добросовестных субъектов.

Институт административной ответственности юридических лиц прошёл длительный путь от фикции к полноценному элементу правовой системы. Его развитие отражает переход от индивидуальной к коллективной ответственности, что соответствует реалиям современного общества. Административная ответственность служит важным инструментом государственного регулирования, обеспечивая баланс между контролем и защитой прав участников гражданского оборота. В условиях глобализации и цифровизации институт продолжит эволюцию, приближаясь к международным стандартам и усиливая правовые гарантии как государства, так и бизнеса.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://pravo.gov.ru>.
1. Кодекс об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 24.06.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.07.2025)). — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/.
2. Долгих, И. П. Административная ответственность юридических лиц в Российской Федерации: проблемы и перспективы / И. П. Долгих // Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире. — 2024. — Т. 2, № 7. — С. 126–129.
3. Аспидов, М. М. Административная ответственность юридических лиц как правовой институт: современное состояние и перспективы развития / М. М. Аспидов, Ю. А. Тарасов // Перспективы развития институтов права и государства: сборник научных трудов 2-й Международной научной конференции, Курск, 16 мая 2019 года / Юго-Западный государственный университет. — Курск: Юго-Западный государственный университет, 2021. — С. 313–317.
4. Хажмаков, А. Т. История становления института административной ответственности юридических лиц / А. Т. Хажмаков // Социально-экономическое развитие России: проблемы, тенденции, перспективы: сборник научных статей 19-й Международной научно-практической конференции, Курск, 25 июня 2020 года. Том 4. — Курск: Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Курский филиал, 2020. — С. 247–250.
5. Алексеев С. С. Теория права. — М.: Норма, 2022.
6. Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Административное право России. — М.: Юрист, 2021.
7. Лазарев В. В. Общая теория права и государства. — М.: Юрайт, 2020.
8. Виноградова О. В. Ответственность юридических лиц: зарубежный и отечественный опыт // Журнал зарубежного законодательства. — 2023.
9. OECD. Liability of Legal Persons for Corruption Offences: A Review of Practice. — Paris: OECD Publishing, 2022.

Теоретические аспекты психологического контакта в следственной деятельности: понятие и характеристика

Аникушина Валерия Александровна, студент магистратуры
Научный руководитель: Солонина Алексей Петрович, кандидат юридических наук, доцент
Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)

В статье автор исследует теоретические аспекты психологического контакта в следственной деятельности.

Ключевые слова: следователь, уголовный процесс, психологический контакт, допрос.

В сфере следствия психологический контакт представляет собой обоюдное взаимодействие между участниками процесса, характеризующееся активным обменом информацией, значимой для успешного завершения расследования.

Следует отметить, что «психологический контакт» — это, в первую очередь, психологический термин, относительно недавно вошедший в криминалистическую практику.

Так, одним из первых, кто подчеркнул важность данного понятия, был Н. И. Порубов в 1968 году. Наряду с термином «психологический контакт» исследователи используют формулировку «налаживание эффективного взаимодействия между следователем и допрашиваемым». Несмотря на широкое применение термина «психологический контакт» как в криминалистике, так и в юридической психологии, единое толкование данного понятия до сих пор отсутствует в обеих дисциплинах. В качестве примера приведем мнения ученых относительно понятия «психологический контакт».

Ученый	Понятие
А. Б. Соловьёв	«психологический контакт — способ установления коммуникативных связей, эмоциональное доверие к следователю» [2, с.82]
Г. Г. Доспулов	«психологический контакт — согласованное деловое взаимоотношение следователя со свидетелем, потерпевшим, подозреваемым и обвиняемым, которое возникает на основе правильной позиции следователя и поведения допрашиваемого» [3, с.64]
Л. Л. Каневский	«психологический контакт — состояние, при котором участники следственного действия проявляют интерес и готовность к общению и восприятию информации, исходящей друг от друга» [4]

Важно подчеркнуть, что все существующие трактовки психологического контакта можно условно классифицировать на несколько категорий, а именно:

- 1) как форма взаимоотношений;
 - 2) как определенное состояние при взаимодействии;
 - 3) как связующее звено между участниками.
- По нашему мнению, наиболее точной кажется первая категория, которая трактует психологический контакт как взаимосвязь между участниками следственного мероприятия, что в свою очередь объясняется тем, что подобные отношения включают в себя не только общение, но и намеренное сотрудничество, обусловленное целями расследования и особенностями рассматриваемого случая. В то же время, каждая из сторон преследует свои цели, но принимает во внимание цели другой стороны.

Что касается установления психологического контакта, то представим позицию ученых на этот счет в виде таблицы.

Ученые	Позиция
А. Г. Филиппов, Н. Г. Шурухнов, и Н. П. Яблоков	«рассматривают установление психологического контакта как средство получения информации, не конкретизируя ее характер» [5, с.71]
Н. И. Порубов, Т. А. Седова и Е. Р. Россинская	«подчеркивают, что налаживание психологического контакта помогает следователю добиться правдивых показаний» [6, с.93]

Стоит отметить, что специалисты в области психологии сходятся во мнении, что установление подобного контакта во время следственных мероприятий способствует достижению желаемых результатов обеими сторонами [7, с.85].

На наш взгляд, необходимо определить непосредственно цель психологического контакта, которую можно определить, как «получение точных, всесторонних сведений по рассматриваемому делу, необходимых для установления истины».

Непосредственно основная задача психологического контакта — получение правдивой и исчерпывающей информации об обстоятельствах расследуемого преступления.

- В свою очередь, для успешного установления психологического контакта можно применять следующие методы:
- обеспечение подходящей атмосферы допроса;
 - проведение допроса в отсутствие посторонних;
 - вежливое поведение следователя, проявление дружелюбия и объективности по отношению к допрашиваемому;
 - начало беседы с нейтральной темы;
 - разъяснение целей и задач допроса.

Таким образом, при установлении психологического контакта в следственной деятельности крайне важно создавать психологически комфортную обстановку, способствующую открытому общению с допрашиваемым. Для этого следователю необходимо стремиться избегать конфликтных ситуаций и стимулировать интерес допрашиваемого к взаимодействию.

Литература:

1. Антонян Ю. М. Психология преступника и расследования преступлений/ Ю. М. Антонян. — М.: Юристъ, 2016. — 336 с.
2. Соловьев А. Б. Допрос свидетеля и потерпевшего [Текст]. — М.: [б. и.], 1974. — 126 с.
3. Психология допроса на предварительном следствии [Текст] / Г. Г. Доспулов. — М.: Юрид. лит., 1976. — 112 с.
4. Гаврилов Борис Яковлевич О влиянии трудов профессора Л. Л. Каневского на исследование современных проблем предварительного следствия // Правовое государство: теория и практика. 2024. № 2 (76). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-vliyanii-trudov-professora-l-l-kanevskogo-na-issledovanie-sovremennyh-problem-predvaritelnogo-sledstviya> (дата обращения: 10.04.2025).
5. Криминалистика: учебник /под ред. А. Г. Филиппова. — М.: Спарк, 2020. — 687 с.
6. Аверьянова, Т. В. Криминалистика: Учебник / Т. В. Аверьянова, Е. Р. Россинская, Р. С. Белкин, Ю. Г. Корухов. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма: НИЦ Инфра-М, 2022. — 928 с.

Способы приобретения недвижимого имущества с торгов по банкротству: правовой анализ и практические аспекты

Бережнова Диана Валерьевна, студент магистратуры
Тихоокеанский государственный университет (г. Хабаровск)

В условиях современной экономической конъюнктуры альтернативные способы инвестирования в недвижимость приобретают особую значимость. Одним из наиболее перспективных направлений становится участие в процедурах банкротства, где объекты недвижимости предлагаются со значительным дисконтом.

Ключевые слова: торги по банкротству, право собственности, недвижимое имущество, арбитражный управляющий.

Рыночная привлекательность данного инструмента обусловлена существенной разницей в ценообразовании: стоимость объектов на банкротных торгах может быть на 30–40 % ниже среднерыночных показателей. Это делает такие инвестиции особенно привлекательными для частных инвесторов и профессиональных участников рынка.

Комплексный анализ современного рынка показывает, что растущая популярность банкротных торгов обусловлена не только ценовой доступностью объектов, но и расширением спектра предложений. При этом важно учитывать, что процесс приобретения имущества через процедуру банкротства характеризуется определённой спецификой и требует глубокого понимания правовых механизмов.

Инвестиционная привлекательность данного направления усиливается следующими факторами:

- Прозрачность процедуры торгов
- Регламентированность процесса законодательством
- Возможность детального изучения объектов перед покупкой
- Широкий выбор ликвидных активов

Торги по банкротству — это процесс продажи имущества компаний или физических лиц, признанных банкротами, через аукционную систему. Основная цель — погашение долгов перед кредиторами путем реализации активов должника по максимально возможной цене [1].

Законодательное регулирование осуществляется Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ. Процедура включает:

1. Инвентаризацию имущества должника
2. Оценку активов
3. Организацию торгов
4. Реализацию имущества

В ходе проведения инвентаризации имущества арбитражный управляющий имеет право оставить должнику предметы бытового обихода, не относящиеся к предметам роскоши, профессиональное имущество, а так же жилое помещение, которое может быть признано единственным пригодным для постоянного проживания должника. Исключением является единственное ипотечное имущество (ст. 446 ГПК РФ).

При наличии ипотечного жилья возможно применение положений статьи 213.10–1 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», предусматривающих возможность заключения мирового соглашения.

Правовое регулирование процедуры торгов по банкротству осуществляется на основе следующих ключевых нормативных актов:

- Федеральный закон № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»
- Гражданский кодекс РФ
- Арбитражный процессуальный кодекс РФ

Регламентация процесса торгов по продаже недвижимого имущества в процедуре банкротства:

Процесс реализации недвижимого имущества в рамках процедуры банкротства представляет собой детально регламентированную систему действий, направленную на максимальную эффективность продажи активов должника. Данный механизм регулируется комплексом нормативно-правовых актов, определяющих порядок и условия проведения торгов.

Подготовительный этап

Первоначальной стадией является формирование конкурсной массы, включающей все имущество должника. На этом этапе осуществляется инвентаризация объектов недвижимости, их оценка независимыми экспертами и определение начальной стоимости лотов. Важным элементом подготовки является также формирование необходимой документации для проведения торгов.

Организация торгов

Процесс организации торгов включает несколько ключевых моментов. Прежде всего, определяется форма проведения торгов — аукцион или публичное предложение. Устанавливаются сроки проведения процедуры, условия участия для потенциальных покупателей и порядок подачи заявок. Информация о предстоящих торгах размещается на официальных ресурсах и в специализированных изданиях.

Участники процесса

В процедуре участвуют несколько категорий субъектов. Арбитражный управляющий координирует весь процесс реализации имущества. Организатор торгов обеспечивает техническую и организационную поддержку мероприятия. Потенциальные покупатели, как физические, так и юридические лица, проходят предварительный отбор на соответствие установленным требованиям [4].

Проведение торгов

Сама процедура торгов осуществляется в строгом соответствии с установленными правилами. Участники подают свои предложения в установленном порядке. Победителем признается лицо, предложившее наиболее

выгодную цену или соответствующее условиям конкурсного отбора. После определения победителя происходит оформление результатов торгов.

Завершающий этап

На заключительном этапе происходит оформление сделки купли-продажи. Победитель вносит предусмотренный задаток и подписывает договор с организатором торгов. Далее осуществляется процедура перехода права собственности на объект недвижимости, включающая государственную регистрацию.

Контроль и надзор

Весь процесс находится под контролем арбитражного суда, который осуществляет надзор за соблюдением законности процедуры. Предусмотрена возможность обжалования действий участников процесса и результатов торгов в установленном порядке [2].

Процедура приобретения недвижимости через процедуру банкротства так же содержит ряд рисков для покупателя, к основным можно отнести:

Заселенные квартиры, которые были приобретены через торги по банкротству, можно освободить только после получения решения суда о выселении жильцов с данной приобретенной площади, если в данном жилье прописаны несовершеннолетние, то процесс может затянуться на более долгий срок [3].

Часто при приобретении недвижимости через торги, владелец приобретает не только квадратные метры, но и долги за оплату коммунальных платежей. Суммы задолженностей могут превышать стоимость приобретения данных квадратных метров. К рискам так же можно отнести факт наличия сложностей с оформлением документов, сложности с электронными площадками, переплата из-за недостаточной оценки рыночной стоимости, потеря задатка при неудачной сделке и т. д.

Таким образом, следует отметить, что процедура приобретения имущества через банкротство сопряжена с определёнными рисками и требует профессионального подхода, а так же исследование механизмов приобретения недвижимости через процедуру банкротства поможет решить актуальную задачу, решение которой позволит оптимизировать инвестиционный процесс и минимизировать возможные риски.

Литература:

1. Гражданское право: учебник / под ред. Е. А. Суханова. — М.: Статут, 2023- С. 527–530.
2. Правовое регулирование банкротства: учебное пособие / под ред. А. В. Улюкаева. — М.: Норма, 2023- С.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации часть 4 от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 21.10.2024 // Собрание законодательства РФ. — 2006.- № 52 (часть 1)- ст. 446
4. Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»: [в редакции от 23 апреля 2024 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — № 43. — Ст. 4190. — Текст: электронный // КонсультантПлюс: справочно-правовая система.

Особенности судебного представительства

Гатауллин Тимур Зямилович, студент

Научный руководитель: Паулов Павел Александрович, кандидат юридических наук, доцент
Самарский университет государственного управления «Международный институт рынка»

При изучении различных судебных дел часто возникает необходимость рассмотрения института представительства, однако вопрос о правосубъектности представителя как участника процессуальных отношений и его месте среди них редко подвергается научному анализу. Статус представителя в судебном процессе представляется простым, но на самом деле является сложным и многогранным. Существует несколько точек зрения на процессуальный статус представителя: некоторые рассматривают его как производный от стороны, которую он представляет, в то время как другие видят его как самостоятельного участника процессуальных отношений.

Например, Гурвич М. А. в своих трудах утверждает [1], что права представителя производны от прав стороны, которую он представляет. Действия, возможности и обязанности представителя могут зависеть от того, как он понимается в контексте судебного процесса или же они могут быть прямо указаны в доверенности, выдаваемой представляемым.

Муратова А. Р. рассматривает представительство в суде как самостоятельный гражданско-правовой институт [2]. Эта позиция подтверждается тем, что представительство регламентируется отдельными главами процессуальных кодексов, таких как Кодекс административного судопроизводства, Арбитражный процессуальный кодекс или Гражданский процессуальный кодекс, что подчеркивает самостоятельность представителя от других участников судебного процесса. Это отражено, например, в статье 49 ГПК РФ, которая определяет, кто может выступать в качестве представителя в суде. Кроме того, статья 53 ГПК РФ указывает, что полномочия представителя по ведению дела должны быть оформлены в доверенности, выданной и оформленной в соответствии с законом.

Таким образом, мы можем сказать, что представитель в суде представляет собой уникального участника судебного процесса, чей правовой статус невозможно анализировать без рассмотрения его полномочий. В этой связи следует отметить, что у представителя в суде не только имеются права, но и обязанности, которые закреплены в законодательстве. Важно отметить, что законодательством установлены определенные требования, которым представитель обязан соответствовать.

Также говоря об институте представительства, стоит выделить его цели, так как их толкуют тоже по-разному. Некоторые авторы считают, что представитель помогает осуществлять правосудие [3], другие же видят его цель в защите интересов представляемого лица [4]. Исходя из этого, мы видим ситуацию, в которой каждый по-разному толкует место и роль представительства в суде.

В судебных процессах участники имеют разнообразные права, возможности и обязанности, влияющие на ход дела, такие как представление новых доказательств, подача ходатайств и так далее. Правосубъектность представителя зависит от представляемого лица, что подтверждается статьей 54 ГПК РФ, утверждающей, что представитель имеет право совершать от имени представляемого все процессуальные действия, требующие специального уполномочивания в доверенности. Доверенность является основным способом установления полномочий представителя и может быть выражена письменно, устно с записью в протоколе или в виде ордера, соблюдая законодательные требования. Она может быть выдана на одного или нескольких представителей с различными полномочиями, а также одним представителем от нескольких участников процесса.

Как отмечалось ранее, полномочия представителя могут быть общими (которые закреплены в законодательстве) или специальными (которые требуют нотариально заверенной доверенности). Наличие специальных полномочий не только расширяет возможности представителя, но и защищает представляемого от возможных злоупотреблений. Исключением являются государственные адвокаты, которым не требуется доверенность. Процессуальное представительство может быть основано на договоре оказания услуг, на законе или на трудовом договоре. В случае договора оказания услуг представитель обязан оказать услугу, в случае закона — действовать как законный представитель, а в случае трудового договора — выполнять свои обязанности по трудовому договору.

С учетом определенных критериев, установленных в статье 49 ГПК РФ, представителем гражданина в гражданском процессе может быть любое лицо, соответствующее требованиям дееспособности и правильного оформления полномочий. Данный перечень ограничен, что делает институт представительства в суде доступным практически для всех. Однако, учитывая сложность различных категорий дел, рассматриваемых арбитражными судами, а также объем законодательства, регулирующего спорные правоотношения, можно утверждать, что граждане не всегда обладают достаточными знаниями и квалификацией для защиты своих прав и интересов в суде.

Учитывая сложность отдельных категорий дел, рассматриваемых арбитражными судами, а также большое количество нормативных актов, регулирующих спорные правоотношения, следует признать, что участники арбитражного процесса в лице граждан не всегда обладают достаточными знаниями в области правоприменения и квалификацией, необходимыми для эффективной защиты своих прав и законных интересов.

Таким образом, мы можем прийти к выводу, что судебное представительство предполагает, что институт судебного представительства обеспечивает сторонам гражданского дела возможность иметь профессиональное юридическое представительство для защиты их прав и интересов. Также мы можем отметить, что представитель действует от имени и в интересах представляемого, обладая теми же правами и возможностями,

которые имел бы сам представляемый для удобства осуществления процессуальных действий, за исключением ситуаций, когда на их осуществление требуется специально разрешение — доверенность. В заключении хочется сказать, что данный институт также способствует обеспечению доступности правосудия для всех сторон гражданского дела, независимо от их финансового или социального положения.

Литература:

1. Гурвин М. А. Право на иск // Издательство академии наук России. 2020. — С. 64.
2. Муратова А. Р. Представительство как институт гражданского права // Правовое государство: теория и практика. 2022. № 3. С. 104.
3. Решетникова И. В. Гражданский процесс. 7-е издание, переработанное // Норма Инфра-М. 2021. — С. 85.
4. Вкут М. А. Гражданский процесс // Юрист. 2024. — С. 259.

Индексация присужденных денежных сумм

Горяева Герел Тимуровна, студент магистратуры
Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России) (г. Москва)

Различные экономические явления и процессы в некоторых случаях существенно затрагивают интересы участников правоотношений, накладывая при этом дополнительные требования к денежным обязательствам. Одним из таких факторов является инфляция — устойчивое повышение общего уровня цен на товары и услуги в экономике, а попросту обесценивание денег, снижение их покупательной способности. Обратный процесс — дефляция — сигнализирует о снижении общего уровня цен, что в итоге также отражает подлинный масштаб обесценивания денежных сумм. В этой связи гарантией предотвращения негативных последствий инфляционных и дефляционных процессов для кредитора выступает институт индексации присужденных судом денежных сумм.

По своей правовой природе индексация присужденных денежных сумм не является мерой гражданско-правовой ответственности, а представляет собой правовой механизм, позволяющий полностью возместить потери взыскателя от длительного неисполнения судебного решения в условиях инфляционных процессов. Так, в специальных процессуальных нормах (ст. 208 Гражданского процессуального кодекса РФ (ГПК РФ), ст. 183 Арбитражного процессуального кодекса (АПК РФ) и ст. 189.1 Кодекса административного судопроизводства (КАС РФ)) заложен механизм индексации присужденных денежных сумм на день исполнения решения суда, для чего используется официальная статистическая информация об индексе потребительских цен (тарифов) на товары и услуги в Российской Федерации, если иное не предусмотрено федеральным законом или договором.

Однако с момента введения рассматриваемого правового института в гражданское процессуальное законодательство РФ на практике возникали спорные вопросы применения, касающиеся:

- определения подсудности рассмотрения заявления об индексации;
- сущности заявления об индексации как нового материально-правового требования или процессуального требования взыскателя и должника;
- срока обращения в суд с заявлением об индексации и периода индексации [1];
- возможности одновременного взыскания индексации денежных сумм и процентов за пользование чужими денежными средствами, индексации судебных расходов, а также повторной индексации ранее взысканных с должника денежных сумм в качестве индексации присужденной денежной суммы.

Эти и другие спорные вопросы разрешались судами в соответствии с действующими редакциями норм процессуального законодательства и сложившейся судебной практикой применения механизма индексации присужденных денежных сумм.

Необходимо отметить особую роль Конституционного суда Российской Федерации в правовом регулировании механизма индексации присужденных сумм, которая заключается в своевременном устранении пробелов и неопределенностей, связанных с реализацией положений ст. 46 Конституции РФ, гарантирующей каждому судебную защиту его прав и свобод.

Раскрывая правовую природу индексации присужденных денежных сумм, Конституционный суд РФ

в своих правовых позициях отразил, что она является особым процессуальным механизмом защиты взыскателя от инфляционных процессов. Это не мера гражданско-правовой или иной юридической ответственности должника, а правовой механизм компенсаторного характера, позволяющий полностью возместить потери взыскателя от длительного неисполнения судебного акта в условиях инфляционных процессов с момента вынесения судебного решения до его реального исполнения.

Индексация представляет собой предусмотренный процессуальным законодательством упрощенный порядок возмещения взыскателю финансовых потерь, вызванных несвоевременным исполнением должником решения суда, когда взысканные суммы обесцениваются в результате экономических явлений. *Индексация присужденных денежных сумм* — это **межотраслевой процессуально-правовой институт**. Его реализация не исключает одновременного применения к должнику мер юридической ответственности [2, 3, 4, 5].

В дальнейшем, обобщая правовые позиции о природе индексации присужденных денежных сумм, Конституционный суд РФ отметил особенности поведения должника и взыскателя, влияющие на справедливое исполнение судебного решения на примере обращения взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации.

Так, индексация присужденных сумм не может считаться санкцией, призванной побудить должника к скорейшему исполнению возложенных на него судом обязанностей. Данная процессуальная гарантия лишь выступает инструментом, который позволяет взыскателю получить присужденную ему сумму, но с учетом инфляционных издержек. Следовательно, ее применение не может обуславливаться поведением должника либо иными связанными с ним обстоятельствами, поскольку инфляционные процессы, обесценивающие взысканные судом суммы, никоим образом от должника не зависят. Вместе с тем из этого не следует, что должник обязан возмещать потери взыскателя и в тех случаях, когда он объективно лишен возможности каким-либо образом повлиять на исполнение судебного решения, в то время как взыскатель, напротив, не лишен возможности для злоупотребления правом на индексацию, используя установленный ч. 1 ст. 21 Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» трехлетний срок для предъявления к исполнению исполнительных листов, выданных на основании судебных актов. Например, исполнительный лист и копия решения суда могут быть предъявлены взыскателем к исполнению в последний день срока, а после исполнения можно подать заявление об индексации за весь период с момента вынесения решения суда и до даты его исполнения [6].

Вместе с тем имеются определенные преимущества для взыскателя с точки зрения гарантированности своевременного получения причитающегося при взыскании с бюджетного учреждения по сравнению со взысканием

с частных лиц. При этом сохраняются риски злоупотреблений со стороны взыскателя в части использования института индексации присужденных сумм в качестве способа обогащения [7].

До недавнего времени отсутствие нормы о сроках обращения за индексацией, по мнению некоторых правоведов, виделось именно пробелом, а не квалифицированным умолчанием законодателя ввиду того, что иное не соответствовало бы таким принципам отправления правосудия, как правовая определенность и диспозитивность, частным случаем которой выступает активная роль взыскателя при исполнении судебных актов, в какой бы форме такое исполнение ни проводилось. Так, по мнению кандидата юридических наук И. Н. Спицина, конечной целью правосудия является не только защита или восстановление нарушенных прав, но и снятие правовой неопределенности социальных отношений, обеспечение стабильности оборота. Сохранение же за взыскателем права требовать индексации без ограничения какими-либо сроками создавало бы бесконечную во времени неопределенность и исключало бы окончательное разрешение вопросов, связанных с конкретным юридическим спором, во всей их полноте [8].

Двадцатого июня 2024 года ст. 183 АПК РФ была признана не соответствующей Конституции Российской Федерации в той мере, в какой во взаимосвязи с нормами АПК РФ об аналогии права и аналогии закона, об установлении, исчислении и восстановлении процессуальных сроков, а также нормами ГК РФ о понятии, общем сроке и восстановлении срока исковой давности, она (при наличии пробела в системе действующего правового регулирования) позволяет произвольно определять срок для обращения взыскателя или должника в арбитражный суд с заявлением об индексации присужденных денежных сумм. Срок для обращения взыскателя или должника в арбитражный суд с таким заявлением не должен превышать одного года со дня исполнения должником судебного акта. При наличии уважительных причин для пропуска такой срок может быть восстановлен судом по их заявлениям [9].

По общему правилу, по заявлению взыскателя или должника суд, рассмотревший дело, может произвести индексацию присужденных судом денежных сумм на день исполнения решения суда (абз. 1 ч. 1 ст. 183 АПК РФ, абз. 1 ч. 1 ст. 208 ГПК РФ, абз. 1 ч. 1 ст. 189.1 КАС РФ).

С учетом правовых позиций Конституционного суда РФ, а также межотраслевого характера института индексации присужденных денежных сумм, 1 апреля 2025 года указанные процессуальные нормы были дополнены изменениями о том, что заявление об индексации присужденных судом (арбитражным судом) денежных сумм может быть подано **в срок, не превышающий одного года со дня исполнения должником судебного акта**. При наличии уважительных причин указанный срок может быть восстановлен судом в порядке, предусмотренном ст. 117 АПК РФ, ст. 112 ГПК РФ и ст. 95 КАС РФ. Установленные

указанными нормами сроки подачи заявления об индексации присужденных судом денежных сумм начинают течь **со дня исполнения должником судебного акта** [10].

Аналогичный подход к вопросу о правовой природе индексации нашел отражение в практике Верховного суда Российской Федерации, указавшего, что индексация денежных сумм, подлежащих взысканию с ответчика, — это механизм приведения присужденной суммы в соответствие с уровнем цен и стоимостью жизни, сложившимся на день реального исполнения должником своего обязательства. Вина должника не является условием, при котором производится индексация суммы причиненного вреда, поскольку применение индексов роста цен направлено не на усиление экономических санкций в отношении должника, а на правильное определение размера реального и полного возмещения вреда при рассмотрении спора в суде [11, п. 7].

Механизм индексации взысканных судом денежных сумм направлен на поддержание их покупательной способности, не является мерой гражданской или иной ответственности и применяется вне зависимости от вины лица, обязанного выплатить денежные средства, в задержке их выплаты. Единственным основанием для индексации взысканных сумм является их обесценивание на день фактического исполнения решения суда [12, п. 9].

При этом индексация присужденных сумм представляет собой упрощенный порядок возмещения финансовых потерь взыскателя, вызванных обесцениванием в результате несвоевременного исполнения решения суда должником вследствие экономических процессов. По своей правовой природе она не является санкцией, а также не зависит от вины должника. В этом случае индексация присужденных сумм должна быть произведена с момента их присуждения выигравшей стороне и до момента полного и фактического исполнения судебного решения должником [13].

Требование об индексации присужденных денежных сумм и о выплате процентов в соответствии со **ст. 395 ГК РФ** представляют собой два возможных способа возмещения потерь, из которых индексация присужденных денежных сумм в отличие от выплаты процентов по правилам **ст. 395 ГК РФ** направлена на возмещение потерь, вызванных непосредственно неисполнением судебного акта. Отказ в применении одного из указанных способов по мотивам, связанным с наличием как таковой возможности для заявителя прибегнуть к другому способу возмещения потерь, неправомерен [14, п. 24].

В декабре 2024 года, изучив судебную практику судов общей юрисдикции и арбитражных судов по рассмотрению заявлений об индексации присужденных судом денежных сумм, Верховный суд РФ обобщил правовые позиции в соответствующем тематическом обзоре (далее — Обзор ВС от 18.12.2024), опубликованном в мае 2025 года [15].

Обзор ВС от 18.12.2024, состоящий из 30 правовых позиций, регулирует различные вопросы предмета прак-

тического обобщения, в том числе раскрывает правовую сущность межотраслевого института индексации присужденных денежных сумм, указывая на его различия с мерами гражданско-правовой ответственности.

Как следует из положений пп. 1–3 указанного Обзора, **применение мер гражданско-правовой ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства не является основанием для отказа в индексации присужденных денежных сумм; такие меры гражданско-правовой ответственности могут быть проиндексированы судом, так же как и судебные расходы.**

Не подлежат индексации денежные суммы, взысканные с должника в качестве индексации присужденной денежной суммы, поскольку сами они не являются присужденными. Также не подлежат индексации суммы долга, присужденные в иностранной валюте, поскольку для целей определения суммы индексации используется официальная статистическая информация об индексе потребительских цен на товары и услуги в Российской Федерации, где денежной единицей является рубль (пп. 6, 7 Обзора ВС от 18.12.2024).

Вышеназванный Обзор регулирует также вопросы:

- о лицах, имеющих право обратиться с заявлением об индексации (пп. 10–12);
- о сроке обращения с заявлением об индексации (пп. 13–14);
- о периоде индексации (пп. 15–21);
- о порядке расчета индексации присужденных денежных сумм (пп. 22–24);
- об особенностях рассмотрения заявления об индексации присужденных денежных сумм (п. 25);
- об особенностях индексации присужденных денежных сумм при банкротстве должника (пп. 26–30).

Одной из трудностей, с которой сталкиваются преимущественно взыскатели при формировании заявления об индексации присужденных денежных сумм, является расчет такой индексации с учетом требований процессуальных законов. В отличие от расчета неустойки и иных финансовых санкций при расчете индексации используется более сложная формула.

Во-первых, при расчете индексации присужденных денежных сумм используется индекс потребительских цен (тарифов) на товары и услуги в Российской Федерации, но не ее субъекта.

Во-вторых, сумма индексации определяется путем перемножения соответствующих индексов — от индекса за месяц вынесения судебного акта до индекса за месяц его фактического исполнения. При этом индексация производится со дня вынесения судебного акта по день его исполнения, следовательно, индексы месяцев вынесения судебного акта и его исполнения определяются пропорционально количеству дней неисполнения судебного акта в соответствующем месяце. Для расчета суммы индексации необходимы следующие данные: присужденная денежная сумма, период индексации, величина индекса. Присужденная денежная сумма подлежит умножению на

произведение индексов (от индекса за месяц вынесения судебного акта до индекса за месяц его фактического исполнения).

В-третьих, при расчете **индекса** потребительских цен за период неисполнения судебного акта следует учитывать дефляционные индексы, которые влияют на итоговый экономический результат, отражаясь на динамике изменения реальной покупательной способности взысканной суммы в течение всего периода индексации (при инфляции покупательная способность падает, при дефляции — растет).

Таким образом, отличительным признаком индексации присужденных денежных сумм от мер гражданско-правовой ответственности также является порядок ее расчета, что свидетельствует о различной правовой природе механизмов возмещения имущественных потерь взыскателя.

Институт индексации присужденных денежных сумм как правовой механизм компенсаторного характера следует отличать от компенсации за нарушение права на исполнение судебного акта в разумный срок.

Так, в соответствующих разъяснениях Пленума Верховного суда РФ отражены правовые позиции, указывающие на возможность одновременного взыскания индексации присужденных денежных сумм, произведенной по правилам ст. 208 ГПК РФ или ст. 183 АПК РФ в связи с неисполнением судебного акта, и присуждения денежной компенсации по Федеральному закону от 30.04.2010 № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизвод-

ство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок». Однако как следует из разъяснений Верховного суда РФ, в случае процессуальной замены лица его правопреемником право на компенсацию по закону № 68-ФЗ имеет только лицо, участвовавшее в судебном разбирательстве, или лицо, в пользу которого выдан исполнительный документ. Права на судопроизводство и на исполнение судебного акта в разумный срок являются неотчуждаемыми и непередаваемыми, в том числе в порядке перехода прав кредитора другому лицу по сделке (уступка требования) [16, пп. 7, 62]. В отличие от указанной компенсации в случае замены взыскателя его правопреемником индексация присужденных денежных сумм производится по заявлению правопреемника, за исключением прямого запрета на уступку требования, указанного в договоре цессии или законе (пп. 10–12 Обзора ВС от 18.12.2024).

В заключение необходимо отметить, что особенности правового регулирования индексации присужденных денежных сумм позволяют взыскателю предотвратить негативные последствия инфляционных и дефляционных процессов путем возмещения потерь взыскателя от длительного неисполнения судебного акта. Указанное обстоятельство, независимо от конечной цели индексации присужденных денежных сумм, стимулирует добросовестных участников гражданского и арбитражного судопроизводства сокращать срок исполнения судебного решения, обеспечивает достижение баланса интересов сторон в исполнительном производстве.

Литература:

1. Постыляков, С. П. Актуальные проблемы правоприменения института индексации присужденных денежных сумм в гражданском процессе / С. П. Постыляков // Арбитражный и гражданский процесс. — 2014. — № 4. — С. 22–27.
2. Определение Конституционного Суда РФ от 20.03.2008 № 244-О-П «По жалобе гражданина Петрова Игоря Александровича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 208 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // Информационно-правовой портал «Гарант.Ру».
3. Определение Конституционного Суда РФ от 06.10.2008 № 738-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Дальневосточная трастовая компания» на нарушение конституционных прав и свобод частью 1 статьи 183 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // Информационно-правовой портал «Гарант.Ру».
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 23.07.2018 № 35-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 208 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Т. В. Ивановой, И. М. Митина и Е. В. Шкотова» // Российская газета. — 2018. — № 169.
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 22.07.2021 № 40-П «По делу о проверке конституционности статьи 183 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Арбитражного суда Республики Татарстан и жалобой гражданина В. В. Сторублевцева» // Российская газета. — 2021. — № 176.
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 22.06.2023 № 34-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 183 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, пунктов 1 и 2 статьи 242.1 и пункта 6 статьи 242.2 Бюджетного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Верховного Суда Российской Федерации» // Российская газета. — 2023. — № 144.
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 25.01.2024 № 3-П «По делу о проверке конституционности статьи 208 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, пунктов 1 и 2 статьи 242.1 и пункта 6 статьи 242.2 Бюджетного кодекса Российской Федерации, а также пунктов 1 и 2, абзаца первого пункта 5, абзаца первого пункта 6, абзаца первого пункта 7 части 20 статьи 30 Федерального закона от 8 мая 2010 года № 83-ФЗ «О

внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений» в связи с жалобами граждан И. В. Гусевой и С. Н. Тихомирова» // Российская газета. — 2024. — № 26.

8. Спицин, И. Н. Институт индексации присужденных денежных сумм в правовых позициях Конституционного Суда РФ / И. Н. Спицин // Цивилист. — 2025. — № 3. — С. 3–13.
9. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20.06.2024 № 31-П «По делу о проверке конституционности статьи 183 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Верховного Суда Российской Федерации» // Российская газета. — 2024. — № 146.
10. Федеральный закон от 01.04.2025 № 54-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2025. — № 14. — Ст. 1587.
11. Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за 1 квартал 2008 г. (утв. постановлением Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 28 мая 2008 г.) // Информационно-правовой портал «Гарант.Ру».
12. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2015) (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 4 марта 2015 г.) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. — 2015. — № 5.
13. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 21.01.2020 № 18-КГ19-147 // ЭПС «Система ГАРАНТ».
14. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 2 (2022) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 12 октября 2022 г.) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. — 2022. — № 11.
15. Обзор судебной практики по вопросам, связанным с индексацией присужденных судом денежных сумм на день исполнения решения суда (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 18 декабря 2024 г.) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. — 2025. — № 5.
16. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.03.2016 № 11 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» // Российская газета. — 2016. — № 72.

Проблемы исполнения наказаний в виде обязательных работ

Гуляева Елена Владимировна, студент магистратуры

Научный руководитель: Ключенко Лариса Николаевна, кандидат юридических наук, кандидат филологических наук, доцент
Российский новый университет (г. Москва)

В статье рассматриваются проблемы исполнения наказаний в виде обязательных работ. Исследуются статистические данные о замене обязательных работ на более строгий вид наказания. Предлагаются пути совершенствования механизма исполнения данного вида наказания.

Ключевые слова: осужденные, обязательные работы, проблемы исполнения наказаний, замена наказания.

В рамках развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации осуществляется активное внедрение альтернативных лишению свободы видов наказаний. К ним относится институт обязательных работ, являющийся одним из современных видов уголовного наказания, направленных на гуманизацию уголовной политики. Подобное решение выглядит целесообразным, так как осужденные остаются на свободе, не теряют связь с обществом, сохраняют возможность трудоустройства и продолжения образования, а также в наказании отсутствуют элементы строгого воздействия.

По мнению А. Тимошенко, использование трудовой деятельности среди лиц, осужденных к наказаниям без изоляции от общества, является эффективным методом коррекции поведения и снижает вероятность повторных правонарушений. [5, с. 33]

Согласно ч. 1 ст. 49 Уголовного Кодекса Российской Федерации (далее УК РФ), обязательные работы — это бесплатное выполнение осужденным общественно полезных работ в свободное от основной деятельности (работы или учебы) время. Это наказание, не предполагающее изоляции, закреплено в ст. 49 УК РФ и регулируется Федеральным законом от 28 декабря 2004 г. № 177-ФЗ «О введении в действие положений УК РФ и УИК РФ о наказании в виде обязательных работ», вводящим в действие соответствующие положения УК РФ и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее УИК РФ), касающиеся обязательных работ.

Вид работ определяют органы местного самоуправления по согласованию с уголовно-исполнительными инспекциями (далее УИИ). К таким работам относятся те, что не требуют специальной подготовки или квалифи-

каций, например, уборка улиц, сбор урожая, прополка, погрузочно-разгрузочные работы и прочее.

Однако при исполнении данного вида наказания существуют следующие проблемы, органы местного самоуправления могут отказаться от взаимодействия с исполнительным органом в части подбора организаций для отбывания наказания. Это обусловлено тем, что у органов местного самоуправления нет подведомственных предприятий, где могли бы исполняться наказания в виде обязательных работ. При вынесении судебного акта о применении обязательных работ суд учитывает дефицит учреждений, предназначенных для их отбывания, что ведет к ограничению количества назначения данного вида наказания.

По мнению авторов С. И. Паканича и В. Ф. Филипповой, отсутствие четких критериев при определении объекта и места выполнения обязательных работ представляет собой серьезную проблему в практике применения этого вида наказания, поскольку такие критерии не закреплены в законодательстве. [4, с. 65]

Также к проблемам отнесем уклонение осужденных от выполнения обязательных работ, что приводит к необходимости замены наказания, отсутствие стимула для добросовестного исполнения наказания, проблемы с контролем и качеством выполнения работ.

Обязательные работы подлежат замене на ограничение свободы, арест или лишение свободы при злостном уклонении от их отбывания (ч. 3 ст. 49 УК РФ). Законодательство не определяет четкий размер нового наказания, следовательно, суд обязан учитывать конкретные обстоятельства дела, степень тяжести и характер уклонения, личность осужденного, наличие смягчающих и отягчающих факторов, после чего из вновь установленного срока наказания подлежит вычету время, фактически проведенное осужденным на выполнении обязательных работ.

Анализ статистических данных Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, о замене обязательных работ лишением свободы показывает, что:

— в 2022 году из поступивших 28 454 материалов, удовлетворено 46 %;

— в 2023 году из поступивших 26 537 материалов, удовлетворено 45 %;

— в 2024 году из поступивших 21 663 материалов, удовлетворено 44 %. [7]

Несмотря на снижение количества поступивших материалов о замене наказаний за период 2022–2024 гг., имеется высокий процент удовлетворенных ходатайств, показывающий на сколько серьезные проблемы в сфере исполнения наказаний в виде обязательных работ.

Рассмотрим замену наказания на примере постановления Пермского районного суда, в отношении осужденного совершившего преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 158, п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, в соответствии с ч. 3 ст. 69 УК РФ, назначено наказание в виде обязательных работ сроком 350 часов. При невыходе на обязательные работы без уважительных причин осужденному были вынесены предупреждения о возможности замены наказания, тем самым должных выводов не сделал и продолжал уклоняться от отбывания наказания. На основании изложенного, суд в соответствии с ч. 3 ст. 49 УК РФ заменил неотбытое наказание в виде 346 часов обязательных работ на 43 дня лишения свободы с отбыванием в исправительной колонии общего режима. [6]

Таким образом, применение процедуры замены наказания на более строгое представляется оправданным инструментом для эффективной реализации государственной политики в области противодействия преступности и повышения дисциплины осужденных. Эффективность данного института определяется способностью своевременно и точно выявлять факты злоупотреблений и обеспечивать необходимую реакцию системы правосудия на них.

Для решения выявленных проблем при исполнении наказания в виде обязательных работ необходим комплексный подход к их решению. Требуется совершенствование законодательной базы, усиление межведомственного взаимодействия, создание эффективной системы контроля, разработка системы мотивации для добросовестного исполнения наказания.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63 — ФЗ (ред. от 6 апреля 2024 г.)
2. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 января 1997 г. № 1 — ФЗ (ред. от 31 июля 2025 г.)
3. Федеральный закон от 28 декабря 2004 г. № 177-ФЗ «О введении в действие положений УК РФ и УИК РФ о наказании в виде обязательных работ»
4. Паканич С. И., Филиппова В. Ф. Некоторые проблемы исполнения наказания в виде обязательных работ // Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России. 2022. № 2. С. 65–73.
5. Тимошенко А. Как организовать исполнение наказаний в виде исправительных и обязательных работ // Законность. — 2006. № 7. — С. 33.
6. Постановление Пермского районного суда Пермского края от 23.04.2024 № 4–17–145/2024 УИД 59RS0008–01–2023–000487–52 URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/339482023/paragraph/28/doclist/2059/78/0/0/%D0%B7%D0%B0%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%B0%20%D0%BE%D0%B1%D1%8F%D0%B7%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D1%85%20%D1%80%D0%B0%D0%B1%D0%BE%D1%82%20%D0%BD%D0%B0%20%D0%B1%D0%BE%D0%BB%D0%B5%D0%B5%20%D1%81%D1%82%D>

1 %80 %D0 %BE %D0 %B3 %D0 %BE %D0 %B5 %20 %D0 %BD %D0 %B0 %D0 %BA %D0 %B0 %D0 %B7 %D0 %B0 %D0 %BD %D0 %B8 %D0 %B5:22 (дата обращения: 2 ноября 2025 г.)

7. Данные судебной статистики // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&> (дата обращения: 2 ноября 2025 г.)

Ювенальная юстиция: особенности правосудия в отношении несовершеннолетних в России

Дмитриенко Дарина Александровна, студент;

Козловская Арина Дмитриевна, студент;

Пушкина Юлия Антоновна, студент

Научный руководитель: Хромов Александр Владимирович, преподаватель

Северо-Западный институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Санкт-Петербург)

Особенности ювенальной юстиции в Российской Федерации, её становление, правовые основы и практика применения в отношении несовершеннолетних правонарушителей. Анализируется структура системы профилактики безнадзорности и правонарушений, раскрываются основные принципы правосудия, направленные на гуманизацию наказания и ресоциализацию подростков. Отмечаются существующие проблемы развития ювенальной юстиции и предлагаются пути их решения.

Ключевые слова: ювенальная юстиция, несовершеннолетние, правосудие, профилактика, ресоциализация, правовая защита, правонарушения, судопроизводство.

Juvenile justice: features of juvenile justice in Russia

Dmitrienko Darina Aleksandrovna, student;

Kozlovskaya Arina Dmitrievna, student;

Pushkina Yulia Antonovna, student

Scientific advisor: Khromov Aleksandr Vladimirovich, lecturer

North-West Institute of Management — a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (St. Petersburg)

Features of juvenile justice in the Russian Federation, its development, legal foundations, and practical application to juvenile offenders. The article analyzes the structure of the system for preventing neglect and delinquency, revealing the key principles of justice aimed at humanizing punishment and resocializing adolescents. The current challenges in the development of juvenile justice are highlighted and solutions are proposed.

Keywords: juvenile justice, minors, justice, prevention, resocialization, legal protection, offenses, legal proceedings.

Современная уголовная политика Российской Федерации основывается на принципах гуманизма и приоритета воспитательных мер над карательными, особенно в отношении несовершеннолетних. Под ювенальной юстицией понимается система правосудия, адаптированная к возрастным, психологическим и социальным особенностям несовершеннолетних, обеспечивающая не только наказание, но и возможность исправления и возвращения в общество.

Вопросы ювенальной юстиции в России приобретают всё большее значение в контексте роста подростковой преступности и необходимости защиты прав детей. Особенность этой системы заключается в том, что она ориентирована не на репрессии, а на профилактику, воспитание и ресоциализацию несовершеннолетних, оказавшихся в конфликте с законом.

Исторические предпосылки появления ювенальной юстиции в России восходят к дореволюционному периоду, когда создавались комиссии по делам несовершеннолетних. Однако современная концепция ювенальной системы стала развиваться после принятия в 1990-х годах ряда федеральных законов, направленных на защиту прав ребёнка.

Правовую основу ювенальной юстиции составляют:

1. Конституция Российской Федерации (статьи 38, 43, 45);

2. Уголовный кодекс РФ (глава 14 «Особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних»);

3. Уголовно-процессуальный кодекс РФ (глава 50 «Производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних»);

4. Федеральный закон № 120-ФЗ от 24 июня 1999 года «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»;

5. Федеральный закон № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребёнка в Российской Федерации».

В начале 2000-х годов были предприняты попытки внедрения специализированных ювенальных судов, в частности, в Ростовской, Саратовской, Свердловской областях и Санкт-Петербурге. Их деятельность показала, что специализированные суды снижают уровень рецидива и повышают эффективность работы с подростками, но из-за отсутствия единого федерального закона ювенальные суды не получили широкого распространения.

Согласно российскому законодательству, уголовная ответственность несовершеннолетних имеет ряд особенностей.

Так, статья 87 Уголовного кодекса РФ определяет несовершеннолетнего как лицо, которому на момент совершения преступления исполнилось от 14 до 18 лет.

Особенности уголовного судопроизводства включают:

1. Обязательное участие педагога и психолога при допросе несовершеннолетнего (ст. 425 УПК РФ);
2. Закрытые судебные заседания для защиты личных данных подростка (ст. 241 УПК РФ);
3. Приоритет воспитательных мер (ст. 90 УК РФ) — предупреждение, надзор, обязанность загладить причинённый вред;
4. Сокращённые сроки наказания и возможность освобождения от уголовной ответственности при примирении с потерпевшим;
5. Учет личности, условий жизни и воспитания несовершеннолетнего при назначении меры наказания.

Профилактическая работа осуществляется комплексно. В неё входят:

1. Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав (КДНиЗП);
2. Подразделения по делам несовершеннолетних органов внутренних дел;
3. Органы опеки и попечительства;
4. Образовательные учреждения и социальные службы.

Основной задачей данных органов является предупреждение безнадзорности, правонарушений и помощь подросткам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации. — Принята всенародным голосованием 12.12.1993 (в ред. 2020 г.).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации. — Гл. 14 «Особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних».
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. — Гл. 50 «Производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних».
4. Федеральный закон № 120-ФЗ от 24.06.1999 г. «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних».
5. Федеральный закон № 124-ФЗ от 24.07.1998 г. «Об основных гарантиях прав ребёнка в Российской Федерации».
6. Мельникова Э. Б. Ювенальная юстиция: Проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминологии: Учебное пособие. — М.: Дело, 2020.

Важнейшим направлением развития ювенальной юстиции становится восстановительное правосудие — подход, при котором подросток имеет возможность осознать вред, причинённый своим поступком, и компенсировать его, а потерпевший — принять извинения и примириться. Данный механизм реализуется через службы медиации, создаваемые при судах и образовательных учреждениях.

Несмотря на существующие достижения, в России сохраняются определённые проблемы, препятствующие полноценному функционированию ювенальной системы:

1. отсутствие федерального закона, регламентирующего статус ювенальных судов;
2. нехватка квалифицированных специалистов (психологов, социальных педагогов, ювенальных судей);
3. недостаточное финансирование программ профилактики правонарушений;
4. слабая межведомственная координация между правоохранительными и социальными структурами;
5. низкая информированность общества о целях и задачах ювенальной юстиции.

Для совершенствования системы необходимо:

1. Принятие федерального закона о ювенальной юстиции, закрепляющего её структуру и принципы;
2. Введение специализированных судов по делам несовершеннолетних во всех регионах;
3. Подготовка кадров в области ювенального права;
4. Развитие института школьной медиации;
5. Расширение мер социальной поддержки подростков из групп риска.

Ювенальная юстиция в России — важный элемент защиты прав ребёнка и формирования гуманного общества. Её развитие направлено на создание системы, способной не только пресекать преступность среди несовершеннолетних, но и предупреждать её.

Правосудие в отношении несовершеннолетних должно строиться на принципах справедливости, гуманизма и воспитания. В условиях современной России дальнейшее совершенствование ювенальной юстиции должно включать правовое закрепление ювенальных судов, усиление профилактических мер и развитие восстановительных практик. Только комплексный подход позволит обеспечить защиту прав несовершеннолетних и успешную их ресоциализацию.

7. Ларин А. М., Мельникова Э. Б., Савицкий В. М. Уголовный процесс России: лекции-очерки. — М.: БЕК, 2021.
8. Приказ МВД РФ от 31.12.2013 г. № 1155 «Об утверждении Положения о подразделениях по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации».

Множественность преступлений: теория и практика. Идеальная совокупность преступлений и её отличие от учтённой совокупности и конкуренции уголовно-правовых норм

Егоров Михаил Валерьевич, студент магистратуры
Владивостокский государственный университет

Тема настоящей статьи посвящена проблеме квалификации ряда составов преступлений в случае идеальной совокупности, как одной из форм множественности преступлений. В данном исследовании, автор обращает внимание на основные признаки, позволяющие отличить идеальную совокупность преступлений от учтённой совокупности и конкуренции уголовно-правовых норм. Автором рассматриваются теоретические аспекты определения множественности преступлений, а также примеры ее толкования, выразившиеся в актах судебной системы Российской Федерации. В практической деятельности должностные лица следственных органов и судьи сталкиваются с проблемой квалификации при идеальной совокупности преступлений и её отличие от случаев единичного преступления, что свидетельствует о сложности данного явления правовой действительности.

Ключевые слова: множественность преступлений, идеальная совокупность преступлений, учтённая совокупность, конкуренция уголовно-правовых норм.

Multiplicity of crimes: theory and practice. The ideal set of crimes and its difference from the recorded set and the competition of criminal law norms

The topic of this article is devoted to the problem of qualifying a number of criminal offenses in the case of an ideal combination, as one of the forms of multiple crimes. In this study, the author draws attention to the main features that distinguish an ideal combination of crimes from a considered combination and the competition of criminal law norms. The author examines the theoretical aspects of defining multiple crimes, as well as examples of its interpretation in the acts of the judicial system of the Russian Federation. In their practical activities, investigators and judges face the challenge of qualifying an ideal combination of crimes and distinguishing it from cases of a single crime, which highlights the complexity of this phenomenon in legal reality.

Keywords: multiple crimes, ideal set of crimes, considered set, competition of criminal law norms.

Настоящее исследование посвящено анализу проблемы квалификации ряда составов преступлений, содержащих в себе идеальную совокупность преступлений и её отличию от учтённой совокупности и конкуренции уголовно-правовых норм.

Актуальность проблемы заключается в распространённости данного явления правовой действительности и сложности квалификации составов преступлений содержащих идеальную совокупность в процессе применения норм уголовного права.

В Российском уголовном законодательстве не дано нормативного определения множественности преступлений.

Определение понятия множественности преступлений разработано наукой уголовного права.

Множественность преступлений — это совершенные одним лицом несколько преступных деяний (оконченных или не оконченных, совершенных единолично или в соучастии), сочетание которых предусмотрено уголовным

законом в качестве основания для назначения более строгого или совокупного наказания, при условии, что хотя бы два преступления сохраняют свои уголовно-правовые последствия [8].

Множественность преступлений можно определить как совершение одним лицом двух или более преступлений, предусмотренных Уголовным кодексом, в качестве самостоятельного состава преступлений, и каждое из которых сохраняет своё уголовно-правовое значение [9].

Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 15.10.2025) закрепляет две формы множественности преступлений, такие как совокупность преступлений (ст. 17 УК РФ) и рецидив преступлений (ст. 18 УК РФ).

Согласно нормативному определению, данному в уголовном законодательстве Российской Федерации, совокупностью преступлений признается совершение двух или более преступлений, ни за одно из которых лицо

не было осуждено, за исключением случаев, когда совершение двух или более преступлений предусмотрено статьями Особенной части Уголовного Кодекса в качестве обстоятельства, влекущего более строгое наказание. При совокупности преступлений лицо несет уголовную ответственность за каждое совершенное преступление по соответствующей статье или части статьи Уголовного Кодекса (ч. 1 ст. 17 УК РФ) [2].

Исходя из перечисленных выше определений, разработанных учебной и научной литературой, а также определения закрепленного в нормативно-правовом источнике, можно выделить основной критерий определения совокупности преступлений, как одной из форм множественности преступлений — это совершение определённым лицом не менее двух преступлений, каждое из которых сохраняет своё правовое значение. Каждое совершенное преступление, должно быть предусмотрено в соответствующей статье или части статьи Уголовного кодекса, как самостоятельный состав преступления, ни за одно из которых, данное лицо не было осуждено.

Факт отсутствия судимости за ранее совершенное преступление, отличает совокупность преступлений от другой формы множественности преступлений в виде рецидива преступлений.

Также необходимо выделить обстоятельства, при которых Уголовный кодекс РФ исключает совокупность преступлений, то есть в случаях, когда совершение двух или более преступлений предусмотрено статьями Особенной части Уголовного Кодекса в качестве обстоятельства, влекущего более строгое наказание.

В данном случае, речь идет об учтённой совокупности, которая по конструкции своего состава является единым сложным составным преступлением.

Так, например, в п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 (ред. от 03.03.2015) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)», указано, что в соответствии с положениями ч. 1 ст. 17 УК РФ убийство двух или более лиц, совершенное одновременно или в разное время, не образует совокупности преступлений и подлежит квалификации по пункту «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ, а при наличии к тому оснований также и по другим пунктам части 2 данной статьи, при условии, что ни за одно из этих убийств виновный ранее не был осужден [3].

В п. 9 Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 09.12.2008 № 25 (ред. от 25.06.2024) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения», указано, что в тех случаях, когда в результате дорожно-транспортного происшествия пострадало два и более человек, действия лица, нарушившего правила дорожного движения при управлении транспортным средством, подлежат квалификации по той части статьи 264 УК РФ, которая предусматривает более строгую ответственность за наступившие неосторожности тяжкие последствия, поскольку в соот-

ветствии с частью 2 статьи 17 УК РФ совокупностью преступлений признаются только те действия (бездействие), применительно к которым признаки преступлений предусмотрены двумя или более статьями Уголовного кодекса Российской Федерации.

Если из-за нарушения правил дорожного движения или эксплуатации транспортного средства по неосторожности был одновременно причинен, тяжкий вред здоровью нескольким лицам, виновное лицо несет уголовную ответственность по ч. 1 статьи 264 УК РФ [4].

В данном случае, речь идет об одном составе преступлений, которое с учетом конструкции правовой нормы учитывает совершение двух и более преступлений как более квалифицированный состав преступления и влекущего более строгое наказание.

В Уголовном законодательстве Российской Федерации, выделяются обстоятельства, когда совокупностью преступлений признается и одно действие (бездействие), содержащее признаки преступлений, предусмотренных двумя или более статьями Уголовного Кодекса (ч. 2 ст. 17 УК РФ) [2].

В данном случае, речь идёт о таком явлении правовой действительности как идеальная совокупность.

Под идеальной совокупностью преступлений понимается совершение определенным лицом, одного преступного деяния, содержащего в себе два или более состава преступлений, каждый из которых предусмотрен разными статьями Уголовного кодекса.

Например, в результате неосторожных действий лица, который пренебрег правилами пожарной безопасности, в процессе растапливания дровяной печи, произошло возгорание двух квартир деревянного дома, принадлежащего двум разным собственникам, в результате которого жильцам указанного дома причинён тяжкий вред здоровью, а собственнику, одной из квартир причинён крупный материальный ущерб.

В рассматриваемом случае в результате одного неосторожного преступного деяния вышеуказанного лица, наступили преступные последствия, которые квалифицируются составами преступлений, предусмотренных двумя разными статьями уголовного кодекса Российской Федерации, такими как ч. 1 ст. 118 УК РФ и ст. 168 УК РФ.

В приведённом примере речь идёт об идеальной совокупности преступлений.

Согласно п. 20 Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 27.12.2002 № 29 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», следует, что если лицо, совершая кражу, грабеж или разбой с незаконным проникновением в жилище, помещение либо иное хранилище, умышленно уничтожило или повредило двери, замки и т. п., а равно иное имущество потерпевшего, не являвшееся предметом хищения (например, мебель, бытовую технику и другие вещи), содеянное в случае причинения значительного ущерба следует дополнительно квалифицировать по статье 167 УК РФ [5].

В данном случае, ключевым критерием идеальной совокупности является то обстоятельство, что одно преступное деяние должно содержать два или более состава преступления, предусмотренных разными статьями Уголовного кодекса.

Тогда как при реальной совокупности преступлений определённым лицом может быть совершено два или более тождественных преступлений, предусмотренных одной и той же статьёй Уголовного кодекса, но совершённых в разное время и разных местах.

В уголовном законодательстве Российской Федерации установлено, что если преступление предусмотрено общей и специальной нормами, совокупность преступлений отсутствует и уголовная ответственность наступает по специальной норме (ч. 3 ст. 17 УК РФ) [2].

Согласно одному из наиболее устоявшихся определений, разработанных учебной и научной литературой, конкуренция уголовно-правовых норм — это регулирование одного и того же отношения двумя или более нормами, применяются из которых должна одна [9].

В данном случае, речь идёт о таком явлении правовой действительности как конкуренция уголовно — правовых норм.

По своей конструкции специальный состав преступления, является как сложным составным преступлением, так и сложным преступлением с двумя формами вины.

Так из смысла законодательства, не представляет сложности определить, что такие составы преступлений, которые предусмотрены в ст. 158 или 159 УК РФ являются общими, по отношению к составу преступления, предусмотренному в ст. 164 УК РФ, который является специальным.

Ключевым элементом разграничения указанных составов преступлений является предмет хищения.

В данном случае хищение предметов или документов, имеющих особую исторически, научную, художественную или культурную ценность, независимо от способа хищения.

Однако, по ряду составов преступлений в практической деятельности должностных лиц следственных органов и судей, возникают сложности при отграничении идеальной совокупности преступлений от случаев конкуренции уголовно-правовых норм, что может повлечь ошибки в квалификации.

Для устранения пробелов и коллизий в уголовном праве, препятствию появлению судебных ошибок, единого понимания и применения норм уголовного права Верховный суд Российской Федерации, по ряду определённых указанных выше проблемных вопросов, издаёт акты толкования и применения права.

Так, из положения п. 9 Постановления пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.02.2012 № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности», следует, что в случае, если террористический акт повлек умышленное причинение смерти человеку (либо

двум и более лицам), содеянное охватывается пунктом «б» части 3 статьи 205 УК РФ и дополнительной квалификации по статье 105 УК РФ не требует [6].

Из выше изложенного примера следует, что общей нормой права в данном случае является состав преступления, предусмотренный ст. 105 УК РФ по отношению к составу преступления, предусмотренному пунктом «б» части 3 статьи 205 УК РФ, который подлежит применения, идеальная совокупность преступлений исключается.

Из положения п. 26. Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 27.09.2012 № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление», указано разъяснить судам, что убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны, а равно при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, подлежит квалификации по соответствующей части статьи 108 УК РФ и в тех случаях, когда оно сопряжено с обстоятельствами, предусмотренными в пунктах «а», «г», «е» части 2 статьи 105 УК РФ. В частности, убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны, должно быть квалифицировано только по статье 108 УК РФ и тогда, когда оно совершено при обстоятельствах, с которыми обычно связано представление об особой жестокости (например, убийство в присутствии близких потерпевшему лиц). [7].

Убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны несколькими лицами, совместно защищавшимися от общественно опасного посягательства, следует квалифицировать по статье 108 УК РФ. [6].

В данном случае, ключевым элементом, позволяющим отграничить общий состав от специального состава преступления, является субъективная сторона преступления.

Проведя анализ изложенных выше проблемных вопросов, следует сделать вывод, что выявление основных элементов, позволяющих отграничить такое явление правовой действительности как идеальная совокупность преступлений от учтённой совокупности и конкуренции уголовно-правовых норм имеет важное юридическое и социальное значение, так как ошибки в применении норм права, влекут неблагоприятные последствия.

Так, множественность преступлений по общему правилу является обстоятельством, ужесточающим окончательное наказание (ст. 68, 69 УК РФ).

В случае, когда деяния лица, совершившего преступление, ошибочно квалифицируются как множественность преступлений, если оно совершило единичное преступление, то нарушается конституционный принцип справедливости, согласно которому никто не может быть повторно осужден за одно и то же преступление (ч. 1 ст. 50 Конституции РФ) [1].

В противном случае, несет более мягкое наказание, что противоречит задачам Уголовного законодательства Российской Федерации (ч. 1 ст. 2 УК РФ) [2].

Литература:

1. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «Консультант Плюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения 07.11.2025).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 15.10.2025) // СПС «Консультант-Плюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения 07.11.2025).
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 N 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» (ред. от 03.03.2015) // СПС «Консультант Плюс». — URL: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 N 29 ФЗ (ред. от 15.12.2022) // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82656/
4. Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 09.12.2008 № 25 (ред. от 25.06.2024) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» (ред. от 03.03.2015) // СПС «Консультант Плюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82656/ (дата обращения 07.11.2025).
5. Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 27.12.2002 № 29 (от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» (ред. от 03.03.2015) // СПС «Консультант Плюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40412/ (дата обращения 07.11.2025).
6. Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 09.02.2012 № 1 (ред. от 03.11.2016) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности // СПС «Консультант Плюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_125957/ (дата обращения 07.11.2025).
7. Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 27.09.2012 № 19 (ред. от 31.05.2022) «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» // СПС «Консультант Плюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_135861/ (дата обращения 07.11.2025).
8. Скачков Н. С. Множественность преступлений и ее правовое значение // cyberleninka.ru — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mnozhestvennost-prestepeniy-i-ee-pravovoe-znachenie> (дата обращения 15.03.2024).
9. И. А. Подройкина, Е. В. Серегина, С. И. Улезько, 6 — е издание, переработанное и дополненное Уголовное право Общая часть Семестр II — URL: // urait.ru/viewer/ugolovnoe-pravo-obshaya-chast-semestr-i-561482#page/1 (дата обращения 07.11.2025).

Сравнительный анализ источников конституционного права в различных правовых системах

Исаева Лейла Балаудиновна, студент магистратуры

Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

Конституционное право является основой правовой системы государства, определяет конституционный строй и положение личности в обществе с опорой на сложившиеся исторические тенденции. Именно конституционное право устанавливает «правила игры» в политической и социальной сферах, гарантирует соблюдение прав и свобод всех участников правовых отношений, обеспечивает стабильность и развитие государства. При этом в каждой стране оно реализуется по-своему, исходя из исторических фактов или религиозных убеждений. В статье представлен сравнительный анализ источников конституционного права в различных правовых системах.

Ключевые слова: конституционное право, конституция, права, личность, институт права, законы, требования.

Comparative analysis of constitutional law sources in different legal systems

Constitutional law is the basis of the state's legal system, it determines the constitutional order and the position of individuals in society, taking into account historical trends. Constitutional law sets 'the rules of the game' in the political and social spheres, guarantees the observance of rights and freedoms for all participants in legal relations, and ensures the stability and development of

the state. However, constitutional law is implemented differently in each country, based on historical facts or religious beliefs. The article provides a comparative analysis of constitutional law sources in different legal systems.

Keywords: constitutional law, constitution, rights, personality, institution of law, laws, requirements.

Процесс становления и развития конституционного права в мире был длительным и непростым, в том числе по причине ограничения прав и свобод граждан силами представителей правящих режимов. Его возникновение и эволюция обусловлены объективной потребностью граждан в институциональной защите основных, фундаментальных прав и свобод личности.

На современном этапе конституционное право является одной из ключевых отраслей в системе правовых отношений. Оно развивается с учетом технологического прогресса и изменений в сфере социальных отношений. Эволюция конституционного права сопровождается появлением новых его институтов, таких как:

1. конституционный контроль;
2. институт уполномоченного по правам человека;
3. электронное правительство.

Все институты конституционного права преследуют единую цель — защитить права и свободы граждан.

Источники конституционного права образуют сложный многофункциональный комплекс, включающий нормативные акты, учитывающий доктрины и обычаи, которые формируют основу правовой политики государства. В зависимости от страны приоритетность этих источников может варьироваться с учетом исторических, правовых и культурных особенностей конкретного общества. Во многих странах конституция является основополагающим, высшим источником права, обладающим приоритетом над иными нормативными актами. Однако не стоит забывать, что наряду с ней существенную роль в конституционном регулировании играют конституционные законы, которые также имеют важное значение для правовой системы.

В ряде государств (например, в Великобритании) конституция как основополагающий документ, регулирующий конституционные права, отсутствует; на первый план в регулировании правовых отношений выходят акты парламента, конституционные обычаи, доктринальные толкования, судебные прецеденты; важное значение в конституционном законодательстве Великобритании имеют исторические документы.

К документам конституционного характера, на законодательном уровне регламентирующим нормы поведения в обществе, в разных странах относятся конституция, иные законы, а также правовые, судебно-правовые и нормативно-правовые акты; также подобную роль могут играть правовые обычаи и даже религиозные устои. Например, в большинстве стран, проповедующих ислам, главным документом является далеко не конституция, а Священное Писание (Коран). В каждой стране свои источники права, и именно поэтому данную категорию всегда следует рассматривать с учетом культурного контекста.

В Российской Федерации главным источником права является Конституция: она закрепляет основополагающие принципы и нормы национальной правовой системы. Будучи верховным актом в сфере правовых отношений, Конституция обладает высшей юридической силой: все иные источники права должны соответствовать ей и формироваться с учетом ее положений.

Следующим по значимости типом источников права, регламентирующих правоотношения в различных сферах, являются законы. Закон — это нормативный правовой акт, принятый органом законодательной власти либо посредством референдума. Правовой статус закона можно охарактеризовать следующим образом: он воплощает волеизъявление народа по определенному вопросу. Обладая высшей юридической силой (после конституции), законы занимают ключевое место в иерархии нормативных актов.

Существуют следующие виды законов:

1. Конституционные: позволяют внести изменения в положения уже действующей конституции; регулируют вопросы, непосредственно связанные с положениями конституции.
2. Органические: принимаются на основании бланкетных норм конституции. Данный вид законов закреплён в правовых системах ряда государств (например, в Испании, Португалии и Франции).
3. Обычные: регулируют менее значимые по сравнению с конституционными вопросы гражданских правоотношений, однако также входят в предмет конституционного права.
4. Чрезвычайные: позволяют в срочном порядке внести изменения в конституционные нормы. Действие таких законов ограничивается конкретным сроком, установленным парламентом; при этом чрезвычайные законы подлежат более строгому правовому регулированию.

Благодаря конституционному праву каждый гражданин может быть уверен в том, что в рамках возникающих правовых отношений его права и свободы гарантированно будут защищены. Помимо охраны индивидуальных прав личности, данная отрасль права контролирует соблюдение органами государственной власти принципов федерализма и местного самоуправления.

Изучение конституционного права зарубежных стран является важным направлением развития юридической науки. Наука конституционного права представляет собой единую систему знаний о специфике конституционно-правового регулирования общественных отношений, складывающихся в сфере принадлежности, организации и осуществления публичной власти, а также правового положения личности. Ее содержанием являются конституционные доктрины, гипотезы, идеи и рекомендации

правоведов по совершенствованию законодательства, политических процессов и институтов конкретного госу-

дарства. Предмет науки конституционного права базируется на конституции, но ею не исчерпывается.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
2. Шарапова, А. В. Трансформация обычая в нормы конституционного права в советский и современный периоды / А. В. Шарапова // Проблемы совершенствования законодательства и прокурорской деятельности: Материалы XI Международной научно-практической конференции «Проблемы совершенствования законодательства и прокурорской деятельности», ФГБОУ ВО СГЮА, 17 ноября 2017 года. — Саратов, 2018. — С. 15–18.

Интернет-СМИ и избирательный процесс: новая реальность правового регулирования

Исмагилова Вероника Владимировна, студент магистратуры
Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева (г. Москва)

В последние годы влияние интернет-СМИ на политические процессы стало неоспоримым фактором формирования общественного мнения. Избирательные кампании стремительно сместились в цифровую плоскость, где основными каналами коммуникации становятся Telegram-каналы, YouTube, социальные сети и блоги. Эта трансформация вызвала необходимость адаптации законодательства к новой информационной реальности, поскольку классические подходы, разработанные для телевидения и печатной прессы, оказываются недостаточными.

Российская правовая система предпринимает попытки регулировать медиополе, включая интернет-форматы. Одним из первых шагов стал Федеральный закон от 5 мая 2014 г. № 97-ФЗ, который обязал блогеров с точной аудиторией более 3 000 человек соблюдать те же правила, что и зарегистрированные СМИ. Это включало требования к маркировке рекламных и агитационных материалов, обязательность раскрытия источников финансирования, недопустимость распространения экстремистских сведений и уважение к частной жизни граждан.

В контексте избирательного процесса интернет-СМИ выполняют двойственную роль. С одной стороны, они являются важнейшим источником политической информации для широких масс, обеспечивая оперативное и разнообразное освещение событий. С другой — при отсутствии должного контроля они могут быть использованы для манипуляции общественным сознанием, распространения фейков и подрыва легитимности выборов. Наиболее уязвимыми остаются вопросы размещения скрытой агитации, нарушений «дня тишины» и отсутствие маркировки.

Федеральный закон № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав...» устанавливает требования к агитации, в том числе распространяемой через ин-

тернет. Однако правоприменение в этой сфере по-прежнему фрагментарно. Органы надзора, в первую очередь Роскомнадзор, не всегда оперативно реагируют на нарушения, особенно если нарушитель размещает контент на иностранных платформах. В таких случаях юридическое преследование затруднено, что создаёт неравные условия для участников выборов.

Прецеденты, связанные с нарушениями в сфере интернет-агитации, уже нашли отражение в судебной практике. В 2021 году суд признал незаконной публикацию анонимного Telegram-канала, содержащую сведения, порочащие честь одного из кандидатов. Канал был заблокирован, а его автор привлечён к административной ответственности. Подобные случаи поднимают вопрос об ответственности не только владельцев платформ, но и физических лиц, действующих вне регистрационного поля.

Проблема усложняется тем, что понятие «интернет-СМИ» в действующем законодательстве всё ещё не имеет чёткого закрепления. Как результат — неясно, в каких случаях блог может считаться средством массовой информации, а в каких — личным дневником. Это создаёт нормативную неопределённость, которая может быть использована в политических целях — как для давления на оппозиционные площадки, так и для ухода от ответственности тех, кто работает на грани закона.

Также существует проблема влияния больших бюджетов на цифровое медиополе: экономико-правовой аспект и равные условия кампании. Масштабные финансовые ресурсы позволяют кандидату или политическому субъекту приобрести профессиональные услуги (SMM-агентства, медиабаеры, аналитические команды), организовать силу кампаний на платных площадках, выкупать таргетированную рекламу и обеспечивать широкую и высококачественную продукцию контента. Это создаёт

структурное преимущество перед участником, ограниченным в ресурсах: неравенство доступа к аудитории превращается в неравенство возможностей донести программу и повлиять на электорат.

Нормативная база, регулирующая агитацию и финансирование кампаний (в том числе положения выборного законодательства о прозрачности и запрете «чёрного» финансирования), формально направлена на обеспечение равных условий, но она не полностью адаптирована к цифровой среде, где расходы маскируются через посредников, агентские схемы и «серые» закупки рекламы. В российском избирательном праве закреплены общие гарантии и правила агитации; однако детализация online-регулирования остается фрагментарной.

Практические трудности правоприменения.

1. Скрытое финансирование через третьих лиц и агентства: платежи проходят по цепочке, что затрудняет отследить конечного выгодоприобретателя.

2. Таргетированная реклама видна лишь узким аудиториям, поэтому нарушения проще скрыть и сложнее зафиксировать.

3. Коммерческие договоры между кандидатом и агентствами часто подпадают под режим коммерческой тайны; запросы выборных комиссий и правоохранительных органов наталкиваются на процессуальные и доказательственные барьеры.

4. Цифровые бюджеты легко перераспределяются между платформами и зарубежными подрядчиками, уменьшая эффективность национального контроля.

В связи с этим следует ввести обязанность платформ и медиабаеров вести реестр политической рекламы с указанием заказчика, суммы, целевой аудитории и периода показа; доступ к реестру — для ЦИК/территориальных избирательных комиссий и уполномоченных органов. Установить для политической рекламы минимальные требования к раскрытию (кто заплатил, кем утверждён креатив, дата и геотаргетинг). Включить в избирательное законодательство запрет на «скрытую» оплату политической рекламы через третьих лиц без раскрытия конечного бенефициара и предусмотреть штрафные санкции и декларирование расходов в аудиторской форме. Разработать процедуры оперативного аудита digital-закупок (в т. ч. право временно истребовать у платформ данные по кампаниям в упрощенном порядке). Рассмотреть механизмы государственно-частного контроля за крупными затратами (например, публичные каталоги платных кампаний в преддверии выборов) — при сохранении правовых гарантий коммерческой тайны в прочих сферах.

Также алгоритмы распределяют видимость контента — они ранжируют, рекомендуют и демотивируют публикации. В результате частный алгоритм платформы фактически определяет информационное поле, влияя на избирательный процесс не через прямую агитацию, а опосредованно — через усиление или приглушение тех или иных сообщений. В ЕС это признано системным риском: Digital Services Act вводит требования по прозрачности ре-

комендательных систем и обязует платформы раскрывать основные параметры их работы и предоставлять опции управления персонализацией. В частности, DSA предусматривает раскрытие принципов работы recommender systems и опций для пользователей по изменению параметров рекомендации. Эти меры направлены на сокращение невидимого алгоритмического влияния на политическую коммуникацию.

Процессуальные и нормативные решения.

1. Ввести обязательства по аудиту рекомендательных систем для платформ с высоким охватом в период выборов (периодический внешний аудит, отчетность в ЦИК).

2. Установить обязанность по сохранению и предоставлению логов ранжирования и показов для официальных расследований (с гарантиями защиты персональных данных).

3. Записать в избирательном законодательстве принцип «равных возможностей представления» для оплачиваемой и органической политической коммуникации (чтобы исключить ситуацию, когда алгоритм по умолчанию даёт преимущество определённым спонсируемым сообщениям без прозрачных оснований).

4. Предусмотреть механизм временного отключения/ограничения персонализированных рекомендаций для политического контента в предвыборный период и обязать платформы предоставлять пользователю возможность деактивировать персонализацию политических лент.

Существует также угроза вмешательства через взлом аккаунтов кандидатов и распространение компромата: уголовно-процессуальные и доказательственные вопросы. Неправомерный доступ к учетным записям, кража приватной переписки, публикация компрометирующих материалов — это классический инструмент подрыва репутации кандидатов. В цифровой среде атаки становятся масштабными и оперативными: размещённый компромат быстро распространяется и консолидирует негативное представление у электората. Неправомерный доступ к компьютерной информации квалифицируется по ст. 272 УК РФ; сопутствующие деяния (несанкционированный сбор, использование и распространение персональных данных) — по ст. 272.1 и смежным нормам, а распространение заведомо ложной информации о лице может подпадать под иные составы (административная или уголовная ответственность в зависимости от содержания и последствий).

В условиях цифровизации избирательного процесса особую опасность представляют кибератаки на аккаунты кандидатов, штабы и избирательные комиссии. Взломы, публикация похищенной переписки, распространение фейковых материалов способны моментально исказить общественное восприятие и повлиять на исход кампании. Для противодействия этим угрозам необходимо формирование особого правового режима реагирования и укрепление институциональной инфраструктуры цифровой экспертизы. Предлагаемые ниже меры направлены на обеспечение оперативного реагирования, повышения достоверности доказательств и укрепления

международного сотрудничества в сфере расследования цифровых инцидентов, затрагивающих выборы:

1. Создать упрощенный механизм экстренного реагирования в предвыборный период: при поступлении заявления о взломе — предписание платформе в ускоренном порядке блокировать распространение сомнительного материала до проведения предварительной экспертизы (при обеспечении судебного контроля в последующем).

2. Усилить институт цифровой судебной экспертизы: централизованные экспертные центры, стандартизованные методики, сертификация экспертов.

3. Внести поправки в УПК/административное законодательство о приоритете оперативного доступа к логам платформ при угрозе публичной безопасности выборов (с оговорками по защите ПДн).

4. Разработать правила международного сотрудничества для истребования данных от платформ, расположенных за рубежом (требование к заключению двусторонних соглашений и оперативных каналов взаимодействия с крупнейшими провайдерами).

Опыт зарубежных государств также демонстрирует сложность балансирования между свободой слова и без-

опасностью избирательного процесса. В странах Европейского союза действует так называемый «Закон о цифровых услугах» (Digital Services Act), направленный на прозрачность алгоритмов платформ и борьбу с дезинформацией. Германия пошла дальше, обязав интернет-платформы удалять запрещенный контент в течение суток. Однако и там возникают вопросы о цензуре, чрезмерном контроле и ущемлении прав пользователя.

Россия, как и другие государства, стоит перед необходимостью найти компромисс между интересами государства, общества и медиасреды. Потенциал интернет-СМИ огромен, но только при условии, что они функционируют в рамках правовых норм, обеспечивая объективность и равные условия для всех участников выборов.

Таким образом, регулирование участия интернет-СМИ в избирательном процессе требует комплексного подхода: как с точки зрения нормотворчества, так и через развитие независимой судебной практики и цифровой правовой экспертизы. Только в этом случае возможно построение справедливой, транспарентной избирательной среды в условиях стремительно меняющейся информационной реальности.

Литература:

1. Федеральный закон от 05.05.2014 № 97-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей».
2. Федеральный закон от 12.06.2002 N 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации».

Правовое регулирование деятельности средств массовой информации в контексте перспектив развития института журналистики

Исмагилова Вероника Владимировна, студент магистратуры
Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева (г. Москва)

В современном мире средства массовой информации (СМИ) играют важную роль в формировании общественного мнения, защите прав и свобод граждан, а также в обеспечении прозрачности и подотчётности государственных органов. В данной статье мы рассмотрим правовое регулирование деятельности СМИ в контексте конституционных прав и свобод человека и проблемы и перспективы развития института и предположим варианты решения проблем.

Средства массовой информации — это организации или физические лица, которые занимаются сбором, обработкой и распространением информации для неограниченного круга лиц. Виды СМИ включают печатные издания (газеты, журналы), электронные СМИ (телеканалы,

радиостанции, интернет-издания), а также другие формы массовой коммуникации.

Деятельность каждой из этих форм подлежит правовому регулированию, которое должно обеспечивать соблюдение конституционных прав и свобод человека, таких как свобода слова, свобода массовой информации, право на получение информации и других.

Правовые основы деятельности каждой из форм массовой информации включают в себя ряд законов и нормативных актов, регулирующих порядок создания, регистрации, лицензирования, распространения и прекращения деятельности СМИ. К ним относятся:

— Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации»;

— Федеральный закон от 29.07.2004 № 98-ФЗ «О коммерческой тайне»;

— Федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе»;

— Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»;

— Федеральный закон от 22.12.2008 № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации».

Эти законы и акты устанавливают правила и ограничения, направленные на обеспечение свободы слова и массовой информации, защиту прав и законных интересов граждан и организаций, а также на предотвращение злоупотребления свободой массовой информации.

Одной из основных проблем правового регулирования деятельности каждой из форм СМИ является необходимость обеспечения баланса между свободой слова и необходимостью защиты прав и интересов других лиц. Это включает в себя борьбу с распространением недостоверной информации, клеветой, оскорблением чести и достоинства, а также другими формами злоупотребления свободой массовой информации.

Перспективы развития правового регулирования деятельности каждой из форм средств массовой информации связаны с дальнейшим совершенствованием законодательства, повышением эффективности механизмов контроля за соблюдением прав и свобод, а также с развитием новых технологий и форм массовой коммуникации.

Ещё одной проблемой является низкий уровень доверия к средствам массовой информации со стороны населения. Это может быть связано с различными факторами, такими как распространение фейковых новостей, необъективность в освещении событий.

Перспективы развития правового регулирования деятельности каждой из форм СМИ связаны с дальнейшим совершенствованием законодательства, повышением эффективности механизмов контроля за соблюдением прав и свобод, а также с развитием новых технологий и форм массовой коммуникации. Для решения этих проблем необходимо принять следующие меры:

— отменить цензуру в любых её проявлениях.

— обеспечить доступ к информации для всех граждан.

— создать условия для развития независимых средств массовой информации.

— повысить качество журналистики и ответственность журналистов за достоверность информации.

Необходима модернизация законодательства о средствах массовой информации, которая должна основываться на правовых гарантиях независимости СМИ. Её основными направлениями являются:

а) формирование системы правовых гарантий самостоятельности редакций СМИ в отношениях с учредителями и собственниками;

б) правовое закрепление мер по ограничению концентрации СМИ. Также необходимо законодательно обеспечить доступ к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления, о телерадиовещании, об основах экономической деятельности средств массовой информации и о прозрачности отношений собственности на средства массовой информации и другими.

Также требуется повышение уровня саморегулирования СМИ путем создания журналистских сообществ, что не только говорит о высоком уровне института журналистики в стране, но и помогает централизованно смотреть на ситуацию и делиться опытом, позволяющим строить нейтральные причинно-следственные связи для освещения событий на площадках мнений, создавая при этом больший уровень доверия к институту.

Реализация этих мер позволит обеспечить более эффективную реализацию конституционных принципов свободы слова и свободы массовой информации в Российской Федерации.

Таким образом, правовое регулирование деятельности каждой из форм средств массовой информации является важным инструментом обеспечения конституционных прав и свобод человека. Оно должно быть направлено на создание условий для свободного выражения мнений и распространения информации, при этом учитывая необходимость защиты прав и интересов других лиц, а также предотвращения злоупотреблений свободой массовой информации.

Литература:

1. Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации».
2. Федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе».
3. Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации».
4. Федеральный закон от 22.12.2008 № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации».
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2010 г. № 16 «О практике применения судами Закона Российской Федерации „О средствах массовой информации“».
6. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года.
7. Авакьян С. А. Свобода слова как конституционно-правовой институт // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. — 2018. — № 4.

8. Городов О. А. Информационное право. Учебник. — М.: Проспект, 2016.
9. Засурский Я. Н. Средства массовой информации постсоветской России. — М., 2002.
10. Рихтер А. Г. Правовые основы журналистики. — М.: ВК, 2014.

Адаптируемость арбитража OHADA к африканскому контексту

Йеман Бекхан Бру Джуниор, студент магистратуры
Тамбовский государственный технический университет

Введение

Урегулирование споров сторонами деловых отношений посредством арбитража не является новым явлением в африканских странах. Однако возникла необходимость адаптировать этот альтернативный метод к африканским экономическим реалиям. Долгое время большинство споров с участием африканских сторон разрешалось за пределами африканского континента, что не способствовало их активному участию. Однако создание OHADA и, что еще важнее, CCJA, а затем и ее Арбитражного центра, за которым последовали различные государственные арбитражные центры, сделало эффективность арбитража реальностью. OHADA, приняв соответствующие документы 23 и 24 ноября 2017 года, расширила сферу действия традиционного арбитража, включив в нее инвестиционный арбитраж. В настоящее время эта реформа подвергается большой критике, особенно в связи с тем, что, как считают некоторые, этот механизм больше благоприятствует иностранному инвестору, чем государству-партнеру, и что само понятие инвестиций еще не имеет четкого определения ни в законе, ни в прецедентном праве, ни тем более в доктрине. Для осуществления арбитража стороны прибегают к услугам арбитров, которым они доверяют свои споры в соответствии с арбитражным соглашением или инвестиционным инструментом, определяющим их функции. Это может происходить, в зависимости от конкретного случая, в форме институционального или *ad hoc* арбитража и завершится арбитражным решением этого конфликта. Как и в государственном правосудии, это решение подлежит обжалованию. Арбитраж не лишен своих подводных камней, которые могут появляться на всех этапах — от формирования арбитражного суда до окончательного решения.

Громоздкость, публичный характер процесса, административная неопределенность и относительно длительные задержки являются одними из атрибутов государственного правосудия, каким мы его знаем сегодня. Именно они, несомненно, привели к тому, что тяжущиеся стороны в их постоянном стремлении к эффективности и скорости в урегулировании своих социально-экономических отношений постепенно стали больше интересоваться альтернативными методами разрешения споров. Таким образом, публичное правосудие больше не является единственным

средством разрешения споров, которые могут возникнуть между сторонами. Альтернативные методы, среди которых арбитраж занимает особое место, служат паллиативом судебной системы при урегулировании споров, возникающих из экономических отношений. Важно пояснить, что эти методы не заменяют судебную систему. В ответ на их растущую во всем мире востребованность появилось законодательство, регулирующее их. С точки зрения законодательства арбитраж — альтернативный метод, который был механизмом первого регулирования. На практическом уровне он также является наиболее используемым альтернативным методом или даже методом разрешения конфликтов в деловом мире.

Важно отметить, что арбитраж не является чем-то новым в африканском контексте. Следует помнить, что Африка всегда была известна консенсусным характером разрешения конфликтов — легендарным «деревом переговоров». Это включало в себя передачу спорящих сторон мудрецам с целью получения своевременного разрешения их разногласий. Арбитраж в его современной форме ничем не отличается. Сегодня он определяется как альтернативный метод разрешения споров, состоящий в использовании одного или нескольких частных лиц (арбитров), выбранных сторонами для получения решения относительно их спора за пределами государственной юрисдикции.

Основная характеристика арбитража заключается в том, что он выводит споры, которые обычно подпадают под юрисдикцию государственных судов, из их юрисдикции. Эта процедура, несомненно, дает инвесторам определенные преимущества, а именно: скорость разбирательства, конфиденциальность и контроль расходов, отсюда и ее важность. Это средство завоевания доверия как иностранных, так и внутренних инвесторов и обеспечения правовой определенности для бизнеса.

Его историческое развитие демонстрирует важность, придаваемую этому методу различными заинтересованными сторонами. Все говорит о том, что его развитие на национальном уровне вытекает из эволюции предмета на международном уровне. В государствах — участниках Договора OHADA это развитие невозможно обсуждать, не ссылаясь на общую эволюцию. Следует отметить, что первым крупным текстом по арбитражу был Протокол об арбитражных оговорках, подписанный в Женеве 24 сен-

тября 1923 года. Он был принят в рамках Лиги Наций, как и Конвенция о приведении в исполнение иностранных арбитражных решений, заключенная в том же городе 26 сентября 1927 года. Эти первые два текста впоследствии были заменены Нью-Йоркской конвенцией от 10 июня 1958 года, заключенной в рамках Организации Объединенных Наций. Еще одной важной вехой в развитии арбитража стало подписание Вашингтонской конвенции от 18 марта 1965 года об урегулировании инвестиционных споров между государствами и гражданами других государств. Эта конвенция учредила Международный центр по урегулированию инвестиционных споров (МЦУИС). На европейском уровне Европейская конвенция о международном торговом арбитраже была подписана в Женеве 21 апреля 1961 года. Она содержит правила об арбитражном соглашении, проведении арбитража и приведении в исполнение арбитражного решения. В частности, в бывшем Восточном блоке Московская конвенция от 26 мая 1972 года касается урегулирования гражданско-правовых споров, возникающих из отношений экономического, научного и технического сотрудничества. На Американском континенте Межамериканская конвенция о международном торговом арбитраже была заключена в Панаме 30 января 1975 года. Арабская конвенция о торговом арбитраже была заключена 14 апреля 1987 года, в результате чего был создан Арабский центр международного арбитража.

Помимо этих многочисленных конвенций, существуют необязательные документы. К ним относится Типовой закон ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже 1985 года, арбитражные правила которого датируются 1976 годом.

На внутреннем уровне государств — участников OHADA арбитраж в том виде, в котором он существует сегодня, появился на Африканском континенте вместе с колонизацией. В государствах, подвергшихся французской колонизации, положения, касающиеся арбитража, в основном содержатся в Гражданском процессуальном кодексе. Действительно, именно Франция ввела арбитраж в африканских государствах зоны франка до указов от 14 мая 1980 года и 12 мая 1981 года.

Для решения конкретных проблем международного арбитража международная юриспруденция начала переосмысление применимых рамок еще в 1960 году. Накануне обретения независимости, в нарушение традиции, Верховный суд Камеруна имел возможность в 1970 году отменить, ввиду отсутствия правовой основы, решение Апелляционного суда, основанное на французском прецедентном праве.

Таким образом, арбитражное право, вытекающее из Договора OHADA, решило значительную проблему правовой неопределенности в государствах — участниках договора. Первые положения OHADA, касающиеся арбитража, содержатся в разделе IV Договора OHADA, принятого 17 октября 1993 года. Он создает арбитражную систему под эгидой CCJA, которая играет двойную роль: это

и арбитражный центр, и судебный орган, проверяющий действительность и исполнение арбитражных решений. За этим последовали Правила арбитража CCJA и Единый закон об арбитражном праве, принятые 11 марта 1999 года и опубликованные в «Официальном журнале OHADA» (№ 8 от 15 мая 1999 года). Этот акт конкретно касается адаптации арбитражных процедур в странах — членах OHADA. Последний акт был изменен 23 ноября 2017 года, и впоследствии был разработан новый регламент для замены первого. Следует отметить, что наиболее значимым аспектом реформы, несомненно, является официальное открытие права OHADA для инвестиционного арбитража. Как Единый закон об арбитражном праве, так и Арбитражный регламент CCJA предусматривают, что арбитраж может проводиться либо на основе арбитражного соглашения, либо на основе инвестиционного инструмента, включая инвестиционный кодекс или двусторонний или многосторонний инвестиционный договор.

Помимо этих текстов, существуют и другие важные тексты, в том числе Решение № 004/99/CCJA от 3 февраля 1999 года об арбитражных расходах, Решение № 020/2013/CCJA/ADM/ARB от 14 марта 1993 года, устанавливающее крайний срок уплаты авансовых платежей в арбитражных делах, и Решение № 069/2018/CCJA/ADM/ARB от 18 апреля 2018 года, устанавливающее расходы на разбирательство суда в арбитражных делах. Основным источником традиционного арбитража остается Единый закон об арбитражном праве, принятый 23 ноября 2017 года, заменивший закон от 11 марта 1999 года. Согласно его статье 35, он служит законом, касающимся арбитража в государствах — участниках OHADA. Арбитраж организуется, с одной стороны, CCJA через свой Арбитражный центр, а с другой стороны, через различные арбитражные центры стран — членов OHADA. Например, в Нигере процедура проходит под эгидой Центра посредничества и арбитража Ниамея (CMAN). На международном уровне арбитраж организуется в МЦУИС, который был создан в соответствии с Вашингтонской конвенцией от 18 марта 1965 года.

Аналогичным образом Всемирный банк в рамках своего проекта «Ведение бизнеса в Африке» оказал поддержку государствам-членам в эффективном создании органов для ускорения бизнеса в регионе OHADA. Его цель — удовлетворить текущие потребности экономических операторов, сталкивающихся с медлительностью судебных разбирательств, ожидающих рассмотрения в государственных судах.

Содержание африканского арбитражного законодательства отвечает ожиданиям заинтересованных сторон в деловом мире, позволяя им самим быть ремесленниками или актерами, с их полномочиями назначать, контролировать или даже увольнять арбитров.

Обсуждение арбитража в Африке неизбежно поднимает вопрос о его адаптации к африканскому контексту. Вот почему кажется уместным задать вопрос о том, совместимо ли арбитражное право OHADA с деловым климатом в Африке? Это позволит изучить, каким образом

арбитражное право в его современной форме закреплено в повседневных африканских реалиях, чтобы помогать разрешать споры, возникающие из социально-экономических отношений. Это поднимает вопрос закрепления арбитража в его современной форме, как предусмотрено OHADA, в текущем климате деловых отношений в Африке.

Для решения данной проблемы мы будем опираться на прецедентное право и мнения различных заинтересованных сторон в арбитражном процессе. Это решения, вынесенные государственными и общественными судами по арбитражным делам.

Относительно арбитражных решений следует оговорить, что из-за их конфиденциальности они могут быть рассмотрены в этом анализе лишь вкратце.

В дальнейшем обсуждении будет важно отметить, что арбитраж, глубоко укорененный в африканских традициях, не испытывал никаких трудностей с узакониванием в его современной форме законодательным органом OHADA, что подчеркивает заметную адаптивность (I). Однако следует подчеркнуть, что в постоянно конкурентном и требовательном деловом климате существуют трудности, для решения которых можно предложить средства правовой защиты, что делает эту адаптивность улучшаемой (II).

Разрешение споров уже давно существует в африканском деловом праве, однако его нынешнее появление (A) должно быть посвящено новому африканскому арбитражному закону OHADA, реализация которого позволяет разрешать возникающие споры между заинтересованными сторонами в экономическом мире (B).

Процесс развития арбитража в африканской экономике

Экономическое развитие африканских государств пережило несколько лет неопределенности. Нельзя не упомянуть текущий контекст этой среды, отмеченный ситуацией неуверенности, которая, в свою очередь, может затруднить деловые отношения, тем самым влияя на обязательства обеих сторон. После этих лет трудностей большинство африканских экономик пережили около десяти лет роста, что привело к началу развития. Это, несомненно, позволило увеличить доходы компаний, которые остались жизнеспособными, и привело к лучшему управлению, а также к увеличению инвестиционных возможностей как внутри страны, так и на международном уровне.

Эти инвестиции больше не ограничиваются традиционными горнодобывающими и углеводородными секторами, а также касаются банковского дела, финансов, недвижимости, телекоммуникаций, потребительских товаров с высокой добавленной стоимостью и т. д. Помимо прямых иностранных инвестиций, наблюдается развитие внутриафриканской торговли и, следовательно, возникновение споров, которые они неизбежно порождают. Как отметили некоторые африканские практики, развитие международного арбитража в Африке объяс-

няется факторами риска, с которыми приходится сталкиваться инвесторам. К ним относятся, в частности, юридический и налоговый риск, связанный с нарушением стабилизационной оговорки, политический риск и риск, связанный с новыми правилами местного содержания. Действительно, эти факторы риска, вероятно, будут порождать споры.

Привлекательность Африки для международного арбитража

Практика арбитража существует на Африканском континенте с 1970-х годов, но статистические данные показывают, что большинство арбитражей, возникающих в Африке или с участием африканских сторон (государств или частных компаний), разрешаются за пределами континента, особенно в Европе и Соединенных Штатах, неафриканскими арбитрами и юристами. Часто выдвигается причина, что Африка не имеет технических возможностей и опыта в этом отношении. Однако это утверждение в значительной степени опровергается недавними событиями в арбитраже на континенте: увеличением числа арбитражных процедур между африканскими сторонами; появлением новых областей инвестиций в Африке, таких как недвижимость, телекоммуникации, банковское дело, финансы и т. д.; развитием на континенте арбитража и учебных центров по арбитражу; осознанием африканцами важности содействия использованию африканских специалистов в арбитражных разбирательствах и т. д. Все это способствовало пересмотру правовой базы арбитража во многих африканских странах.

Некоторые реформы правовой и институциональной базы арбитража в Африке

Хотя этот раздел не является исчерпывающим, в нем освещаются некоторые из наиболее значимых реформ, которые произошли на континенте, как в государствах-участниках, так и в государствах, не являющихся участниками Договора OHADA.

Реформы, принятые в Южной Африке

В октябре 2017 года Южная Африка приняла Закон о международном арбитраже, который во многом вдохновлен Типовым законом Комиссии Организации Объединенных Наций по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ). Этот новый правовой инструмент направлен на модернизацию южноафриканского арбитражного права и делает ЮАР привлекательной в качестве места для арбитражных разбирательств.

Реформы OHADA

На своей сессии 23 и 24 ноября 2017 года Совет министров Организации по гармонизации делового права

в Африке (OHADA) принял несколько текстов, призванных привлечь инвесторов и укрепить их доверие к странам OHADA как к месту проведения арбитражных разбирательств. Они в первую очередь касаются реформы Единообразного закона об арбитражном праве 1999 года, укрепления Арбитражных правил Общего суда и арбитража (CCJA) и введения Единообразного закона о посредничестве.

Таким образом, помимо государств, публичные учреждения, децентрализованные органы власти и другие юридические лица, регулируемые публичным правом, теперь могут быть сторонами арбитражного разбирательства. Аналогичным образом арбитраж может быть инициирован на основании арбитражной оговорки или правового документа, касающегося инвестиций, такого как инвестиционный кодекс или двусторонний или многосторонний инвестиционный договор. Новые реформы также ввели возможность для сторон прямо отказаться от своего права требовать отмены арбитражного решения, за исключением случаев, когда такой отказ противоречит международному публичному порядку, как определено в новом Единообразном законе. Кроме того, Правила CCJA четко устанавливают принцип, согласно которому определение арбитражных сборов между трибуналом и сторонами должно быть одобрено CCJA, в противном случае оно будет недействительным. Вместе с тем срок рассмотрения арбитражного решения CCJA был сокращен в целях повышения скорости и эффективности.

В 2018 году на Африканском континенте было проведено большое количество реформ в области арбитража, двойной целью которых было продвижение африканских стран в качестве мест проведения арбитражных разбирательств и, порой, подтверждение их суверенитета в разрешении споров.

Китайско-африканский совместный арбитражный центр

Создание этого центра следует за амбициозной инициативой Китая «Один пояс, один путь». Целью Совместного арбитражного центра является создание нейтрального и доступного механизма для урегулирования коммерческих споров, которые могут возникнуть между африканскими и китайскими сторонами. Однако для того, чтобы этот механизм стал эффективным, должны быть выполнены определенные предварительные условия, включая гармонизацию коммерческой практики и арбитражных систем, а также обучение арбитров африканским и китайским культурным нормам.

Нигерийский закон об арбитраже и примирении

Основные нововведения этого нового закона — возможность сторон заключать арбитражное соглашение в электронном виде, неявное признание финансирования арбитражных издержек третьей стороной и полномочия

арбитров предписывать временные меры для защиты интересов сторон.

Для того чтобы все эти реформы стали реальностью, потребуется их реализация.

Реализация арбитражной процедуры

Арбитраж в соответствии с законом OHADA, как и в других законодательствах, строго регламентирован. Таким образом, все начинается с действительного письменного соглашения между сторонами арбитража. Соглашение должно быть заключено в указанной области. Это позволяет назначенным арбитрам начать свою работу, которая приведет к арбитражному решению. Арбитражное решение подлежит исполнению, но может быть обжаловано.

Отстранение государственных судов

Арбитражное соглашение — это обязательство сторон урегулировать посредством арбитража все или определенные споры, которые возникли или могут возникнуть между ними относительно конкретных правовых отношений, будь то договорные или внедоговорные. Арбитражное соглашение принимает форму арбитражной оговорки или компромиссного соглашения. Арбитражная оговорка — это обязательство сторон по договору передавать в арбитраж любые споры, которые могут возникнуть из этого договора. Соглашение о компромиссе — это обязательство, посредством которого стороны передают уже возникший спор на рассмотрение арбитражного суда. Арбитражное соглашение может быть заключено даже во время разбирательства в государственном суде.

Действительность арбитражного соглашения

Арбитражное соглашение должно быть заключено в письменной форме, либо в виде подлинного документа или частного акта, либо в виде протокола слушания или протокола, составленного в выбранном арбитражном суде. Соглашение считается заключенным в письменной форме, если оно подтверждается документами, подписанными сторонами, или обменом письмами, телексными сообщениями, телеграммами или любыми другими средствами связи, которые подтверждают его существование, или обменом заявлениями в иске и защите, в которых существование арбитражного соглашения утверждается одной стороной и не оспаривается другой. Ссылка в договоре на документ, содержащий арбитражную оговорку, считается арбитражным соглашением при условии, что указанный договор заключен в письменной форме и что ссылка такова, что делает оговорку частью договора.

Это демонстрирует намерение законодателя OHADA разрешить сторонам вступать в договорные отношения без достаточной двусмысленности, что ограничило бы

множественные и многогранные споры на уровне обязательства. Однако следует отметить, что так называемые словесные оговорки не исключаются.

Сфера действия арбитражного соглашения

Арбитражное соглашение, как и любой другой договор, обязательно имеет предпочтительную область юрисдикции. Арбитражные соглашения не могут быть заключены в вопросах, касающихся публичного порядка, гражданства или личного статуса, за исключением имущественных споров, возникающих из них, в вопросах, где компромисс невозможен, и в спорах, касающихся государства и его подразделений, за исключением споров, возникающих из международных экономических, коммерческих или финансовых отношений.

Таким образом, арбитражное соглашение может быть заключено как в коммерческих, так и в гражданских делах. Стороны должны просто иметь возможность свободно распоряжаться своими правами. Как указано в АУА, любое физическое или юридическое лицо может обратиться в арбитраж в отношении прав, которыми оно свободно распоряжается.

Арбитраж особенно выгоден тем, что он более доступен сторонам.

Назначение арбитров

Статус арбитра предусмотрен в Единообразном акте об арбитраже. Согласно статье 5, арбитры назначаются, увольняются или заменяются в соответствии с соглашением сторон. Так, при отсутствии такого арбитражного соглашения или если соглашение недостаточно: в случае арбитража тремя арбитрами каждая сторона назначает одного арбитра, и два назначенных таким образом арбитра выбирают третьего арбитра; если одна сторона не назначает арбитра в течение тридцати дней с момента получения запроса на это от другой стороны или если два

арбитра не приходят к соглашению о выборе третьего арбитра в течение тридцати дней с момента их назначения, назначение производится по просьбе одной стороны компетентным судом в государстве-участнике. В случае арбитража единоличным арбитром, если стороны не могут прийти к соглашению о выборе арбитра, арбитр назначается по просьбе одной стороны компетентным судьей в государстве-участнике.

Арбитраж, несомненно, является надлежащим частным процессом разрешения споров в рамках делового права. Стороны имеют возможность заранее назначить лиц, которым они доверяют, которые будут нести ответственность за проведение процесса от начала до конца.

Кто может быть арбитром в соответствии с законом OHADA? Обязанности арбитра могут выполняться физическим или юридическим лицом. Арбитр должен быть независим от сторон, которые его назначают, компетентным и не иметь дисквалификации.

Судья или государственный служащий может выступать в качестве арбитра при двух условиях: не нарушать свои основные обязанности и получить до назначения арбитра разрешения от компетентного органа. Государственный служащий должен гарантировать, что назначение не затрагивает интересы государства.

Порученная ему задача должна быть принята сторонами путем проставления своей подписи или путем совершения действия, соответствующего указанной задаче.

Заключение

Арбитраж может быть специальным или институциональным. В первом случае арбитражный суд определяет процедуру, которой необходимо следовать, а во втором случае арбитраж организуется в соответствии с установленными арбитражными правилами.

Таким образом, для облегчения процедуры сторонам предлагается возможность выбора состава арбитража. Они сами делают выбор, принимая во внимание свой спор.

Литература:

1. Ouvrages OHADA: Dernières nouveautés disponibles à la... — URL: <https://www.ohada.com/actualite/7379/ouvrages-ohada-dernieres-nouveautes-disponibles-a-la-librairie-lgdj.html?langue=pt>
2. Le nouveau droit de l'arbitrage et de la médiation en... — URL: <https://actualitte.com/livres/848834/extraits/le-nouveau-droit-de-l-arbitrage-et-de-la-mediation-en-afrique-ohada-alain-feneon-jean-marie-tchakoua-mamadou-ismaila-konate-yves-nouvel-9782275142302>
3. Ouvrage OHADA: Le Règlement d'arbitrage CCJA... — URL: <https://www.ohada.com/actualite/4823/ouvrage-ohada-le-reglement-darbitrage-ccja-commentaire-article-par-article.html?langue=fr>
4. OHADA.com — Récentes parutions d'ouvrages sur le droit... — URL: <https://www.ohada.com/actualite/6539/recentes-parutions-douvrages-sur-le-droit-ohada.html?langue=fr>
5. Le nouveau droit de l'arbitrage et de la médiation... — URL: <https://www.ohada.com/actualite/4328/parution-dun-nouvel-ouvrage-ohada-le-nouveau-droit-de-larbitrage-et-de-la-mediation-en-afrique-ohada.html>
6. Arbitrage & cohabitation entre la ZLECAF et le Droit OHADA. — URL: <https://navacelle.law/fr/arbitrage-cohabitation-entre-la-zlecaf-et-le-droit-ohada/>
7. L'adaptabilité de l'arbitrage OHADA au contexte africain. — URL: <https://juris-intelligence.org/2024/07/10/ladaptabilite-de-larbitrage-ohada-au-contexte-africain/>

8. Le nouveau droit de l'arbitrage et de la médiation en... — URL: <https://www.labase-lextenso.fr/ouvrages/le-nouveau-droit-de-l-arbitrage-et-de-la-mediation-en-afrique-ohada-9782275156323/>
9. Nouveaux champs de pratique et droit OHADA: l'arbitrage... — URL: <https://www.lexbase.fr/article-juridique/48414706-lepointturnouveauxchampsdepratiqueetdroitohadalarbitragedesinvestissements>
10. OHADA.com — Association pour l'Unification du Droit en... — URL: <https://www.ohada.com>

Понятие «киберпреступник»: эволюция и дискуссионные аспекты в современной криминологии

Карякина Юлианна Германовна, студент магистратуры
Санкт-Петербургский университет МВД России

Актуальность исследования обусловлена стремительной цифровизацией общества и трансформацией преступности, которые требуют переосмысления традиционных криминологических концептов. Статья посвящена критическому анализу эволюции понятия «киберпреступник» в современной криминологии. Рассматриваются исторические этапы формирования термина, анализируются ключевые дискуссионные аспекты: проблемы терминологической неоднозначности, критериев классификации, мотивации и атрибуции. Выявлено, что узкотехнический подход уступает место комплексным криминологическим моделям, учитывающим социальные, психологические и организационные факторы. Делается вывод о необходимости разработки более гибких и контекстуальных криминологических типологий киберпреступников для повышения эффективности профилактики и противодействия.

Ключевые слова: киберпреступник, киберпреступность, криминология, классификация преступников, мотивация, атрибуция, цифровая преступность, киберкриминология, дискуссионные аспекты.

1. Актуальность исследования

Динамичное развитие информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) коренным образом изменило ландшафт современной преступности. Традиционные криминологические категории и методы анализа зачастую оказываются недостаточными для понимания новых форм противоправной деятельности в киберпространстве. Центральным концептом в осмыслении этого феномена становится фигура киберпреступника. Однако содержание этого понятия остается предметом острых научных дискуссий, что создает значительные трудности как для теоретического осмысления киберпреступности, так и для практической работы правоохранительных органов [1, с. 15]. Неоднозначность определения, размытость критериев отнесения индивидов к данной категории и сложность атрибуции действий в цифровой среде подчеркивают насущную потребность в криминологическом анализе эволюции и дискуссионных аспектов понятия «киберпреступник».

2. Проблема исследования и цель

Основная проблема заключается в значительном расхождении подходов к определению и классификации киберпреступников в научной литературе и правоприменительной практике. Это приводит к фрагментации знаний, затрудняет разработку эффективных профилактических стратегий и мер уголовно-правового воздействия. Целью настоящего исследования являются анализ исторической

эволюции понятия «киберпреступник» в криминологии и выявление ключевых дискуссионных вопросов, связанных с его содержанием, классификацией и атрибуцией в современных условиях.

3. Эволюция понятия «киберпреступник»

Исторически понятие «киберпреступник» формировалось параллельно с развитием компьютерных технологий и осознанием их криминогенного потенциала.

Ранний этап (1970–1980-е гг.): хакер как прототип. Первоначально внимание фокусировалось на фигуре хакера — технически одаренного индивидуума, проникающего в компьютерные системы из любопытства, исследовательского интереса или для демонстрации своих навыков [2, с. 7–8]. Такие преступления (часто несанкционированный доступ) воспринимались скорее как «шалости» или акты вандализма в цифровой среде, а их исполнители — как маргинальные, но не обязательно криминальные по своей сути личности. Криминологический анализ на этом этапе был ограниченным.

Этап коммерциализации и криминализации (1990–2000-е гг.): от хакера к киберпреступнику. Широкое распространение интернета и электронной коммерции привело к резкому росту корыстных преступлений (мошенничество, кража данных, вымогательство). Фигура хакера трансформировалась в фигуру киберпреступника (*cybercriminal*), чья деятельность преимущественно ассоциируется с финансовыми мотивами и нанесением материального ущерба [3,

с. 45]. Появляются первые попытки классификации, основанные на типе совершаемых деяний (например, разделение на хакеров, кардеров, кибертеррористов). Внимание криминологов смещается на организованные группы и транснациональный характер преступлений.

Современный этап (2010-е гг. — настоящее время): диверсификация и комплексность. Современное понимание термина «киберпреступник» значительно усложнилось: к традиционным финансовым мотивам добавились политические (хактивизм, государственный спонсированный шпионаж и саботаж), идеологические (кибертерроризм), социальные (троллинг, кибербуллинг, распространение дезинформации с целью дестабилизации) и даже личные (месть) [4, р. 102]. Происходит размывание границ между:

- «традиционными» преступниками, использующими ИКТ как инструмент (например, для торговли наркотиками через даркнет);
- «чистыми» киберпреступниками, чья деятельность возможна только в цифровой среде (создание и распространение вредоносного ПО);
- «внутренними угрозами» (инсайдерами);
- государственными акторами.

Криминология переходит от узкотехнических определений к комплексным моделям, учитывающим социальный контекст, психологические характеристики, организационные структуры и мотивационный спектр [5, с. 32].

4. Дискуссионные аспекты понятия «киберпреступник» в современной криминологии

Несмотря на эволюцию, рассматриваемое понятие остается предметом активных дискуссий.

Актуальна проблема терминологической неоднозначности: отсутствует единое общепринятое определение понятия «киберпреступник» в криминологии и праве. Термины «компьютерный преступник», «интернет-преступник», «цифровой преступник» часто используются как синонимы, что создает путаницу [6, с. 88]. Ключевой вопрос таков: «На чем необходимо делать акцент: на технологии как основном инструменте совершения преступления (узкий подход) или на фигуре преступника, использующего цифровые технологии в своей деятельности (широкий подход)?» Широкий подход критикуют за размывание специфики киберпреступности, узкий — за недооценку гибридных форм.

1. Дискуссии о классификации и типологиях: существующие типологии киберпреступников часто фрагментированы и основаны на разных критериях. Среди них:

- по техническим навыкам: от «скрипт-кидди» (script kiddies), использующих готовые инструменты, до высококвалифицированных разработчиков эксплойтов [2, с. 25];
- по мотивации: финансовая выгода, идеология/политика (хактивисты), реваншизм/месть, получение статуса в сообществе, шпионаж, саботаж [3, с. 78; 4, р. 115];
- по уровню организации: одиночки, неформальные группы, строго иерархические организованные пре-

ступные группы (ОПГ), спонсируемые государством структуры [7, с. 54].

Критики указывают на условность таких классификаций, так как один индивид или группа могут действовать в разных ролях, руководствуясь разной мотивацией. Актуальна дискуссия о необходимости разработки многомерных типологий, интегрирующих различные критерии [5, с. 41].

2. Дискуссия о мотивации: традиционные криминологические теории (теория аномии, теория дифференциальной ассоциации, теория рационального выбора и др.) требуют адаптации к киберсреде [1, с. 28; 8, с. 91]. Особое внимание уделяется:

- роли деиндивидуализации и воспринимаемой анонимности в киберпространстве, снижающих чувство ответственности и страх разоблачения;
- специфике криминогенного влияния онлайн-сообществ (форумы, даркнет-маркетплейсы), где происходит передача знаний, норм и оправдательных идеологий;
- сложности применения концепции рационального выбора при оценке мотивов хактивистов или инсайдеров, движимых идеологией или обидой.

3. Проблема атрибуции и транснациональности: одна из самых острых проблем — установление реального исполнителя киберпреступления из-за использования анонимизирующих технологий, прокси-серверов, поддельных IP-адресов и трансграничного характера атак [7, с. 61]. Это представляет не только практическую сложность для следствия, но и теоретическую проблему для криминологии: как достоверно изучать популяцию, которую крайне сложно идентифицировать? Транснациональность ставит под вопрос применимость национальных криминологических моделей.

5. Выводы

Проведенный анализ позволяет констатировать:

1. Понятие «киберпреступник» претерпело значительную эволюцию — от узкой ассоциации с технически одаренными хакерами до сложного, многогранного концепта, охватывающего широкий спектр акторов с разнообразными мотивами, навыками и уровнем организации.
2. Современная криминологическая мысль характеризуется отходом от чисто технологического понимания фигуры киберпреступника в сторону комплексных моделей, интегрирующих технологические, социальные, психологические и организационные факторы.
3. Ключевыми дискуссионными аспектами остаются:
 - терминологическая неоднозначность и поиск баланса между узким и широким подходами к определению;
 - несовершенство и фрагментарность существующих классификаций и типологий, требующих разработки более гибких и многомерных моделей;
 - необходимость адаптации традиционных криминологических теорий мотивации к специфике киберсреды (деиндивидуализация, анонимность, роль онлайн-обществ);

— фундаментальные трудности атрибуции киберпреступлений, искажающие представления о популяции киберпреступников и затрудняющие эмпирические исследования;

— транснациональный характер деятельности, бросающий вызов национальным криминологическим парадигмам.

Эволюция понятия «киберпреступник» отражает динамику и усложнение самой киберпреступности. Современная криминология стоит перед необходимостью преодоления существенных дискуссионных барьеров, связанных с определением, классификацией, мотивацией и атрибуцией данного понятия. Узкотехнические подходы уступают место пониманию киберпреступника как социального феномена, действующего в специфическом цифровом контексте.

Авторская позиция заключается в том, что дальнейшее развитие криминологии киберпреступности требует:

1. принятия рабочего, но гибкого определения понятия «киберпреступник» с акцентом на ключевой роли цифровых технологий в способе совершения или со-

крытия преступления, при этом не исключающего анализа «гибридных» форм;

2. активной разработки интегративных типологий, сочетающих критерии технической сложности, мотивации, уровня организации и целевого объекта посяательства;

3. глубокой адаптации и проверки традиционных криминологических теорий в условиях киберпространства с учетом его деиндивидуализирующих и глобализирующих эффектов;

4. развития международного сотрудничества не только в правоприменительной сфере, но и в области криминологических исследований для преодоления проблем атрибуции и транснациональности.

Восприятие киберпреступников не как абстрактных «технарей», а как сложных социальных акторов, движимых разнообразными мотивами и действующих в определенном контексте, является ключевым для разработки адекватных и эффективных мер предупреждения и контроля киберпреступности в XXI веке.

Литература:

1. Голубинский, В. Н. Криминология киберпреступности: монография / В. Н. Голубинский. — М.: Норма, 2023. — 256 с.
2. Handbook of Internet Crime / Y. Jewkes, M. Yar (eds.). — Willan Publishing, 2009. — 672 p.
3. Кабанов, П. А. Киберпреступность и кибертерроризм: уголовно-правовые и криминологические аспекты. — М.: Юрлитинформ, 2021. — 184 с.
4. Holt, T. J. Cybercrime in Progress: Theory and prevention of technology-enabled offenses / T. J. Holt, A. M. Bossler. — Routledge, 2015. — 236 p.
5. Овчинский, В. С. Стратегия борьбы с преступностью в условиях цифровизации / В. С. Овчинский. — М.: Проспект, 2022. — 320 с.
6. Wall, D. S. Cybercrime: The transformation of crime in the information age / D. S. Wall. — Polity, 2024. — 356 p.
7. Клименко, И. А. Транснациональная организованная киберпреступность: криминологические и уголовно-правовые проблемы противодействия / И. А. Клименко. — СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2020. — 298 с.
8. Yar, M. (2013). Cybercrime and Society (2nd ed.) / M. Yar. — SAGE Publications Ltd, 2013. — 232 p.

Некоторые проблемы прокурорского надзора за водным законодательством

Кашмина Виктория Денисовна, студент;

Байсакалова Аяна Армановна, студент

Научный руководитель: Тищенко Алена Владимировна, старший преподаватель

Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Челябинск)

В статье рассматриваются актуальные проблемы прокурорского надзора за исполнением водного законодательства, обусловленные возрастанием экологических рисков и угроз водной безопасности в условиях интенсивного антропогенного воздействия на окружающую среду.

Ключевые слова: прокурорский надзор, водное законодательство, водные объекты, экологическая безопасность, экологические правонарушения, загрязнение вод.

В юридической науке отмечается, что в России сформировалась уникальная модель прокурорского надзора за исполнением законов в сфере экологии. В системе органов прокуратуры особую роль занимают специализированные природоохранные прокуратуры.

Для совершенствования организации работы в данном направлении был принят Приказ Генпрокуратуры России от 15.04.2021 № 198 (ред. от 25.11.2022) «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства в экологической сфере» [1], в котором определены

основные направления и механизмы прокурорского надзора за соблюдением экологического законодательства. Среди приоритетных задач такого надзора выделяется обеспечение гарантированного права граждан на благоприятную окружающую среду и получение достоверных сведений о её состоянии, а также защита интересов лиц, пострадавших от экологических правонарушений.

Что касается прокурорского надзора за соблюдением водного законодательства, то, в данном случае сталкиваются с рядом затруднений, имеющих как нормативный, так и практический характер. Наиболее существенными проблемами являются:

1. Наличие юридических противоречий между положениями Водного кодекса РФ и другими нормативными актами, в частности — нормами, регулирующими деятельность во внутреннем водном транспорте, что порождает сложности в правоприменении;
2. Незаполненные пробелы в правовом регулировании. Например, отсутствие нормативного определения зон экологического бедствия и четких параметров оценки экологической безопасности водных объектов;
3. Трудности в привлечении виновных лиц к ответственности, а также в установлении причинителей вреда и источников загрязнения водных объектов.

Показателен случай с выявлением возможного попадания загрязнённых стоков в Шершневское водохранилище — основной источник питьевого водоснабжения г. Челябинска. После распространения видеозаписи в социальных сетях о сбросе сточных вод специалисты Уральского межрегионального управления Росприроднадзора, регионального Минэкологии и природоохранной прокуратуры провели обследование, установив, что площадь загрязнения сократилась, но источники сброса определить затруднительно. Данный пример демонстрирует сложность оперативного выявления виновных лиц и необходимость совершенствования механизмов прокурорского реагирования. То есть независимо от объема загрязнений проблематично найти источник и виновных данных загрязнений.

Литература:

1. Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 15 апреля 2021 г. № 198 (в ред. от 25. 11. 2022 г.) «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства в экологической сфере» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2021. — № 21. — Ст. 3641.
2. «74. ru» — официальный сайт Челябинска (Shkulev Holding) // Зарегистрировано: Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) (реестровая запись ЭЛ № ФС 77–84676 от 06.02.2023): сайт. — URL: <https://74.ru/text/ecology/2025/08/15/75831597/> (дата обращения: 02.11.2025).
3. Попова. М. Каждому седьмому водохранилищу предрекли пересыхание к концу века / М. Попова // журнал Nature Communications «N + 1» 2025: сайт. — URL: <https://nplus1.ru/news/2025/09/29/water-scarcity?ysclid=mhmdsj0cze125530806> (дата обращения: 30.10.2025).

Проблемы, выявленные в ходе прокурорского надзора, тесно связаны с глобальной тенденцией дефицита пресной воды. Так, по данным статьи эколога, Марины Поповой, опубликованной в интернет-издании «N + 1» в 2025 году, в журнале Nature Communications были представлены прогнозы, согласно которым «к 2030 году 35 % регионов, находящихся в зоне риска дефицита пресной воды, столкнутся с водным кризисом: в течение четырёх лет подряд они будут испытывать нехватку осадков, падение речного стока, истощение водохранилищ и рост потребления воды. К концу века кризисные события затронут до 74 % таких регионов, а 14 % водохранилищ мира могут пересохнуть». По оценкам авторов исследования, к концу 21 века нехватку пресной воды будут испытывать 753 миллиона человек, из которых 467 миллионов проживают в городах, где предложение воды не поспевает за спросом.

Эти прогнозы подтверждают актуальность и социальную значимость прокурорского надзора в водной сфере. Даже в России, где водные ресурсы традиционно считаются обильными, министр природных ресурсов и экологии Александр Козлов в июле 2025 года подчеркнул, что «дефицит пресной воды является одной из глобальных угроз, затрагивающих и нашу страну». Это свидетельствует о необходимости дальнейшего совершенствования нормативно-правовой базы и усиления прокурорского надзора за исполнением водного законодательства для предотвращения экологических катастроф и обеспечения устойчивого водопользования.

Таким образом, повышению эффективности прокурорского надзора в данной сфере могут способствовать: устранение нормативных пробелов и внесение соответствующих изменений в законодательство; оптимизация распределения контрольных полномочий между органами прокуратуры и другими надзорными ведомствами; системный мониторинг состояния законности в сфере охраны водных объектов и выявление наиболее распространённых нарушений для целенаправленного принятия мер прокурорского реагирования.

Проблемы осуществления прокуратурой функции уголовного преследования и ее соотношение с другими функциями современного уголовного процесса

Комбирович Марина Сергеевна, студент магистратуры
Сибирский университет потребительской кооперации (г. Новосибирск)

Научная статья посвящена сложившимся в современном уголовном процессе проблемам осуществления органами прокуратуры функции уголовного преследования. По результатам проведенного исследования сделан вывод о том, что уголовное преследование наряду с прокурорским надзором является важнейшей, самостоятельной функцией, выполняемой прокуратурой, включающей в себя утверждение обвинительного заключения и обвинительного акта, последующее поддержание государственного обвинения в суде до вступления приговора в законную силу. С целью повышения эффективности выполнения прокурорами функции уголовного преследования предлагается внесение изменения в уголовно-процессуальное законодательство путем регламентации полномочия прокурора на возбуждение уголовных дел.

Ключевые слова: уголовный процесс, прокурор, уголовное преследование, прокурорский надзор, государственное обвинение.

Problems of implementation of the function of criminal prosecution by the prosecutor's office and its relationship with other functions of modern criminal procedure

Kombirovich Marina Sergeevna, master's student
Siberian University of Consumer Cooperatives (Novosibirsk)

This research article examines the challenges facing prosecutors in the implementation of criminal prosecution functions in modern criminal proceedings. The study concludes that criminal prosecution, along with prosecutorial oversight, is a crucial, independent function performed by the prosecutor's office. It includes approving the indictment and bill of indictment, and subsequently supporting the prosecution in court until the verdict comes into force. To improve the effectiveness of prosecutors' criminal prosecution functions, it is proposed to amend criminal procedure legislation by regulating the prosecutor's authority to initiate criminal cases.

Keywords: criminal proceedings, prosecutor, criminal prosecution, prosecutorial supervision, state prosecution.

На сегодняшний день российская прокуратура представляет собой самостоятельный государственный орган, который не относится ни к одной из ветвей власти, основополагающим предназначением которого является всеобъемлющее обеспечение верховенства закона, стремление к единству и укреплению законности, создание условий для охраны и защиты, прав свобод, гарантированных каждому конкретному человеку и гражданину [1].

При этом следует обратить внимание на то, что прокуратура является одним из участников современного уголовного процесса, ее компетенция и предоставленные ей полномочия в настоящее время закреплены в статье 37 Уголовно-процессуального кодекса РФ. В частности, должностные лица органов прокуратуры призваны воплощать прокурорский надзор за исполнением действующего уголовно-процессуального законодательства, а также соблюдением предоставленных человеку и гражданину прав, свобод. Кроме того, прокурорским работникам гарантирована возможность осуществлять так называемое уголовное преследование [2].

Применительно к вышеизложенному надлежит отметить, что до 2007 года органы прокуратуры были компетентны принимать непосредственное активное участие в расследовании и раскрытии совершаемых преступных

посягательств, реализуя тем самым уголовное преследование в отношении подозреваемых и обвиняемых лиц.

Вместе с тем, в период с 2007 года по 2011 год в России была проведена масштабная реформа в отношении прокуратуры, которая в результате повлекла собой выделение из данного надзорного ведомства самостоятельный орган публичной власти, именуемый Следственным комитетом РФ. Указанное обстоятельство вызвало необходимость переосмысления функции уголовного преследования, возложенной, в том числе, на сотрудников органов прокуратуры.

Обусловлено это тем, что большинство полномочий, призванных по своему функциональному предназначению и природе способствовать качественной и эффективной реализации функции уголовного преследования, были переданы должностным лицам органов предварительного расследования, то есть следователям и дознавателям. В связи с этим продолжает оставаться открытым и актуальным вопрос относительно действительной роли прокурора в рамках осуществления названной функции.

Что же касается определения понятия «уголовное преследование», то под ним в юридической доктрине традиционно понимается обнаружение и изобличение тех лиц,

которые совершили инкриминируемое им уголовно-наказуемое деяние [3, с. 273].

В то же время среди ученых-правоведов по настоящее время имеют место споры и дискуссии применительно к соотношению таких правовых понятий как «уголовное преследование» и «обвинение». Так, по мнению С. М. Ягофарова, смешение вышеназванных понятий недопустимо, поскольку они представляют собой различные по своей смысловой окраске функции. В качестве примера автор приводит ситуацию, при которой уголовное преследование с позиции процессуального закона не может воплощаться в случае, когда лицо освобождается от уголовной ответственности [4, с. 55].

В свою очередь, В. А. Ефанова приходит к выводу, согласно которому под уголовным преследованием следует понимать изложение и последующее обоснование при помощи сформированной в установленном порядке доказательственной базы факта совершения определенным лицом вмененного ему преступного посяательства как на досудебном, так и судебном этапах современного уголовного процесса теми самостоятельными субъектами, перечень которых на сегодняшний день регламентирован в статье 21 Уголовно-процессуального кодекса РФ, включая и сотрудников органов прокуратуры. Что же касается обвинения, то к обозначенному виду деятельности надлежит относить выдвижение в строго урегулированном порядке потерпевшим либо же иным компетентным на это субъектом утверждения относительно совершения соответствующим лицом расследованного и раскрытого уголовно-наказуемого деяния [5, с. 66–68].

Интерес для настоящего исследования вызывает точка зрения С. Н. Чурилова, который полагает, что если сопоставить между собой понятия «уголовное преследование» и «обвинение» при помощи кругов Эйлера, то они фактически соотносятся как родовидовые понятия. В частности, реализация уголовного преследования в каждом конкретном случае презюмирует осуществление двух основополагающих этапов, а именно: подозрение, заключающееся в обосновании и подтверждении при помощи собранных доказательств совершения того либо же иного преступного деяния определенным лицом, и обвинение, предполагающее осуществление прокурорскими работниками деятельности по непосредственному поддержанию государственного обвинения в уполномоченных судебных органах [6, с. 87–88].

Так, если провести буквальное толкование части 2 статьи 35 Закона о прокуратуре, то представляется возможным сделать вывод о том, что сотрудники органов прокуратуры в каждом конкретном случае призваны, в том числе, обеспечивать выполнение роли государственного обвинителя в современном уголовном процессе. При этом сущность указанной функции подразумевает под собой необходимость поддержания прокурорами государственного обвинения в судах в ходе рассмотрения и разрешения ими находящихся у них в производстве уголовных дел.

Названное обстоятельство свидетельствует о том, что прокурорские работники реализуют возложенную на них в настоящее время деятельность по разоблачению тех лиц, которые совершили определенное преступное посятельство, а также по созданию условий, направленных на привлечение их к установленной действующим законом уголовной ответственности, тем самым принимают непосредственное участие в уголовном преследовании.

Ученый-процессуалист В. А. Лазарева обращает внимание на то обстоятельство, что большинство полномочий, которые на сегодняшний день гарантированы должностным лицам органов прокуратуры, имеют прямое отношение именно к прокурорскому надзору. Однако автор считает, что для эффективного и результативного воплощения деятельности по непосредственному поддержанию государственного обвинения в уполномоченных судебных органах, следует полно, всесторонне, качественно и законно осуществлять предварительное расследование. Для этого прокурорские работники реализуют функцию уголовного преследования, что же касается прокурорского надзора, то он, по мнению Лазаревой, является лишь одной из составляющих, способствующих выполнению вышеупомянутой функции [7, с. 45].

Между тем, думается, что вышеизложенная точка зрения является не совсем верной, поскольку, во-первых, прокурорский надзор закреплен в статье 37 Уголовно-процессуального кодекса РФ в качестве самостоятельной функции современной российской прокуратуры. Во-вторых, сам по себе прокурорский надзор за исполнением требований действующего законодательства, соблюдением прав, свобод лиц, вовлеченных в сферу уголовного процесса, со стороны должностных лиц органов предварительного расследования на сегодняшний день представляет собой важное самостоятельное направление деятельности прокуратуры, предполагающее обнаружение различных нарушений законов, прав, свобод человека и гражданина, допускаемых следователями и дознавателями в ходе своего функционирования, а также своевременное реагирование на выявленные нарушения с целью их последующего устранения за счет соответствующих средств и актов.

Важно понимать, что, осуществляя уголовное преследование, прокурор ни при каких обстоятельствах не может быть мотивирован в привлечении к уголовной ответственности невиновного лица, главенствующей целью его деятельности в каждом конкретном случае является формирование необходимых условий для обеспечения законности в рамках уголовного процесса, а также защита прав, свобод, предоставленных человеку и гражданину. По этой причине если сотрудник органа прокуратуры в ходе воплощения возложенной на него деятельности установит, что то либо же иное лицо, привлекаемое к уголовной ответственности, невиновно в инкриминируемом ему преступлении, что подтверждается сформированной в материалах уголовного дела доказательственной базой, или же имеются достаточные и обоснованные сомнения в его ви-

новности, он вправе направить материалы как следователю, так и дознавателю для проведения дополнительных проверочных мероприятий, а в суде компетентен отказаться от предъявленного государственного обвинения.

Именно для этого должностные лица органов прокуратуры наделены в соответствии со статьей 37 Уголовно-процессуального кодекса РФ полномочием по реализации прокурорского надзора, что свидетельствует об особом двойственном статусе прокуроров как субъектов современного уголовного процесса и судопроизводства, поскольку указанные участники на данный момент компетентны в определенной степени выполнять не только обвинительную, но и защитную функцию. При этом прокурорские работники не вправе вмешиваться в ход расследования и раскрытия совершаемых уголовно-наказуемых деяний.

Проанализировав, вышеизложенное, возникает обобщенный вопрос, воплощают ли прокуроры в таком случае функцию уголовного преследования либо же их деятельность ограничивается только лишь прокурорским надзором, учитывая, что де-факто полномочия им предоставлены только лишь для реализации данного направления.

Однако видится, что регламентация в статье 37 Уголовно-процессуального кодекса РФ закрытого перечня полномочий, гарантированных в настоящее время должностным лицам органов прокуратуры, никак не влияет и не отражается на том обстоятельстве, прокурорские работники де-юре являются руководителями современной системы уголовного преследования.

В то же время активно принимать участие в осуществлении уголовного преследования сотрудники органов прокуратуры начинают с того момента, когда ими будет утверждено так называемое обвинительное заключение, подготавливаемое следователем, или же обвинительный акт, составляемый дознавателем. До этого момента на этапах возбуждения каждого конкретного уголовного дела, проведения по нему предварительного расследования и последующего предъявления обвинения соответствующему лицу работники прокуратуры призваны воплощать прокурорский надзор за непосредственным исполнением требований действующего уголовно-процессуального законодательства как со стороны следователей, так и дознавателей, а также за соблюдением ими прав, свобод тех лиц, которые вовлечены в область уголовного процесса и судопроизводства.

Вышеизложенное свидетельствует о том, что на досудебных стадиях главными субъектами, которых должны надлежащим образом реализовывать уголовное преследование, являются следователи и дознаватели. По этой причине все то, что данные участники уголовного процесса делают в ходе своего функционирования, то есть обеспечивают эффективное расследование и дальнейшее раскрытие совершенного преступного посягательства, фактически осуществляется для сотрудников органов прокуратуры.

Для них важно подтвердить, что всех тех обстоятельств, которые они установили, и собранных при этом с их стороны доказательств в действительности достаточно для

того чтобы направить материалы в адрес уполномоченного судебного органа и впоследствии обеспечить привлечение виновного лица к урегулированной в положениях современного уголовного законодательства ответственности.

Если же для прокурора представленная и изложенная следователем или дознавателем аргументация по какой-либо причине окажется недостаточной, он вправе возвратить материалы компетентному должностному лицу органа предварительного расследования с целью последующего воплощения совокупности дополнительных проверочных мероприятий, включая изменение объема обвинения либо квалификации действий лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, корректировки обвинительного заключения или акта, устранения обнаруженного комплекса недостатков.

Представляется необходимым отметить, что те ученые-правоведы, которые продолжают отрицать выполнение сотрудниками органов прокуратуры уголовного преследования как самостоятельной функции, обосновывают занимаемую ими позицию тем, что поддержание прокурорами государственного обвинения является отдельной функцией, которую они реализуют на судебной стадии [8, с. 267–268].

Вместе с тем, такие авторы не учитывают, что, исходя из содержания пункта 55 статьи 5 Уголовно-процессуального кодекса РФ, уголовное преследование охватывает деятельность, обладающую на сегодняшний день процессуальным характером, осуществляемую не столько для раскрытия имевшего место преступного посягательства, сколько воплощаемую стороной обвинения для обнаружения и последующего изобличения лица, подозреваемого, обвиняемого в непосредственном совершении уголовно-наказуемого деяния. При этом одна из основных целей уголовного судопроизводства заключается в установлении истины по каждому конкретному находящемуся в производстве уполномоченного судебного органа делу, достижение которой как раз и предполагает изобличение виновного лица.

И в ходе судебного разбирательства прокурор, будучи представителем стороны обвинения, является субъектом, ответственным за правильное и надлежащее изложение суду всех результатов, которые были получены и достигнуты следователем либо дознавателем в рамках осуществления ими предварительного расследования. Отдельно надлежит обратить внимание и на то, что до вступления приговора в законную силу лицо, привлекаемое к уголовной ответственности, продолжает считаться невиновным, данное обстоятельство также подтверждает, что совокупность всех тех действий и решений, которые в предусмотренном требованиями действующего законодательства порядке воплощаются и реализуются должностными лицами органов прокуратуры, по своему предназначению и природе направлены на изобличение виновного лица.

Все вышеизложенное подтверждается частью 1 статьи 20 Уголовно-процессуального кодекса РФ и частью 2

статьи 35 Закона о прокуратуре, при буквальном толковании которых представляется возможным сделать вывод о том, что поддержание прокурорскими работниками государственного обвинения в суде охватывается понятием «уголовное преследование».

Однако несмотря на то обстоятельство, что прокурор является особым субъектом, призванным создавать условия для обеспечения надлежащего и эффективного осуществления уголовного преследования, а также воплощать прокурорский надзор за исполнением требований действующего законодательства со стороны следователей и дознавателей, соблюдением ими предоставленных лицам, вовлеченных в сферу современного уголовного процесса, прав и свобод, имеют место соответствующие проблемы, препятствующие прокурорам нормальному выполнению возложенных на них в настоящее время функций.

Так, на данный момент российская прокуратура лишена полномочия по решению вопроса о возбуждении уголовных дел. При этом ранее прокурорская практика применительно к реализации вышеуказанного полномочия складывалась таким образом, что сотрудники органов прокуратуры возбуждали уголовные дела по всем поступающим к ним материалам, вне зависимости от подследственности дел, аналогичная практика на сегодняшний день наблюдается при производстве по делам об административных правонарушениях.

В настоящее время в случае обнаружения того, что принятое следователем или же дознавателем постановление об отказе в возбуждении уголовного дела не соответствует закону либо установленным фактическим обстоятельствам, прокурор на основании собственного мотивированного постановления вправе отменить вышеуказанное решение и направить материалы для повторного воплощения сотрудниками органа предварительного расследования доследственной проверки. Между тем, на практике как следователь, так и дознаватель могут проигнорировать указания прокурорского работника и вновь вынести постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, однако после проведения в отношении собранных материалов проверочных мероприятий должностное лицо органа прокуратуры может повторно отменить решение сотрудника следственного органа либо же органа дознания, направив им материалы на новое рассмотрение с момента решения вопроса о возбуждении или об отказе в возбуждении уголовного дела.

В то же время в практической деятельности может иметь место совершение лицом преступного посягательства, обладающего повышенной общественной опасностью, вместе с тем, принимая во внимание, что, с учетом вышеизложенного, осуществление предварительного расследования по нему началось не сразу, это может привести к утрате следов преступления, невозможности получить те либо же иные доказательства, задержать преступника и впоследствии раскрыть преступление. Более того, за это время может быть совершено еще одно уголовно-наказуемое деяние. Тем самым существенное усложнение про-

цедуры участия прокурорских работников в возбуждении уголовных дел в целом негативно отражается на выполнении ими функции уголовного преследования, а также расследовании и раскрытии следователями и дознавателями совершаемых преступлений.

В связи с этим с целью обеспечения соблюдения интересов как сотрудников органов предварительного расследования, так и прокурорских работников, недопустимости злоупотребления предоставленными им полномочиями в области современного уголовного процесса, видится возможным внести соответствующее изменение в статью 25 Закона о прокуратуре, закрепив в ней, что после осуществления прокурорских проверок должностное лицо органа прокуратуры вправе возбудить уголовное дело и направить его со всеми имеющимися материалами в адрес компетентного органа с целью осуществления им расследования преступного деяния. То есть при вышеизложенных обстоятельствах прокурор будет обладать полномочием на возбуждение уголовного дела в том случае, если он обнаружит в ходе реализации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав, свобод участников уголовного процесса какое-либо нарушение требований действующего законодательства, допущенное со стороны следователя или дознавателя.

Кроме того, следует рассмотреть вопрос о внесении соответствующего изменения в часть 6 статьи 148 Уголовно-процессуального кодекса РФ, регламентировав в ней полномочие прокурора на возбуждение уголовного дела в том случае, если он в рамках осуществления прокурорской проверки постановления об отказе в возбуждении уголовного дела выявит, что в собранных материалах имеется совокупность достаточных для принятия такого рода процессуального решения.

Интерес для настоящего исследования представляет позиция Конституционного Суда РФ, изложенная им в Определении от 30.01.2024 года № 201-О/2024. Исходя из установленных фактических обстоятельств дела, прокурором было утверждено обвинительное заключение и впоследствии в суде поддержана позиция по обвинению гражданки в совершении ею ряда преступных посягательств. В то же время ранее указанный прокурор работал в Следственном комитете РФ, при этом он был в составе тех следователей, которые занимались расследованием и раскрытием вмененных гражданке уголовно-наказуемых деяний. По мнению осужденной, это свидетельствует об отсутствии у прокурора заинтересованности в исходе уголовного дела, а также препятствует разграничению между собой понятий «уголовное преследование» и «прокурорский надзор».

Между тем, Конституционный Суд РФ отметил, что как прокурор, так и следователь с дознавателем на сегодняшний день реализуют единую функцию уголовного преследования от имени российского государства. При этом выполнять данную функцию вышеуказанные участники уголовного процесса могут посредством воплощения различных по своему содержанию процессуальных

действий и на разных стадиях современного уголовного судопроизводства. В связи с этим сам по себе факт осуществления предварительного расследования, утверждения обвинительного заключения и поддержания государственного обвинения одним и тем же лицом не является конституционным нарушением, влекущим какие-либо ограничения прав, свобод осужденных [9].

Думается, что вышеизложенные выводы Конституционного Суда РФ являются обоснованными, поскольку прокурор, следователь и дознаватель в современном уголовном процессе совместно представляют сторону обвинения, противодействуя стороне защиты и выполняя функцию уголовного преследования за счет реализации определенных предоставленных им процессуальных полномочий.

Таким образом, несмотря на утрату после проведенной в 2007–2011 года реформы совокупности полномочий,

прокуратура продолжает осуществлять возложенную на нее в соответствии со статьей 37 Уголовно-процессуального кодекса РФ функцию уголовного преследования, а также осуществлять прокурорский надзор, являясь тем самым особым субъектом современного уголовного процесса.

При этом функции уголовного преследования и прокурорского надзора следует рассматривать опосредованно, на практике результативное выполнение каждой из них призвано способствовать эффективности выполнения другой.

Однако с целью обеспечения качественного осуществления вышеупомянутых функций видится необходимым рассмотреть вопрос о возвращении прокурору полномочия на возбуждение уголовных дел, внеся соответствующие изменения в Уголовно-процессуальный кодекс РФ и в Закон о прокуратуре.

Литература:

1. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202–1 (ред. от 03.02.2025) «О прокуратуре Российской Федерации» // Российская газета, № 229, 25.11.1995.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Российская газета, № 249, 22.12.2001.
3. Жохова Н. А. Проблема самостоятельности функции уголовного преследования в деятельности прокурора // Право и управление. 2024. № 4. С. 272–276
4. Ягофаров С. М. К вопросу о соотношении уголовного преследования и обвинительной деятельности прокурора // Вестник ОГУ. 2014. № 3 (164). С. 54–57
5. Ефанова В. А. Прокурор в российском уголовном процессе: проблемы нормативного регулирования и правоприменительной практики // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2021. № 4 (47). С. 65–78
6. Чурилов С. Н. О соотношении понятий «функция обвинения», «уголовное преследование» и «обвинение» // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2015. № 3 (19). С. 85–90
7. Лазарева В. А. Участие прокурора в уголовном процессе: учебник и практикум для вузов / В. А. Лазарева. 5-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2025. 283 с.
8. Ермакова Е. С. Поддержание государственного обвинения как вид процессуальной деятельности, осуществляемой прокурором в уголовном судопроизводстве / Е. С. Ермакова. Текст: непосредственный // Молодой ученый. 2024. № 17 (516). С. 266–271.
9. Определение Конституционного Суда РФ от 30.01.2024 № 201-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Мазанько Елены Ивановны на нарушение ее конституционных прав частью второй статьи 66 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс»

Выявление категории лиц, склонных к злоупотреблению своими правами в банкротстве

Котова Евгения Сергеевна, студент магистратуры
Тамбовский государственный технический университет

В статье рассматривается проблема выявления лиц, склонных к злоупотреблению своими правами в процессе банкротства. Актуальность темы обусловлена необходимостью обеспечения справедливого и эффективного функционирования института банкротства, защиты прав кредиторов и других участников процесса.

Ключевые слова: банкротство, злоупотребление правами, должник, кредитор, судебная практика.

Институт несостоятельности (банкротства) [3] является важным инструментом регулирования эконо-

мических отношений в условиях рыночной экономики. Однако, как и любой другой институт, он подвержен зло-

употреблениям со стороны участников процесса. Злоупотребление правами в банкротстве может привести к нарушению прав кредиторов, снижению эффективности процедуры банкротства и другим негативным последствиям.

Целью данной статьи является выявление категории лиц, склонных к злоупотреблению своими правами в процессе банкротства, на основе анализа судебной практики и теоретических исследований.

В пункте 1 статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации закреплено, что недопустимо осуществление гражданских прав исключительно с целью нанесения вреда другому лицу, совершение действий, направленных на обход закона с противоправной целью, а также другое заведомо недобросовестное использование гражданских прав, что и определяет злоупотребление правом [2].

Злоупотребление правами в банкротстве — это использование должником или иным участником процесса своих прав в целях, противоречащих принципам справедливости, равенства и добросовестности. Злоупотребление может выражаться в различных формах, таких как сокрытие имущества, вывод активов, предоставление заведомо ложной информации и т. д.

Нередко в научной литературе можно встретить мнение, согласно которому злоупотребляют правом для того, чтобы причинить вред третьим лицам. Именно такой точки зрения придерживается Т. В. Дерюгина [7, с. 97]. В соответствии с ее концепцией, злоупотребление правом представляет собой реализацию субъектом своего права, формально не выходящую за рамки дозволенного, но осуществляемую таким образом, что причиняет вред другим лицам, при отсутствии прямого законодательного запрета на подобное поведение.

Анализ судебной практики позволяет выделить следующие факторы, способствующие злоупотреблению правами в банкротстве:

1. Наличие у должника возможности влиять на процесс банкротства. Должники, имеющие контроль над процедурой банкротства, могут использовать свои права для достижения целей, противоречащих интересам кредиторов. Например, они могут затягивать процедуру банкротства, препятствовать продаже имущества и т. п.

2. Недостаточная прозрачность процедуры банкротства. Отсутствие четкого регулирования некоторых аспектов процедуры банкротства может привести к злоупотреблениям со стороны участников процесса. Например, отсутствие четкого определения понятия «недобросовестный должник» может затруднить выявление таких лиц.

3. Сложность доказывания факта злоупотребления. Доказывание факта злоупотребления правами в банкротстве может быть затруднено из-за отсутствия четких критериев и признаков злоупотребления. Это может привести к тому, что злоупотребления будут оставаться безнаказанными.

4. Личные мотивы участников процесса. Некоторые участники процесса могут злоупотреблять своими пра-

вами из-за личных мотивов, таких как желание получить выгоду за счёт других участников или избежать ответственности.

В качестве примера можно рассмотреть дело № А64–1160/2022 (Определение Арбитражного суда Тамбовской области от 19 апреля 2022 года) [4]. Должник обратился в суд с заявлением о банкротстве, владея имуществом, подлежащим включению в конкурсную массу, а именно автомобилем. Планируя данный автомобиль сохранить путем занижения его рыночной стоимости, но финансовый управляющий обратился в суд с заявлением, предлагая утвердить представленные условия Положения о порядке, сроках и условиях продажи имущества гражданина, в целях реализации конкурсной массы должника.

Суд, в свою очередь, руководствуясь статьей 71 Арбитражного Процессуального Кодекса Российской Федерации [1] (далее — АПК РФ), проверил наличие оснований для утверждения заявленной финансовым управляющим начальной продажной цены спорного имущества, приняв во внимание, что решение о оценке имущества не оспорено, при отсутствии доказательств, опровергающих цену, предложенную банком и при отсутствии возражений иных лиц, участвующих в деле. Следовательно, суд утвердил Положение о порядке, условиях и сроках реализации автомобиля, убедившись и установив начальную стоимость. Впоследствии автомобиль был реализован на торгах, а вырученные деньги распределены между кредиторами [4].

Основываясь изучением судебной практики можно выделить следующие категории лиц, склонных к злоупотреблению своими правами в процессе банкротства:

1. Должники, имеющие признаки недобросовестности. Это лица, которые используют процедуру банкротства для достижения целей, противоречащих интересам кредиторов, например, для вывода активов или сокрытия имущества.

2. Лица, связанные с должником. Это могут быть руководители, учредители, акционеры и другие лица, имеющие влияние на деятельность должника. Они могут использовать свои права для защиты интересов должника в ущерб кредиторам.

3. Кредиторы, злоупотребляющие своими правами. Хотя основная задача кредиторов — защитить свои интересы, некоторые из них могут использовать процедуру банкротства для достижения личных целей, например, для получения контроля над бизнесом должника или его активами.

4. Иные участники процесса банкротства. Это могут быть арбитражные управляющие, представители кредиторов и другие лица, участвующие в процедуре банкротства. Они также могут злоупотреблять своими правами в целях, противоречащих интересам других участников процесса.

Для выявления лиц, склонных к злоупотреблению своими правами в процессе банкротства, можно использовать следующие методы:

1. Анализ финансового состояния должника. Выявление признаков преднамеренного банкротства или вывода активов может помочь определить недобросовестных должников.

2. Изучение деятельности должника и его руководителей. Анализ сделок, совершённых должником, и действий его руководителей может выявить признаки злоупотребления правами.

3. Анализ судебной практики. Изучение судебных решений по делам о банкротстве может помочь выявить тенденции и закономерности в поведении участников процесса.

4. Использование специальных программ и алгоритмов. Разработка и использование специальных про-

грамм и алгоритмов для анализа данных о должниках, их руководителях и других участниках процесса может помочь выявить лиц, склонных к злоупотреблению правами.

Исследование показало, что недобросовестные должники имеют множество способов обойти закон на любом этапе процедуры. Это указывает на необходимость более четкого правового регулирования процедуры банкротства. Выявление категории лиц, склонных к злоупотреблению своими правами в процессе банкротства, является важной задачей для обеспечения справедливого и эффективного функционирования института банкротства. Для этого необходимо анализировать судебную практику, изучать деятельность участников процесса и использовать специальные методы и алгоритмы.

Литература:

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 01.04.2025). — Ст. 71 // СПС КонсультантПлюс
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025). — Ст. 10 // СПС КонсультантПлюс.
3. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон: от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025). — Ст. 4190 // СПС Консультант плюс.
4. Определение Арбитражного суда Тамбовской области по делу А64–1160/2022 от 19.04.2022 г. // <https://kad.arbitr.ru>
5. Бычков А. И. Злоупотребление должника в деле о банкротстве и инструменты защиты прав кредитора. — М.: — Инфотропик Медиа, 2023. — 118 с.
6. Гурылева К. И. Злоупотребление правом субъектами отношений несостоятельности (банкротства). — М.: Эксмо. — 2023. — С. 442.
7. Дерюгина Т. В. Пределы осуществления гражданских прав: монография. — М.: — Зерцало-М. — 2019. — С. 148.
8. Кораев К. Б. О несостоятельности (банкротстве) в схемах (Федеральный закон № 127-ФЗ): учебное пособие. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Проспект, 2022. — 208 с.
9. Кулакова В. В. Правовые основы несостоятельности (банкротства): учебник для вузов / под общей редакцией В. В. Кулакова — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Юрайт. — 2025. — с. 321.
10. Николаев С. Д. Проблемы правового регулирования и выявления признаков злоупотребления правом при банкротстве физических лиц // Science time. — 2023. С. 19–24.
11. Сабанина Н. О., Ермаков Д. С., Попов С. А. К вопросу о совершенствовании законодательства, регулирующего процедуру банкротства юридических лиц // Юридические исследования. — 2022. — № 6. — С. 10–12.
12. Шишмарева Т. П. Способы противодействия злоупотреблению правами участниками процедур несостоятельности (банкротства) // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2022. № 2. — С. 78.

Особенности административной ответственности юридических лиц

Криворучко Лариса Сергеевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Иерусалимская Елена Александровна, кандидат юридических наук, доцент

Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье определен круг правонарушений, за которые юридическое лицо может быть привлечено к административной ответственности, выявлены основные особенности административной ответственности юридических лиц. Проанализированы виды наказаний и порядок привлечения юридического лица к административной ответственности. Предложены меры профилактики административной ответственности юридических лиц.

Ключевые слова: административное правонарушение, юридическое лицо, административная ответственность, штраф, профилактика.

Peculiarities of administrative responsibility of legal entities

The article defines the range of offenses for which a legal entity can be held administratively liable, and identifies the main features of administrative liability for legal entities. The types of penalties and the procedure for holding a legal entity administratively liable are analyzed. Measures to prevent administrative liability of legal entities have been proposed.

Keywords: administrative offense, legal entity, administrative liability, fine, prevention.

В России юридические лица стали важнейшими участниками экономических отношений. В российском законодательстве определена тенденция к улучшению правового положения юридических лиц. Отдельные категории юридических лиц находятся под защитой государства (объекты малого и среднего предпринимательства), пользуются различными льготами в сфере налогообложения, страхования, имеют возможность получения грантов и т. д. Однако, зачастую юридические лица совершают правонарушения различного характера, в связи с чем привлекаются к ответственности государственными органами. В последние годы по российскому законодательству чаще всего юридические лица привлекаются к административной ответственности. Однако многие аспекты, касающиеся административной ответственности юридических лиц не урегулированы. Противоречивость и проблемность административного законодательства в данной части затрудняет привлечение организаций к ответственности, ставит под вопрос объективность назначения наказания.

Определим некоторые проблемы применения административной ответственности к юридическим лицам.

Во-первых, в КоАП РФ не содержится определения административной ответственности. В связи с этим правоведы самостоятельно его формулируют. Единой позиции в данном вопросе не выработано.

Б. П. Россинский, в своем словаре — справочнике по административному праву определяет административную ответственность как вид юридической ответственности, которая выражается в применении органом или должностным лицом, наделенным соответствующими полномочиями, административного наказания к лицу, совершившему правонарушение [6, с.171].

И. В. Тимошенко определяет административную ответственность как вид государственного принуждения, реализуемого в предусмотренной законом процессуальной форме и отражающего специфическое правовое состояние лица, при котором оно претерпевает неблагоприятные последствия морального, личного, имущественного или организационного характера в результате государственного осуждения совершенного им административного правонарушения [8, с. 79].

П. А. Волков приходит к выводу, что большинство ученых-юристов полагают, что административная ответственность — это форма реагирования органов государства на административное правонарушение, вы-

ражающаяся в применении к нарушителю карательных административных санкций [3]

Во-вторых, в российском законодательстве наблюдается «рассредоточенность» федеральных норм административного права по разным актам [6, с.119].

Так в ст. 1.1 КоАП РФ закреплено, что «законодательство об административных правонарушениях состоит из КоАП РФ и принимаемых в соответствии с ним законов субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях» [2].

Однако, норма ст. 1.1 КоАП РФ не реализуется в полной мере. Несмотря на то, что все нормы права, касающиеся административной ответственности, должны быть закреплены в КоАП РФ, ряд их содержится, в иных законодательных актах, к примеру, в Налоговом кодексе РФ (особенно в разделе VI). Так главы 15, 16 НК РФ посвящены налоговой ответственности, которая, по сути, не отличается от ответственности за деяния должностных лиц организаций, а также физических лиц, содержащейся в гл. 15 КоАП РФ.

При привлечении организаций к ответственности за совершение правонарушений в налоговой сфере возникает вопрос по какому законодательству рассматривать данные категории дел. На наш взгляд необходимо сосредоточить все нормы административной ответственности в КоАП РФ.

В-третьих, серьезной проблемой административного законодательства является наказание юридических лиц за совершение административного правонарушения.

Необходимо отметить, что в отношении юридических лиц установлен сокращенный перечень административных наказаний, а именно к ним могут применяться: предупреждение, административный штраф, конфискация орудия совершения или предмета административного правонарушения, административное приостановление деятельности [7, с.63].

Чаще всего юридическим лицам назначается наказание в виде штрафа.

Судья или должностные лица могут применять наказания в минимальном размере административного штрафа, не противоречащие статьям раздела II КоАП РФ, но при определенных условиях, размер административного штрафа не может быть менее ста тысяч рублей. В соответствии с частью 3.2 ст. 4.1 КоАП РФ «при назначении административного наказания размер административного штрафа не может составлять менее половины мини-

мального размера административного штрафа, предусмотренного для юридических лиц соответствующей статьей или частью статьи раздела II настоящего Кодекса» [2]. Тем не менее, данная сумма может оказаться непосильной для юридического лица. Особенно это касается объектов малого и среднего предпринимательства.

Второй аспект данной проблемы состоит в том, что существуют ситуации, когда размер административного штрафа не отвечает целям административного наказания, и его применение не позволяет говорить о том, что юридическое лицо в дальнейшем не повторит административное правонарушение.

Например, максимальный размер административного штрафа для юридического лица, предусмотренный ч. 1 ст. 6.3 КоАП РФ (в части нарушения законодательства в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения), составляет всего 10 тысяч рублей.

Таким образом, данная проблема, оставаясь до конца неурегулированной, приводит к тому, что нередко штрафные санкции в нарушение принципа соразмерности либо слишком незначительны по размерам, либо, наоборот, чрезвычайно завышены.

Также одним из вопросов, требующих разрешения, является необходимость унификации процессуального порядка привлечения юридических лиц к административной ответственности [7, с.50]. По общему правилу порядок производства по делам об административных правонарушениях регулируется КоАП РФ. Однако часть об административных правонарушениях, совершенных юридическими лицами в связи с осуществлением предпринимательской или иной экономической деятельности, рассматривается арбитражными судами в соответствии с правилами, предусмотренными Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации. На

наш взгляд, что несмотря на то, что процедура рассмотрения дел об административных правонарушениях в арбитражных судах имеет свою специфику, на нее распространяются общие правила, установленные КоАП РФ, которые на практике нередко игнорируются. Учитывая единую сущность административных правонарушений, совершаемых юридическими лицами, полагаем, что независимо от того, какой суд рассматривает дело, следует использовать порядок, предусмотренный КоАП РФ, закрепив это в законодательстве.

Исходя из вышеназванных проблем, предлагает следующие пути их решения:

1. Гл. 2 КоАП РФ следует, на наш взгляд, дополнить статьёй, определяющей административную ответственность как вид государственного принуждения, реализуемого в предусмотренной КоАП РФ процессуальной форме и отражающего такое правовое состояние лица, при котором оно претерпевает неблагоприятные правовые последствия морального, личного, имущественного или организационного характера в результате государственного осуждения совершённого им административного правонарушения.
2. Необходимо сосредоточить все нормы административной ответственности в КоАП РФ.
3. Привести норма административного права, касающиеся штрафных санкций в соответствие с принципом соразмерности.
4. Унификация процессуального порядка привлечения юридических лиц к административной ответственности. Учитывая единую сущность административных правонарушений, совершаемых юридическими лицами, полагаем, что независимо от того, какой суд рассматривает дело, следует использовать порядок, предусмотренный КоАП РФ, закрепив это в законодательстве.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) от 30 ноября 1994 года N 51-ФЗ (ред. от 31.10.2024 N 49-П) — [Электронный ресурс] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 04.07.2025)
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 24.06.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.07.2025) — [Электронный ресурс] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 04.07.2025)
3. Волков П. А. Современный подход к определению понятия административной ответственности — [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyy-podhod-k-opredeleniyu-ponyatiya-administrativnoy-otvetstvennosti> (дата обращения: 03.07.2025)
4. Кижватова Т. Н., Иерусалимская Е. А. Особенности привлечения к административной ответственности юридических лиц // Международный научный журнал «ВЕСТНИК НАУКИ». 2025. № 5. Том 4.
5. Панова И. В., Панов А. Б. Актуальные проблемы административной ответственности // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2019. № 3. С. 115–134
6. Россинский Б. П. Административное право: Словарь-справочник: Учеб. пособие для вузов. / Б. П. Россинский. — М.: Юнити: Закон и право, 2000. — 270 с.
7. Телегин А. С. Административная ответственность юридических лиц: некоторые проблемы применения // Вестник Прикамского социального института. 2018. № 2 (80). С. 50–53.
8. Тимошенко И. В. Понятие административной ответственности // Северо-Кавказский юридический вестник. 2009. № 2. С. 74–79.

9. Барахоева А. Р. Актуальные вопросы правового регулирования административной ответственности юридических лиц // Legal Concept = Правовая парадигма. 2024. Т. 23. № 1.

Объекты уголовно-процессуальных правоотношений на стадии исполнения приговора

Крупина Екатерина Максимовна, студент магистратуры

Научный руководитель: Лавнов Михаил Александрович, кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия

В статье автор анализирует объекты уголовно-процессуальных отношений на стадии исполнения приговора, определяя их понятие, виды и содержание.

Ключевые слова: объект, правоотношения, исполнение, приговор, право.

Анализ уголовно-процессуальных отношений, возникающих на стадии исполнения приговора имеет важное значение. Это обусловлено в первую очередь тем, что уголовный закон является базовым законом, регулирующим борьбу с преступностью. Уголовно-процессуальные отношения довольно широко исследованы учеными-юристами, однако исследований данных правоотношений на стадии исполнения наказания несправедливо мало.

Проведя анализ научных работ, посвященных обозначенной тематике, можно сделать вывод, что «все уголовные правоотношения делятся на две большие группы: 1) правоотношения, регулирующие общее предупреждение преступлений, и 2) правоотношения, регулирующие применение уголовной ответственности и наказания» [1].

Состав уголовно-процессуальных отношений, возникающих на стадии исполнения приговора, практически не отличается от других правоотношений и предполагает наличие объекта, субъектов, юридических фактов, а также взаимных прав и обязанностей участников обозначенных правоотношений.

Изучение объекта уголовно-процессуальных отношений имеет важное значение для раскрытия сущности последнего и причин выстраивания общественных связей в процессе уголовного судопроизводства.

Философия противопоставляет объект субъекту в его предметно-практической деятельности. С этой точки зрения объект рассматривается как часть объективной реальности, с которой взаимодействует субъект. «Любое нечто, на которое направлена или может быть направлена наша мысль», «то, что может привлечь наше внимание» [2, С. 391].

Такое философское толкование представляется наиболее точным и актуальным для определения объекта уголовно-процессуальных правоотношений на стадии исполнения приговора.

Юридическая доктрина выделяет две основные концепции объекта правоотношения: монистическую и плюралистическую.

«Первая признает единство объекта, как правило это исключительно поведение участников социальных связей, на которое направлено правовое воздействие» [3, С. 49]. Вторая концепция считает, что объект имеет множественную природу. «Здесь под ним понимают те материальные и духовные блага, предоставлением и использованием которых удовлетворяются интересы управомоченной стороны» [4]. Какая же из концепций в большей степени применима к уголовно-процессуальным правоотношениям на стадии исполнения приговора?

Божьев В. П. считает, что «общим объектом выступает уголовно-правовое отношение в его объективном (то есть соответствующим действительности) состоянии» [5, С.175]. Некоторые ученые критикуют данную позицию. Например, А. И. Миненок считает, что констатация уголовно-правового отношения выступает общим объектом уголовно-процессуального отношения, завершается с вступлением приговора в законную силу [6, С. 64].

С этого момента уголовно-процессуальное правоотношение себя исчерпывает, что должно исключать появление уголовно-процессуальных правоотношений в стадии исполнения приговора. Однако после вступления приговора в законную силу нередко возникают вопросы, требующие разрешения в рамках уголовного процесса, то есть уголовно-процессуальных правоотношений.

Основания большинства этих вопросов предусмотрены уголовным законодательством, а на их установление направлены уголовно-процессуальные правоотношения.

На основании изложенного следует считать общим объектом уголовно-процессуальных правоотношений на стадии исполнения приговора установление или отсутствие уголовно-правовых отношений, а также их изменение или досрочное прекращение.

Объект уголовно-процессуальных отношений на стадии исполнения приговора, и будем исходить из этого, — это поведение участников данных отношений, область общественных интересов, общих потребностей,

возникающих в ходе правового взаимодействия участников уголовного судопроизводства. В юридической литературе объекты уголовно-процессуальных отношений делятся на общий, родовый и специальный.

«Изучая современные подходы к теории правоотношений, следует отметить, что остается много дискуссионных вопросов по поводу таких понятий как правоотношения, объекты правоотношений, содержание субъективных прав и юридических обязанностей» [7, С. 198].

Обращение приговора к исполнению — уголовно-процессуальная деятельность, состоящая в направлении судьей или председателем суда письменного распоряжения об исполнении судебного решения, которое отсылается вместе с копией приговора и другими необходимыми документами тому органу, на который возложена обязанность приведения его в исполнение [8, С. 290].

Наряду с общим объектом в уголовно-процессуальных отношениях выделяют специальный объект, понимаемый как результат поведения участников. Общий и специальный объекты отражают общую направленность, но различаются по объему и характеристикам. Перечень вопросов, подлежащих рассмотрению судом в стадии исполнения приговора, содержится в статье 397 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Сущность этих вопросов определяет поведение субъектов уголовно-процессуальных правоотношений. Следовательно, можно считать, что именно они выступают в роли специальных объектов.

Литература:

1. Новиков, Е. Е. Об уголовных правоотношениях, функционирующих на стадии исполнения уголовных наказаний: теория вопроса / Е. Е. Новиков // Пенитенциарная безопасность: национальные традиции и зарубежный опыт: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Самара, 02–03 июня 2022 года. — Самара: Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2022. — С. 146–147. — EDN HDCXXU.
2. Философский словарь/ под ред. И. Т. Фролова. М., 2001.
3. Толстой Ю. К. К теории правоотношения. Ленинград, 1959.
4. И. И. Ахматов К вопросу об объекте уголовно-процессуальных отношений// Вестник ЮУрГУ, № 40, 2011.
5. Божьев В. П. Уголовно-процессуальные отношения, М., 1975.
6. Миненок А. И. Стадия исполнения приговора (проблемы повышения эффективности). Калининград, 1988.
7. Полищук Н. И. Правовые отношения и юридические факты: вопросы теории и практики. Рязань, 2006.
8. Евграфова, И. В. Уголовный процесс в вопросах и ответах / И. В. Евграфова, А. В. Марченко, В. В. Марченко. — Санкт-Петербург: СПбГМУ, 2025. — 360 с. — ISBN 978–5–88303–724–4. — EDN ENGJJO.
9. Тябина, Ю. А. Объекты уголовно-процессуальных правоотношений, возникающих на стадии исполнения приговора / Ю. А. Тябина // Человек: преступление и наказание. — 2016. — № 3(94). — С. 134–138. — EDN WTJLZ.

Проблемы судебной защиты жилищных прав граждан

Кулагин Сергей Святославович, студент
Московский университет «Синергия»

В статье рассматриваются проблемы реализации судебной защиты жилищных прав граждан в Российской Федерации. Анализируются причины нарушения жилищных прав, особенности их восстановления в судебном порядке,

В качестве родового объекта выступает поведение, действия отдельных участников уголовного процесса, направленные на решение конкретных задач на каждой стадии уголовного судопроизводства.

Мы разделяем мнение о необходимости выделения родового объекта, который подразумевает действия определенной группы участников уголовного процесса, связанные с решением конкретных задач на каждой стадии уголовного судопроизводства от возбуждения уголовного дела до исполнения приговора.

Таким образом, в описанной выше системе объектов уголовно-процессуальных правоотношений на стадии исполнения приговора объекты объединены рядом признаков, отражающих единство целей и задач стадии исполнения приговора.

«Точное определение объекта уголовно-процессуальных правоотношений имеет большое значение при распределении уголовно-процессуальных норм в главах и разделах Уголовно-процессуального кодекса РФ» [9, С. 134–138].

Кроме того, объект уголовно-процессуальных отношений на стадии исполнения приговора имеет большую практическую значимость. Понимание особенностей взаимодействия участников уголовного судопроизводства сделает процесс законотворчества более эффективным, что обеспечит неукоснительное соблюдение законов судебными органами и защиту прав граждан на всех стадиях уголовного судопроизводства.

а также сложившаяся судебная практика. Определяются основные направления совершенствования законодательства и правоприменительной практики в данной сфере.

Ключевые слова: жилищные права, судебная защита, жилищное законодательство, граждане, судебная практика, жильё, защита прав.

1. Понятие и значение судебной защиты жилищных прав

Жилищные права граждан занимают особое место в системе конституционно гарантированных прав человека и гражданина. Конституция Российской Федерации закрепляет [1] право каждого на жилище, возлагая на государство обязанность создавать условия для его реализации (статья 40 Конституции РФ). Однако, несмотря на наличие нормативно-правовой базы, случаи нарушения жилищных прав граждан встречаются достаточно часто.

Наиболее часто встречающиеся нарушения в сфере жилищных правоотношений включают незаконное выселение граждан, признание их утратившими право пользования жилыми помещениями, отказ в постановке на учёт лиц, нуждающихся в предоставлении жилья, а также проблемы, возникающие в процессе приватизации и обращения взыскания на жилые помещения. Эти аспекты подчеркивают значимость эффективной судебной защиты жилищных прав как ключевого механизма восстановления социальной справедливости и обеспечения правопорядка.

В контексте правового регулирования жилищных отношений, анализ наиболее распространённых нарушений позволяет выделить несколько критических областей, требующих пристального внимания и вмешательства судебной системы. Незаконное выселение, как одна из наиболее острых проблем, представляет собой грубое нарушение конституционного права граждан на жилище. Признание граждан утратившими право пользования жилыми помещениями без достаточных на то оснований также является серьёзным нарушением, ведущим к социальной дестабилизации и ущемлению прав уязвимых категорий населения.

Отказ в постановке на учёт нуждающихся в жилье является ещё одним аспектом, требующим тщательного рассмотрения. Данный отказ может быть обусловлен как объективными, так и субъективными факторами, что делает необходимым проведение детального анализа каждого конкретного случая. Проблемы, возникающие в процессе приватизации жилых помещений, также требуют особого внимания, поскольку они могут привести к значительным социальным и правовым последствиям для граждан.

Обращение взыскания на жилые помещения представляет собой ещё одну сложную и многогранную проблему, требующую комплексного подхода. В данном контексте необходимо учитывать как экономические, так и социальные аспекты, а также права и интересы всех участников правоотношений.

Целью настоящего исследования является анализ проблем судебной защиты жилищных прав граждан и выявление направлений их устранения.

2. Основные проблемы реализации судебной защиты

Несмотря на нормативное закрепление судебной защиты жилищных прав, в правоприменительной практике сохраняется ряд проблем.

Во-первых, наблюдается неоднозначность судебных решений по делам, связанным с признанием граждан утратившими право пользования жилым помещением. Разные суды по схожим обстоятельствам нередко принимают противоположные решения, что нарушает принцип правовой определённости.

Во-вторых, существует сложность доказывания факта нарушения жилищных прав. Граждане, не обладая достаточной юридической грамотностью, часто не могут собрать надлежащие доказательства или выбрать правильный способ защиты права.

В-третьих, одной из острых проблем остаётся несовершенство жилищного законодательства. Некоторые положения Жилищного кодекса РФ [2] и смежных нормативных актов содержат пробелы и противоречия, что осложняет их применение судами.

В контексте правоприменительной практики нередко возникают сложности при реализации судебных актов, направленных на предоставление жилых помещений или устранение нарушений прав собственников и нанимателей недвижимости. Эти трудности могут быть обусловлены как объективными факторами, такими как недостаток бюджетных средств или нехватка жилищного фонда, так и субъективными аспектами, включая неэффективность исполнительного производства или недостаточную координацию между различными государственными органами. В результате возникают правовые коллизии и затягивание сроков исполнения судебных решений, что негативно сказывается на защите прав граждан и требует дальнейшего изучения и разработки эффективных механизмов обеспечения исполнения судебных актов в жилищной сфере.

Анализ судебной практики Верховного Суда РФ [4] показывает, что значительное число споров в данной сфере связано с нарушением прав нанимателей при выселении, а также с неправомерными действиями органов местного самоуправления при распределении жилых помещений.

3. Пути совершенствования судебной защиты жилищных прав граждан

Для повышения эффективности судебной защиты жилищных прав требуется комплексное совершенствование нормативно-правовой базы и правоприменительной практики. В контексте данного исследования следует от-

метить, что существующие законодательные акты и процессуальные нормы, регулирующие сферу жилищных правоотношений, требуют детального анализа и возможной модификации с целью устранения пробелов и противоречий.

Кроме того, необходимо обратить внимание на правоприменительную практику, которая должна соответствовать современным требованиям и стандартам, обеспечивая справедливое и своевременное разрешение жилищных споров. В этом контексте важно развивать профессиональные компетенции судей и других участников судебного процесса, а также внедрять инновационные методы и технологии, направленные на повышение эффективности правоприменительной деятельности.

Во-первых, требуется уточнение норм Жилищного кодекса РФ [2] [2], регулирующих основания признания граждан утратившими право пользования жилым помещением. Это позволит исключить произвольное толкование судами и обеспечит единообразие практики.

Во-вторых, следует расширить доступ граждан к квалифицированной юридической помощи. Важно развивать систему бесплатных юридических консультаций, особенно для социально незащищённых категорий населения, которые чаще всего сталкиваются с жилищными спорами.

В-третьих, необходимо повышать уровень профессиональной подготовки судей, специализирующихся на жилищных делах, а также создавать специализированные жилищные суды или коллегии, что обеспечит более качественное рассмотрение дел.

В заключение следует отметить, что цифровизация судебного процесса остается приоритетным направлением правовой реформы. В рамках этой стратегии разрабатываются системы электронного правосудия и дистанционные формы участия в судебных заседаниях. Эти меры направлены на повышение эффективности и скорости разрешения споров, а также обеспечение прозрачности

и доступности судебных разбирательств. Внедрение современных информационных технологий в судебную практику способствует оптимизации работы судебной системы, повышению качества правосудия и укреплению доверия граждан к институтам правосудия.

Заключение

Проблемы судебной защиты жилищных прав граждан в России носят системный характер и требуют комплексного подхода к их решению. Эффективная защита жилищных прав возможна только при взаимодействии всех элементов правовой системы: совершенствовании законодательства, повышении уровня правовой культуры граждан и обеспечении независимости судебной власти.

Современная судебная практика демонстрирует тенденцию [4; 5] к унификации правоприменительных стандартов, однако для дальнейшего совершенствования правовых гарантий в жилищной сфере необходимо принятие дополнительных мер. Решение этих задач позволит повысить уровень защиты прав граждан и укрепить общественное доверие к судебной системе.

В условиях глобализации и трансформации правового пространства возникает необходимость в разработке унифицированных подходов к правоприменению в жилищной сфере, что предполагает детальное исследование и анализ существующих правовых норм и практик.

Судебная практика в данной области должна быть направлена на обеспечение справедливого и эффективного разрешения жилищных споров, что требует применения комплексного подхода, включающего как теоретические, так и практические аспекты.

Важным аспектом является необходимость обеспечения прозрачности и предсказуемости судебных решений, что способствует укреплению правового государства и повышению уровня правовой культуры в обществе.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изм. и доп.).
2. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ (в ред. от 2024 г.).
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 2024 г.).
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 2 июля 2009 г. № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации».

Особенности проведения тестирования иностранных граждан в Российской Федерации и Республике Беларусь в целях получения разрешения на работу

Лапекина Юлия Юрьевна, кандидат педагогических наук, доцент
Удмуртский государственный университет (г. Ижевск)

Настоящая статья представляет сравнительноправовой и организационный анализ процедуры оценки знаний иностранных граждан в целях получения разрешения на трудовую деятельность в Российской Федерации (далее — РФ) и в

Республике Беларусь (далее — РБ). Рассмотрены правовые основания, структура и формат экзамена, организационные аспекты проведения экзамена, а также ключевые различия между странами.

Ключевые слова: иностранные граждане, тестирование, разрешение на работу, патент, РФ, Республика Беларусь, знание языка, миграция.

Testing foreign citizens in the Russian Federation and the Republic of Belarus to obtain a work permit

Lapekina Yuliya Yuryevna, candidate of pedagogical sciences, associate professor
Udmurt State University (Izhevsk)

This article compares the legal and organizational aspects of assessing foreign citizens' knowledge for work permits in the Russian Federation and Belarus, examining the exam's structure, format, and organizational aspects, and highlighting key differences.

Keywords: foreign citizens, testing, work permit, patent, Russian Federation, Republic of Belarus, language proficiency, migration.

В Российской Федерации и в Республике Беларусь в последние годы продолжает сохраняться тенденция роста притока трудовых мигрантов, обе страны остро нуждаются в трудовых ресурсах. Вопрос правового регулирования миграционных процессов в 2023–2025 гг. заметно обострился, а поводом для этого стали различные резонансные события и противоправные деяния, совершенные мигрантами на территории Российской Федерации.

Актуальность исследования определяется растущей ролью формальной оценки знания государственного языка, базовых исторических сведений и правовых норм у иностранных граждан, претендующих на получение разрешения на работу или патента. Законодательство обоих государств закрепляют требования к минимальному уровню знаний, необходимых для сдачи экзамена по государственному языку и усиливают контроль за соответствием иностранных работников минимальным стандартам интеграции. Цель статьи — систематизировать нормативную базу и практику проведения тестирования, выявить общие закономерности и различия, а также предложить практические рекомендации для заинтересованных субъектов.

Исследование выполнено в формате сравнительно-правового и практикоаналитического обзора. Методологическая основа — доктринальный анализ положений профильных законов и постановлений, сопоставление регламентации в РФ и РБ, а также обобщение практических рекомендаций, вытекающих из действующих процедур. В качестве исходных материалов использованы тексты законодательных и подзаконных актов, официальные разъяснения и публикации профильных центров тестирования.

Юридическую основу составляет Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» № 115ФЗ (ст. 15.1), который устанавливает обязанность подтверждения владения русским языком, знания истории и основ законодательства при получении ряда миграционных статусов. Экзамены организуют государственные учреждения (центры тестиро-

вания) в субъектах РФ. Перечень из 92 государственных учреждений утвержден Распоряжением Правительства РФ от 10 декабря 2024 г. № 3641-р. (места и адреса проведения экзамена). Порядок проведения экзамена и требования к минимальному уровню знаний утверждены Постановлениями Правительства РФ: № 824 (Положение о проведении экзамена), № 840 (требования к минимальному уровню знаний) от 31.05.2021 и последующими изменениями, № 784 (Положения о порядке и сроках хранения материалов) от 24 мая 2021 г.

В нормативных документах закреплён комплексный характер экзамена, включающего модули: русский язык как иностранный (компетенции чтения, аудирования, говорения и письма в зависимости от целевой категории), историю России и основы законодательства. Для отдельных целей (например, получение патента или разрешения на работу) установлены минимальные требования и сокращённые временные рамки проведения экзамена (до 80 минут). Процедуры оценивания стандартизированы: используются контрольные измерительные материалы из централизованного банка заданий; применяются пороговые значения для определения результата по каждому модулю. Государственные учреждения обеспечивают приём заявлений на сдачу и оплату экзамена, идентификацию участников и их материальнотехническое сопровождение (включая меры контроля: видеозапись, проверка документов, запрет на использование справочных материалов и техники).

По официальным данным Минобрнауки и сообщениям СМИ, значительная доля претендентов не сдают экзамен с первой попытки (в средних оценках — порядка 30 % неудач с первой попытки), что подчёркивает необходимость подготовительных программ и анализ причин неуспеха (лингвистические, образовательные, социальноэкономические). Государство проводит мониторинг и корректирует содержание экзамена, методики оценивания и порядок проведения экзамена.

В ст. 15.1 Федерального закона № 115ФЗ предусмотрены отдельные категории иностранных граждан,

освобождаемые от сдачи экзамена (высококвалифицированные специалисты; определённые профессиональные категории; имеющие основания по возрасту или по состоянию здоровья; не достигшие возраста 18 лет; достигшие возраста 60 лет для женщин и 65 лет для мужчин; являющиеся гражданами Союзного государства). От экзамена также освобождаются иностранные граждане, приезжающие в РФ на работу по правительственной квоте — (№ 329-ФЗ от 31 июля 2025 г.) Перечень исключений и порядок их подтверждения детализируются в подзаконной регламентации и ведомственных разъяснениях.

Стоимость экзамена для каждой цели устанавливается в пределах, определённых правительством: для цели получения разрешения на работу либо патента — 3800 рублей, для цели получения разрешения на временное проживание или вида на жительство — 5900 рублей; (Постановление Правительства № 831 от 31 мая 2021 г.)

Срок действия выданных сертификатов различается в зависимости от цели (3 года — для патента/разрешения на работу и разрешения на временное проживание (РВП), бессрочно — для вид на жительство (ВНЖ). (Постановление Правительства РФ от 08.04.2021 № 559.

В РБ процедура привлечения иностранных работников исторически фокусировалась на разрешительных механизмах по инициативе работодателя (ходатайство, специальное разрешение). Тестирование языковой компетенции до недавнего времени играло менее формализованную роль по сравнению с РФ.

В сентябре 2025 г. Постановлением Совета Министров (№ 477 от 3.09.2025) утверждён порядок оценки знания одного из государственных языков (рус./белор.), который устанавливает перечень профессий рабочих (должностей служащих), по которым знание одного из государственных языков Республики Беларусь является обязательным. Также в Постановлении определены требования к членам комиссии проведения тестирования, требования к допуску иностранных граждан до экзамена, порядок проведения тестирования и оценки результатов. Хранение информации, полученной посредством использования средств аудио и видеofиксации, осуществляется в течение одного года со дня проведения оценки знаний. Установлены формат тестирования (письменный тест), длительность (30 минут), порог успешности (50 % правильных ответов и более). Это свидетельствует о смещении акцентов в сторону формализации языковой компетенции как условия допуска.

В Постановлении № 161 от 5 сентября 2025 «О пунктах оценки знаний государственного языка» Министерство образования РБ определило 6 университетов (по одному на область), в которых трудящиеся-иммигранты должны сдавать тест на знание государственных языков.

Работодатели сохраняют важную роль в процедуре оформления разрешений и предоставлении необходимой документации. Постановление закрепляет роль работодателя в процессе оформления и взаимодействия с упол-

номоченными органами. Тем самым Республика Беларусь приближается к более институционализированной модели тестирования.

Обязательное тестирование иностранных граждан при оформлении разрешений на работу в РФ и РБ является инструментом государственной политики в области миграции и языковой интеграции. Российская модель — комплексная и институционально централизованная; белорусская — в 2025 г. движется в сторону формализации языковой оценки. Для научного сообщества и практики приоритетом должна стать оценка эффективности, соразмерности и социальных последствий этих мер.

Рассмотрим более подробно особенности проведения тестирования иностранных граждан в Российской Федерации и Республике Беларусь в целях получения разрешения на работу (таблица 1)

Сопоставительный анализ нормативноорганизационных характеристик процедур оценки в РФ и в РБ выявляет принципиальные различия в целеполагании, структуре измерения и институциональных механизмах реализации, которые формируют разные риски и последствия для доступа иностранцев к рынку труда и их интеграции.

РФ выбрала модель единого федерального комплексного экзамена, включающего язык, историю и право, с дифференциацией требований в зависимости от цели миграции. Такая конструкция делает упор на многоаспектную оценку компетенций, выходящую за рамки чисто языковой компетенции и учитывающую элементы правовой и культурноисторической грамотности. С позиций валидности содержания это оправданно, если цель — не только допустить к труду, но и защитить права мигрантов, снизить риск правовой безграмотности и способствовать интеграции в социальноправовую среду. Однако комплексная модель повышает временные и ресурсные затраты (80 минут, большее число модулей) — барьер для быстрого трудоустройства.

В РБ наблюдается переход от работодательноориентированной разрешительной модели к формализованной языковой оценке для ряда профессий (постановление № 477/2025). Сжатый формат позволяет произвести быструю оценку языковой компетенции и предоставить оперативный допуск к труду. С точки зрения практической целесообразности для работодателей и экономики это обеспечивает гибкость и экономию времени, но сужает валидность: языковая проверка в короткой форме может не фиксировать знание профессиональноправовых норм или историкокультурного контекста, важного для безопасного и законного функционирования в ряде сфер.

Ключевой фактор надёжности и воспроизводимости результатов — квалификация членов экзаменационных комиссий. В РФ установлены профильные требования (филология/лингвистика, история, юриспруденция, теология; постановление № 824/2021), что повышает ве-

Таблица 1. Критерии проведения тестирования иностранных граждан в РФ и РБ

Критерий	РФ	РБ
Модель и содержание оценки	Единый федеральный комплексный экзамен: язык, история, право с дифференциацией требований в зависимости от цели миграции	Переход от работодательноориентированной разрешительной модели к формализованной языковой оценке для ряда профессий (постановление № 477/2025)
Требования к тесторам (членам комиссии)	Наличие высшего образования по направлениям подготовки «Филология» или «Лингвистика», «История», «Юриспруденция» и (или) наличие дополнительного профессионального образования по программам повышения квалификации в области методики преподавания русского языка как иностранного и (или) тестологии. (постановление № 824/2021)	Педагогический работник, должностное лицо отдела по гражданству и миграции территориального органа внутренних дел, должностное лицо управления по труду, занятости и социальной защите городского, районного исполнительного комитета (постановление № 477/2025)
Кандидаты по тер. признаку	Все, кроме граждан Союзного государства	Все граждане, кроме государств-членов ЕАЭС
Наличие документов у кандидатов	документ, удостоверяющий личность, нотариально-заверенный перевод паспорта миграционная карта (при наличии) заявление-анкета, договор на оказание услуг чек на оплату.	документ, удостоверяющий личность, медицинская справка о состоянии здоровья, договор на оказание услуг, чек на оплату.
Формат проверки (цель: получение патента или разрешения на работу)	письменные задания; оценивание дифференцировано. 22 вопроса (1 открытого типа) 11 – язык (4 аудирование) 5 — история России 6 — право	письменные задания, 20 вопросов (3 открытого типа) быстрая оценка языковой компетенции в целях допуска к труду.
Глубина проверки	6/11 (аудирование 2/4) 2/5 3/6 Минимум по каждому модулю	50 % и более правильных ответов
Длительность тестирования	80 минут	30 минут
Сроки проведения тестирования (патент)	По расписанию центра (рекомендуемая глубина записи не более 3-х дней)	2 раза в месяц (15 и 30 число месяца)
Доступность банка заданий	открытый доступ на сайте ФГБНУ «ФИПИ»	Нет доступа к банку заданий
Повторная сдача	неограниченное количество по срокам пребывания на территории РФ	неограниченное количество раз, но трудовой договор не заключается по 11 профессиям, в случае не сдачи теста.
Апелляция	Взаимодействие с конфликтной комиссией	Нет данных
Хранение материалов	3 года	1 год
Роли организаторов и плательщиков	центры тестирования выступают ключевыми операторами; плательщик — кандидат.	Работодатели активнее вовлечены в процедуру оформления и взаимодействия с центрами тестирования и гос.органами.

ростом стандартизированного и методологически обоснованного оценивания. Это создаёт предпосылки для высокой внутренней согласованности оценок и возможности проведения экспертизы тестов.

В РБ состав тесторов более практичен: педагогические работники и должностные лица миграционных и трудовых органов. Такая модель усиливает администра-

тивную интеграцию процедуры в существующие институты, экономит время при обращении в соответствующие органы за предоставлением разрешения на работу. Однако может повышать риск вариативности оценок. Без программы подготовки и контроля качества для экзаменаторов подобная институционализация может уменьшать надёжность и валидность итоговых решений.

В РФ банк заданий открыт на платформе ФИПИ, что обеспечивает прозрачность и возможность подготовки кандидатов, но одновременно создаёт риск «репетиционной» подготовки по шаблонам, создает эффект заучивания, не позволяет оценить «реальное» знание кандидатов. В РБ закрытый банк заданий снижает предсказуемость и вероятность подготовки по шаблону, но уменьшает прозрачность, что ограничивает возможности независимого исследования заданий. Оптимальной практикой стало бы — публикация демоверсий и критериев оценивания при закрытии доступа к банку.

Различия в наборе требуемых документов (в РБ — обязательная медицинская справка) и в статусе плательщика/вовлечённости работодателя влияют на равный доступ к процедурам. В РБ работодатели более активно вовлечены в процесс оформления; это ускоряет трудоустройство, но повышает риск давления и конфликта интересов (например, побуждение к «лояльному» прохождению тестирования). В РФ кандидат приходит без медицинской справки о состоянии здоровья, что может вызвать опасность для здоровья работников центров тестирования, в случае наличия у кандидатов инфекционных заболеваний, наркомании и ВИЧ-инфекции.

Модель РФ ориентирована на более глубокую предварительную фильтрацию и потенциально способствует долгосрочной интеграции и защите прав работников. Модель РБ ориентирована на оперативность и уменьшение административных барьеров работодателей, что может быстро компенсировать потребности рынка, но при этом

повышать риск найма лиц с недостаточными знаниями государственного языка для безопасного и эффективного выполнения работ.

Обе модели несут компромиссы: либо глубина и стандартизация (РФ) с соответствующими финансовыми, временными и трудовыми затратами государственных органов, государственных учреждений, центров тестирования, работодателей и будущих работников; либо оперативность и вовлечённость работодателей (РБ) с рисками по качеству языкового оценивания. Оба подхода требуют механизма мониторинга и коррекции на основании эмпирических данных (психометрический анализ тестов, статистика успешности, исследования трудовой эффективности).

На уровне политики и практики оптимальным видится гибридный подход: сохранять высокие профессиональные стандарты подготовки экзаменаторов и методологической разработки заданий (как в РФ), одновременно внедряя оперативные, но валидные инструменты быстрой языковой оценки для срочных нужд рынка (как в РБ). Необходимы: обязательные краткосрочные курсы по тестологии для всех экзаменаторов; публикация демоверсий и чётких критериев оценивания; регулярный психометрический мониторинг; формализованные процедуры апелляции и адекватные сроки хранения материалов. Только сочетание профессионализма, прозрачности и оперативности позволит минимизировать риски и обеспечить справедливый доступ к труду при защите прав и безопасности общества.

Литература:

1. Федеральный закон Российской Федерации № 115ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» от 25.07.2002 N 115-ФЗ // URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 09.10.2025).
2. Постановление Правительства РФ № 784 «Об утверждении Положения о порядке и сроках хранения материалов проведения экзамена по русскому языку как иностранному, истории России и основам законодательства Российской Федерации, экзамена по русскому языку для целей приобретения гражданства Российской Федерации и экзамена по истории России и основам законодательства Российской Федерации для целей приобретения гражданства Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) от 24 мая 2021 г. // URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 09.10.2025).
3. Постановление Правительства РФ № 824 «О порядке проведения экзамена по русскому языку, истории России и основам законодательства для иностранных граждан» от 31.05.2021 // URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 09.10.2025).
4. Постановление Правительства РФ № 840 «Об утверждении требований к минимальному уровню знаний» от 31.05.2021 // URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 19.10.2025).
5. Распоряжение Правительства РФ № 3641-р. «Перечень государственных учреждений, проводящих экзамен по русскому языку как иностранному, истории России и основам законодательства Российской Федерации» от 10 декабря 2024 г. // URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 09.10.2025).
6. Постановление Совета Министров Республики Беларусь № 477 «Положение об оценке знания одного из государственных языков Республики Беларусь трудящимися иммигрантами» от 3 сентября 2025 г. // URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 19.10.2025).
7. Практика организации и проведения экзамена по русскому языку как иностранному, истории России и основам законодательства РФ: методическое пособие / Науч. ред. Л. А. Вербицкая; сост. А. В. Должикова, Л. П. Клобукова, А. А. Парфёнов и др. — СПб.: РОПРЯЛ, 2017.
8. Спецификация КИМ для проведения экзамена по русскому языку как иностранному, истории России и основам законодательства РФ: ФГБНУ «ФИПИ» — М., 2025

К вопросу о различии заключений, составляемых экспертом и специалистом

Лапшина Оксана Львовна, студент магистратуры

Научный руководитель: Кафиатулина Алла Владимировна, кандидат юридических наук, доцент
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ивановский филиал

В статье анализируется правовая природа заключений, составляемых экспертом и специалистом в уголовном судопроизводстве. Особое внимание уделено различию их процессуального статуса, установленным Уголовно-процессуальным кодексом РФ. Подчеркивается, что экспертное заключение является самостоятельным видом доказательства, формируемым в рамках назначенной следователем или судом экспертизы и обладающим повышенной доказательственной силой, тогда как заключение специалиста носит вспомогательный характер, выражает профессиональное мнение и не может подменять результаты экспертизы. На основе судебной практики делается вывод о необходимости строгого разграничения указанных институтов для обеспечения принципов состязательности и допустимости доказательств.

Ключевые слова: эксперт, специалист, уголовное судопроизводство, судебная экспертиза, заключение, доказательство, процессуальная роль, специальные знания, судебная практика, правовая природа.

Участие эксперта и специалиста в уголовном процессе Российской Федерации представляет собой важный элемент системы доказывания, направленный на использование специальных познаний в различных областях науки, техники, искусства. Несмотря на то, что положения статей 57 и 58 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) четко определяют правовой статус каждого из этих участников, в научной и правоприменительной практике продолжают возникать вопросы о правовой природе, функциях и границах их процессуальной роли. Научный интерес к данной проблематике обусловлен, в том числе, неоднозначной судебной практикой, связанной с допустимостью заключения специалиста в качестве доказательства, равно как и с оценкой заключений экспертов. Настоящая статья базируется на работах ряда отечественных исследователей (в частности, Е. С. Соколовой [6] и др.).

Правовой статус эксперта определяется ст. 57 УПК РФ, согласно которой эксперт — это лицо, обладающее специальными знаниями и привлекаемое органом дознания, следователем, прокурором или судом для проведения судебной экспертизы и составления заключения. Эксперт обладает широким перечнем прав, включая право на ознакомление с материалами дела, необходимыми для дачи заключения, на участие в процессуальных действиях, на уточнение вопросов, относящихся к предмету судебной экспертизы, право на отказ от дачи заключения в случае недостаточности исходных данных и др.

В свою очередь, правовой статус специалиста, регламентирован ст. 58 УПК РФ и определяется, как лицо, обладающее специальными знаниями, привлекаемое «для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела, для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию» [8]. Его участие предусмотрено, в частности, в рамках ст. 168 и 270 УПК РФ.

Как отмечает В. Л. Шульц, «механизм реализации специальных познаний специалистом в уголовном судопроизводстве существенно отличается от механизма их реализации экспертом, что обусловлено разным подходом законодателя к результатам их деятельности» [9, с. 152]. В связи с этим возникает закономерный вопрос, тождественны ли выводы эксперта, которые сформулированы в заключении эксперта и выводы, представленные специалистом в заключении специалиста?

Для ответа на поставленный вопрос необходимо заметить, что эксперт осуществляет исследовательскую деятельность — проводит экспертизу на основании процессуального решения (постановления или определения). Его заключение, оформленное в письменной форме и выполненное по установленной форме, представляет собой самостоятельный вид доказательства, в силу ст. 74 УПК РФ. Согласно ст. 205 УПК РФ, допрос эксперта возможен лишь после представления им заключения. А также в случае если эксперту при производстве экспертизы стали известны сведения, которые не относятся к предмету судебного разбирательства, то он допрошен быть не может.

Специалист же не проводит исследования, а оказывает помощь следователю и суду в технической и информационной форме. Тем не менее, заключение специалиста также является самостоятельным видом доказательства, согласно ст. 74 УПК РФ. Это положение порождает на практике вопросы о допустимости заключения специалиста в качестве доказательства, особенно при ее значимом влиянии на выводы следствия.

Основное, на наш взгляд, различие между заключением специалиста и заключением эксперта сводится к тому, что последнее подготавливается по вопросам, установленным судом. Причем эксперт предупреждается о возможных последствиях в виде наступления уголовной ответственности. В свою очередь, к специалисту за заключением может обратиться любое заинтересованное лицо. Специалист на основании соглашения, заключенного с экспертным учреждением отвечает на те вопросы, которые заинтересованное лицо определило. Более того, специа-

лист за дачу заведомо ложного заключения уголовной ответственности не несет [7].

Изучая судебную практику по данному вопросу, в большинстве случаев, заключение эксперта становится основным, а иногда и решающим доказательством для стороны обвинения. В подобных случаях, сторона защиты, выражая сомнения в состоятельности заключения эксперта, привлекает специалиста для подготовки альтернативного заключения. Однако данная тактика является логичной, но не совсем верной, об этом нам говорит Верховный Суд РФ. Так, «Приговором Басманного районного суда г. Москвы от 16.09.2021 г. С., ранее не судимый, осужден по п. «б» ч. 2 ст. 264 УК РФ. Кассационным постановлением Второго кассационного суда от 08.11.2022 г. приговор изменен: отменено взыскание процессуальных издержек в размере 140 000 руб., дело в этой части направлено на новое рассмотрение» [3].

В кассационной жалобе адвокат Н. ссылаясь на нарушение принципа состязательности сторон, выражавшееся в отказе суда в проведении комплексной медико-автотехнической экспертизы. Верховный Суд РФ в определении от 14.03.2023 г. указал, что ходатайства сторон были рассмотрены в соответствии с законом, нарушений принципа равенства сторон и предвзятости суда не установлено. Оснований для назначения комплексной экспертизы не имелось.

Заключения специалистов Т. и К., фактически направленные на переоценку судебно-медицинской экспертизы, не обладают доказательственным значением, поскольку специалист по УПК РФ не вправе заменять эксперта. Суд первой инстанции обоснованно отверг данные заключения, дав оценку как письменным материалам, так и устным показаниям специалиста.

Таким образом, отказ в проведении комплексной экспертизы признан законным, а обстоятельства дела, предусмотренные ст. 73 УПК РФ, установлены судом в полном объеме.

Суд правомерно отказал в приобщении заключения специалиста, представленного защитой, поскольку оно сводилось лишь к оценке заключений ранее проведенных

экспертиз, что противоречит положениям УПК РФ. При этом защита не была лишена возможности использовать суждения специалиста для обоснования своих доводов и ходатайств о назначении дополнительной экспертизы.

Также, отвечая на вопрос о тождественности, следует обратиться к мнениям специалистов в области уголовного процесса. Так, С. Б. Россинский, Н. С. Расулова, предлагают разграничивать по назначению и предмету: «заключение эксперта — основное средство доказывания, опирающееся на исследование следов и дающее ответ по существу уголовно-правового спора; заключение специалиста — вспомогательный ресурс для решения текущих процессуальных вопросов» [5, с. 15].

Или Ю. Ф. Байков, критикует «возведение» заключения специалиста в доказательства без должной процессуальной формы (порядка получения, требований к содержанию, ответственности), из чего выводит, что «теоретически оно не может считаться доказательством; следовательно, выводы специалиста не равны экспертным выводам ни по достоверности, ни по относимости» [1, с. 14].

Р. С. Белкин подчеркивал, что «доказательственное значение заключения эксперта обусловлено истинностью, непротиворечивостью и проверяемостью всех действий и выводов эксперта» [2, с. 179]. Этим самым акцентируется особый стандарт и гарантийность именно экспертного вывода, которых нет у «суждения» специалиста.

Также Конституционный Суд РФ указывал, что заключение специалиста — это «письменное суждение по вопросам сторон; оно исследуется и оценивается судом, но не подменяет заключение эксперта» [4].

Таким образом, мнения ученых в области уголовного процесса и судебная практика сходятся в том, что тождественности между заключением эксперта и специалиста нет. Экспертное заключение — это продукт процессуально регламентированного исследования с особыми гарантиями (в т. ч. ответственностью эксперта по ст. 307 УК РФ), тогда как заключение специалиста — это консультативное (хотя и полезное) суждение, чья доказательственная «весомость» ограничена и дискуссионна.

Литература:

1. Байков, Ю. Ф. Заключение и показания специалиста как источник доказательств в российском уголовном процессе / Ю. Ф. Байков // Вестник Московского университета МВД России. — 2011. — № 10. — С. 13–20.
2. Белкин, А. Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве: учебник для вузов / А. Р. Белкин. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 471 с.
3. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2025) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.06.2025) // Документ опубликован не был.
4. Определение Конституционного Суда РФ от 23.11.2017 № 2725-О // Документ опубликован не был.
5. Россинский, С. Б., Расулова, Н. С. Заключение эксперта и заключение специалиста как средства доказывания в уголовном судопроизводстве: каковы критерии их разграничения? / С. Б. Россинский, Н. С. Расулова // Вестник Уральского юридического института МВД России. — 2022. — № 2. — С. 15–20.
6. Соколова, Е. С. Статус эксперта в уголовном процессе: отличия процессуальных статусов эксперта и специалиста / Е. С. Соколова // Вопросы российской юстиции. — 2021. — № 6. — С. 64–70.
7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954; 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.

8. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Собрание законодательства РФ. 24.12.2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921; 04.08.2025. № 31. Ст. 4636.
9. Шульц, В. Л. Особенности процессуального статуса эксперта и специалиста в уголовном судопроизводстве / В. Л. Шульц // КриминалистЪ. — 2024. — № 2 (47). — С. 151–156.

Различия правового статуса эксперта и специалиста в уголовном процессе

Лапшина Оксана Львовна, студент магистратуры

Научный руководитель: Кафиатулина Алла Владимировна, кандидат юридических наук, доцент
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ивановский филиал

В статье рассматриваются проблемные вопросы процессуального статуса эксперта и специалиста, как участников уголовного судопроизводства. Уделяется особое внимание правовому положению эксперта и специалиста, которые применяют специальные познания в уголовном судопроизводстве. Определены различия в форме применения специальных познаний экспертом и специалистом, а также в определениях понятий «заключение эксперта» и «заключение специалиста».

Ключевые слова: эксперт, специалист, экспертиза, заключение, специальные познания, правовое положение, процессуальные обязанности, уголовный процесс.

На современном этапе развития государства происходят количественные и качественные изменения преступности, криминализация различных сфер общества, что в свою очередь повышает значимость специальных знаний при раскрытии и расследовании преступлений.

Уголовный процесс представляет собой сложную систему, в которой важную роль играют участники, обладающие специальными знаниями. Среди них особое место занимают эксперты и специалисты, чья деятельность направлена на установление истины по делу. Правовой статус эксперта и специалиста в уголовном процессе регулируется нормами уголовно-процессуального законодательства и имеет свои особенности, которые необходимо учитывать для определения их роли и функций.

Привлечение сведущих лиц в процесс производства по уголовному делу в первую очередь связано с тем, что данные лица освоили достижения науки и техники. В свою очередь это влечет за собой возможность целенаправленно и профессионально использовать специальные знания для установления обстоятельств, имеющих существенное значение для правильного разрешения уголовного дела, что способствует получению допустимых, достоверных и достаточных доказательств.

В соответствии со статьей 57 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ), экспертом является «лицо, обладающее специальными знаниями» и назначенное в установленном порядке «для производства судебной экспертизы и дачи заключения». А в соответствии со статьей 58 УПК РФ, «специалист — это лицо, обладающее специальными знаниями, привлекаемое к участию в процессуальных действиях» в установленном порядке «для содействия в обнаружении,

закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела, для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию». Без сомнения, общим для этих понятий является то, что они говорят о «специальных знаниях» у соответствующих лиц.

Понятие «специальные знания», которые закон относит к эксперту, и к специалисту в уголовном процессе, может быть определено как совокупность узкопрофильных профессиональных знаний и умений в области науки, техники, искусства или ремесла, которые используются в рамках расследования и разрешения уголовного дела.

Формы применения специальных познаний, как у эксперта так у специалиста, имеют существенные отличия. «Специалист, применяя их, оказывает помощь следователю в производстве следственных и процессуальных действий, причем такое взаимодействие осуществляется как в процессуальной форме, когда специалист, например, включается в состав следственно-оперативной группы, так и в не процессуальной, когда им ведется консультативная работа, что не находит отражения в протоколе следственного действия» [3, с. 106]. Как полагает А. А. Демидов, «основная цель участия специалиста в уголовном процессе заключается в том, чтобы обеспечить более глубокое понимание сложных аспектов дела, которые выходят за рамки компетенции обычных участников судопроизводства» [1, с. 264].

Эксперт осуществляет свою деятельность в единственно доступной ему форме — путем производства экспертизы. Л.Ю. Канокова отмечает, что «понятие «экспертиза» произошло от латинского expertus, которое

употребляется в значении «знающий по опыту», «испытанный», то есть экспертное исследование в этимологическом значении должно включать в себя опытные действия и производиться сведущим лицом» [3, с. 106]. «Как верно отмечает А. С. Князьков, исследование эксперта предполагает получение сведений, которые не были известны участникам уголовного судопроизводства, в том числе следователю, и которые невозможно получить иными способами» [4, с. 153].

Таким образом, эксперт проводит экспертизу и дает мотивированное заключение по поставленным перед ним вопросам, где его выводы являются доказательством по делу.

Несмотря на очевидное сходство в их основной функции — предоставление специальных знаний суду, их процессуальные статусы существенно различаются, что обуславливает специфику их участия в уголовном процессе и влияние их заключений на вынесение судебного решения.

Статус эксперта определяется его независимостью и беспристрастностью. Эксперт проводит исследование предоставленных материалов и выдает мотивированное заключение, которое является самостоятельным доказательством в уголовном деле. Правовое положение субъекта формирует также совокупность предоставленных ему прав, обязанностей и мер ответственности, которые заключаются в: затребование необходимых материалов, заявление отводов, отказе от проведения экспертизы.

Обязанности эксперта включают в себя своевременное проведение экспертизы, формирование объективного и обоснованного заключения, а также обеспечение конфиденциальности сведений, ставших ему известными в процессе выполнения своих функций. Необходимо отметить, что за заведомо ложное заключение эксперт может быть привлечен к уголовной ответственности.

Далее поговорим о специалисте, в отличие от эксперта, специалист не проводит самостоятельное исследование, а оказывает помощь следователю, дознавателю или суду в понимании специальных вопросов, возникающих в ходе расследования или судебного разбирательства. Кроме того, его заключение не является самостоятельным доказательством, а лишь способствует правильной оценке других доказательств.

Права специалиста заключаются в ознакомлении с материалами дела, право на участие в следственных действиях и судебных заседаниях в рамках предоставленной ему помощи.

Что касается обязанностей, то это предоставление консультаций и разъяснений по вопросам, находящимся в пределах его компетенции, участие в следственных действиях и судебных заседаниях, соблюдение требований закона и этических норм. «Использование специальных знаний при участии специалиста в следственных действиях позволяет выявить и зафиксировать следы преступной деятельности» [2, с. 135].

Ответственность за достоверность предоставленной информации или разглашение данных предварительного расследования, ставшие ему известными в связи с участием в производстве по уголовному делу, если он был об этом заранее предупрежден, но не за результаты расследования или судебного разбирательства.

В отличие от эксперта, специалист не проводит самостоятельных исследований. Его роль заключается в оказании помощи следователю, дознавателю или суду в понимании специальных вопросов.

Важно отметить основные различия между экспертом и специалистом:

1) характер деятельности. Эксперт проводит самостоятельное исследование и дает заключение, а специалист в свою очередь оказывает содействие в проведении следственных действий и разъясняет вопросы, требующие специальных знаний.

2) правовые последствия. Заключение эксперта является самостоятельным доказательством по делу, а пояснения специалиста не являются доказательством, но могут помочь при оценке других доказательств.

3) ответственность. Эксперт несет уголовную ответственность за дачу ложного заключения, а специалист не несет уголовной ответственности за свои пояснения, но может быть привлечен к ответственности за разглашение данных следствия.

Подводя итоги, отметим, что правовой статус эксперта и специалиста в уголовном процессе имеет важное значение для обеспечения объективности и всесторонности расследования. Эксперт и специалист, обладая специальными знаниями, способствуют установлению истины по делу. Однако их функции и ответственность различаются, что необходимо учитывать при их привлечении к участию в уголовном процессе. Соблюдение норм уголовно-процессуального законодательства в отношении экспертов и специалистов способствует повышению качества расследования и защиты прав участников процесса.

Литература:

1. Демидов, А. А. Статус специалиста в уголовном процессе и его значение в деятельности / А. А. Демидов // Вестник науки. — 2023. — № 11 (68). — С. 263–267.
2. Загорьян, С. Г. К вопросу о роли эксперта в российском уголовно-процессуальном законодательстве / С. Г. Загорьян, О. А. Котельникова // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2022. — № 3(102). — С. 131–144.
3. Канокова, Л. Ю. Правовое положение эксперта и специалиста в уголовном судопроизводстве / Л. Ю. Канокова // Теория и практика общественного развития. — 2015. — № 10. — С. 105–107.
4. Шульц, В. Л. Особенности процессуального статуса эксперта и специалиста в уголовном судопроизводстве / В. Л. Шульц // КриминалистЪ. — 2024. — № 2 (47). — С. 151–156.

Медиация в сфере обращения с твердыми коммунальными отходами: недостающее звено для разрыва порочного круга судебных разбирательств

Логинова Александра Андреевна, студент
Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина

В статье обосновывается тезис о том, что медиация является не просто альтернативным, а жизненно необходимым инструментом урегулирования споров в сфере обращения с твердыми коммунальными отходами (ТКО). Анализируется специфика правоотношений в данной области, делающая традиционный судебный процесс зачастую неудовлетворительным для сторон. Рассматриваются ключевые преимущества медиации, включая преодоление монопольного дисбаланса, решение комплексных технических вопросов и сохранение долгосрочных деловых связей. Формулируются предложения по внедрению медиативной практики на законодательном и договорном уровнях.

Ключевые слова: медиация, обращение с ТКО, региональный оператор, судебные споры, альтернативное разрешение споров, ФЗ-89 «Об отходах», коммунальные услуги.

Mediation in solid waste management: the missing link to break the vicious circle of litigation

Loginova Aleksandra Andreevna, student
Syktyvkar State University named after Pitirim Sorokin

The article substantiates the thesis that mediation is not just an alternative, but a vital tool for dispute resolution in the field of municipal solid waste management (MSW). The article analyzes the specifics of legal relations in this area, which makes the traditional judicial process often unsatisfactory for the parties. The key advantages of mediation are considered, including overcoming monopoly imbalances, solving complex technical issues and maintaining long-term business relationships. Proposals are being formulated for the implementation of mediation practice at the legislative and contractual levels.

Сфера обращения с твердыми коммунальными отходами в России, прошедшая болезненный этап реформирования, сегодня характеризуется высокой конфликтностью. Споры между потребителями (управляющими компаниями, ТСЖ, юридическими лицами) и региональными операторами, обладающими монопольным статусом на территории, буквально переполнили суды. Однако традиционный судебный процесс зачастую не только не разрешает конфликт по существу, но и усугубляет его, загоняя стороны в тупик формальных процедур. В этих условиях медиация выступает не просто как альтернатива, а как недостающее звено, способное разорвать круг бесконечных судебных разбирательств.

Эффективность медиации прямо вытекает из уникальных характеристик правоотношений в сфере обращения с отходами:

1. Публично-частный характер и монополия. Региональный оператор действует в рамках публично-правового мандата, но отношения с потребителями строятся на договорной, частноправовой основе. Это создает изначальный дисбаланс, где потребитель вынужденно взаимодействует с монополистом.
2. Длительность и системность отношений. Стороны связаны на долгие годы, что делает неприемлемым стратегию «выиграть суд и прекратить общение».
3. Высокая техническая сложность. Споры часто касаются не столько права, сколько техники: расчет норма-

тивов, обоснованность тарифов, классификация отходов, графики и качество вывоза.

Именно эта специфика делает судебный процесс часто неудовлетворительным, а медиацию — целесообразным и адекватным инструментом.

Ключевые преимущества медиации в разрешении споров об отходах:

1. Преодоление «монопольного» дисбаланса и создание безопасной среды.

В суде отношения формализуются до статуса «истец-ответчик», что усиливает конфронтацию. Потребитель чувствует себя слабой стороной перед системой. Медиатор, будучи нейтральным и беспристрастным, создает безопасное пространство для диалога, где стороны общаются на равных. Фокус смещается с поиска виноватого («кто прав?») на совместный поиск выхода («как решить проблему?»). Это позволяет потребителю быть услышанным, а регионального оператора — продемонстрировать гибкость и сохранить деловую репутацию.

2. Решение комплексных и «технических» вопросов без длительных экспертиз.

Судья не является экспертом в области обращения с отходами. Столкнувшись с вопросом о корректности расчета норматива или классификации отхода, суд вынужден назначать дорогостоящую и длительную судебную экспертизу. В рамках медиации стороны могут напрямую привлечь своих технических специалистов и в ходе со-

вместного обсуждения выработать технически грамотное и взаимоприемлемое решение, экономя время и деньги.

3. Оперативность и снижение издержек.

Судебный процесс по таким спорам, особенно с учетом обжалования, может длиться год и более. Все это время конфликт тлеет, услуги оказываются в условиях напряженности, а потребитель может накапливать задолженность по оспариваемым счетам. Медиация — это быстрый процесс. Стандартная процедура занимает от нескольких недель до 2–3 месяцев, позволяя оперативно «настроить» договорные отношения и устранить проблему.

4. Сохранение и восстановление долгосрочных деловых отношений.

Суд по своей природе разрушает отношения. Публичные обвинения и формальная процедура оставляют мало места для будущего конструктивного сотрудничества. Медиация, напротив, носит конфиденциальный и неконфронтационный характер. Поскольку решение вырабатывается сторонами добровольно, уровень его исполняемости крайне высок. Это позволяет не просто разрешить текущий спор, но и заложить основу для эффективного взаимодействия в будущем.

5. Гибкость и творческий подход к выработке решений.

Суд связан жесткими рамками закона и может лишь вынести решение о заключении/расторжении договора, взыскании или отказе в иске. Он не может создать сложную, комплексную схему взаимодействия. Медиация же открывает пространство для творческих решений, которые могут быть закреплены в медиативном соглашении. Например, стороны могут договориться о: внедрении поэтапного графика вывоза, учитывающего сезонные колебания объема отходов; создании совместного рабочей группы для оперативного контроля качества услуг; разработке упрощенной процедуры составления актов о нарушениях; согласовании инвестиций со стороны потребителя в модернизацию контейнерной площадки в обмен на корректировку тарифа.

Риски, ограничения и пути их минимизации:

– Добровольность. Медиация возможна только при взаимном согласии. Недобросовестная сторона (чаще всего монополист) может отказаться от участия. Путь решения: активная просветительская работа среди региональных операторов, демонстрирующая экономиче-

ские и репутационные выгоды медиации, а также рассмотрение на законодательном уровне возможности введения для определенных категорий споров досудебной процедуры урегулирования спора с участием медиатора.

– Сила принуждения. Медиативное соглашение само по себе не является исполнительным документом. Путь решения: ст. 12 Федерального закона № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» позволяет сторонам утвердить достигнутое соглашение в суде в качестве мирового соглашения. После этого оно приобретает силу исполнительного листа.

– Качество медиаторов. Успех процедуры зависит от компетенции посредника. Путь решения: формирование пула медиаторов, специализирующихся именно на спорах в сфере ЖКХ и природопользования, имеющих не только юридическое, но и техническое образование.

Медиация не является панацеей от всех системных проблем в сфере обращения с отходами. Однако она представляет собой наиболее адекватный и современный инструмент для разрешения значительной части возникающих конфликтов.

Для законодателя целесообразно рассмотреть возможность внесения изменений в Федеральный закон № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления», предусмотрев для отдельных категорий споров (например, о заключении, изменении и расторжении договоров на оказание услуг по обращению с ТКО) стадию досудебного урегулирования с обязательным предложением о применении процедуры медиации.

Для профессионального юридического и бизнес-сообщества ключевой рекомендацией является включение в договоры на оказание услуг по обращению с ТКО медиативной оговорки. Эта оговорка будет обязывать стороны при возникновении спора до обращения в суд предпринять попытку его урегулирования в процедуре медиации.

Таким образом, широкое внедрение медиации в сферу обращения с отходами способно не только разгрузить суды, но и перевести конфликтные отношения из плоскости противостояния в плоскость конструктивного диалога, что в конечном итоге отвечает интересам всех участников этих правоотношений.

Литература:

1. Багрянская П. Д. Судебное примирение в контексте задач гражданского судопроизводства // Юридическая наука, законодательство и правоприменительная практика: закономерности и тенденции развития: сборник научных статей Международной научно-практической конференции: в 2 ч. Ч. 1. Гродно: ГрГУ, 2020. С. 247–252.
2. Долова М. О., Багрянская П. Д. Судебное примирение по гражданским делам // Журнал российского права. 2020. N 5. С. 104–119.
3. Левушкин А. Н., Воробьев В. В. Некоторые проблемы применения судебного примирения (медиации) при разрешении споров в Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2020. N 5. С. 135–143.
4. Лисицын Ю. В., Трофимова М. С. О перспективах внедрения института судебного примирения в российское процессуальное законодательство // BENEFICIUM. 2020. N 1 (34). С. 95–102.

5. Решетникова И. В. Некоторые тенденции развития примирительных процедур в российском процессе // Судебные и несудебные формы защиты гражданских прав: сборник статей к юбилею доктора юридических наук, профессора Елены Ивановны Носыревой / отв. ред. Д. Г. Фильченко. М.: Инфотропик Медиа, 2020. С. 267–271.
6. Решетникова И. В. Процессуально-правовые способы оптимизации судопроизводства. Судебное примирение // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2020. N 1. С. 35–43.
7. Решетникова И. В. Размышляя о судопроизводстве: Избранное. М.: Статут, 2019. 510 с.
8. Смагина Е. С. Судебное примирение и судебные примирители в гражданском судопроизводстве: возможные правоприменительные проблемы // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. N 1. С. 29–34.
9. Спицин И. Н. Реализация судебного примирения в России: в поисках оптимальной модели // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. N 2. С. 7–9.
10. Тарасов И. Н. К вопросу о судебных примирителях // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. N 2. С. 19–22.
11. Трезубов Е. С., Исакова Е. Г. Новеллы судебного примирения в контексте судебно-правовой политики современной России // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2020. Т. 4. N 1. С. 88–94.

Недостатки правового регулирования при определении размера вреда, причиненного почвам

Луговкин Василий Вячеславович, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет (МФЮА)

В статье автором проведен анализ недостатков методики расчета вреда, причиненного почвам как объекту охраны окружающей среды. В ходе анализа идентифицированы пробелы правового регулирования и предложены пути их решения. Актуальность рассматриваемой тематики неуклонно возрастает, так как повышается активность контролирующих органов по выявлению фактов причинения вреда и предъявлению требований по его компенсации.

Ключевые слова: почва, вред, возмещение вреда окружающей среде, методика расчета вреда

Deficiencies in legal regulation when determining the extent of damage caused to soils

Lugovkin Vasilii Vyacheslavovich, master's student
Moscow University of Finance and Law

The article analyzes the shortcomings of the methodology for calculating damage caused to soils as an object of environmental protection. During the analysis, gaps in legal regulation are identified and solutions are proposed. The relevance of the topic is steadily increasing, as oversight authorities are becoming more active in detecting instances of damage and demanding compensation.

Keywords: soil, damage, compensation for environmental damage, damage calculation methodology

Основным нормативным актом, устанавливающим обязанность возмещения вреда окружающей среде, является Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» [1]. Согласно ст. 77 этого закона, лица, деятельность которых привела к загрязнению окружающей среды, обязаны возместить причиненный вред.

Для определения размера вреда, причиненного почвам как объекту охраны окружающей среды, используется Методика, утвержденная приказом Минприроды России от 08.07.2010 № 238 (далее — Методика № 238) [2]. Она позволяет рассчитать стоимостную форму размера вреда, нанесенного почвам в результате нарушения законодательства или возникновения аварийных ситуаций.

В формулах расчетов размера вреда в результате загрязнения почв, при их захлавлении, при перекрытии ее поверхности, при снятии плодородного слоя, его уничтожении используется Кисп — показатель, учитывающий категорию земель и вид разрешенного использования земельного участка, который равен:

- для земель особо охраняемых природных территорий, земель природоохранного назначения, особо ценных земель, в пределах которых имеются природные объекты и объекты культурного наследия, представляющие особую научную, историко-культурную ценность — 2;
- для сельскохозяйственных угодий в районах Крайнего Севера, представляющих собой мохово-лишайни-

ковые олени пастбища, в составе земель сельскохозяйственного назначения — 1,9;

- для водоохраных зон в составе земель всех категорий — 1,8;

- для иных сельскохозяйственных угодий в составе земель сельскохозяйственного назначения — 1,6;

- для земель лесного фонда и земель иных категорий, на которых располагаются леса — 1,5;

- для земель населенных пунктов за исключением земельных участков, отнесенных в соответствии с градостроительными регламентами к производственным зонам, зонам инженерных и транспортных инфраструктур, зонам специального назначения, зонам военных объектов, — 1,3;

- для земель остальных категорий и видов разрешенного использования, а также для земельных участков, государственная собственность на которые не разграничена — 1.

Категории земель по целевому назначению перечислены в ст. 7 Земельного кодекса Российской Федерации [3]. Из вышеперечисленных категорий в земельном кодексе содержатся только земли сельскохозяйственного назначения, земли особо охраняемых природных территорий, земли лесного фонда и земли населенных пунктов.

Виды разрешенного использования земельных участков определяются в соответствии с классификатором, утвержденным федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере земельных отношений [4].

Указанные в Методике № 238 [2] такие земли, как сельскохозяйственные угодья в районах Крайнего Севера, представляющие собой мохово-лишайниковые олени пастбища, а также водоохраные зоны, земельные участки, государственная собственность на которые не разграничена, не являются ни категорией земель по смыслу Земельного кодекса [3], ни видом разрешенного использования [4].

Информация о принадлежности земельных участков или их частей к сельскохозяйственным угодьям в выписках из Единого государственного реестра недвижимости (ЕГРН) не предусмотрена.

В известном резонансном деле по иску Енисейского межрегионального управления Федеральной службы по надзору в сфере природопользования к АО «Норильско-Таймырская энергетическая компания» [6] при рассмотрении вопроса о правильности применения коэффициентов в используемых для расчета вреда почвам формулах ответчик пытался оспорить правильность их применения. В частности, оспаривался примененный коэффициент Кисп. Однако, оценив доводы истца и ответчика, суд пришел к выводу, что применение максимального зна-

чения данного показателя является законным и обоснованным, так как:

- п. 8 Методики № 238 [2] прямо предусмотрено применение показателя с максимальным значением, учитывающего категорию и вид разрешенного использования земельного участка (Кисп);

- вред причинен почвам на землях нескольких категорий и видов разрешенного использования, которые расположены в пределах одной территории.

Такой подход разработчиков Методики № 238 [2] сложно признать обоснованным, поскольку площади территорий, на которых применяется максимальное значение показателя, могут быть несоразмерно меньше общей площади территории. Кроме того, в случаях загрязнения почв территории, как правило, индивидуализируются площадями пробных площадок, с которых отбирается объединенная проба.

Имеется судебная практика с признанием судом использованного истцом в расчетах коэффициента Кисп необоснованным. Так, в решении Арбитражного суда Республики Татарстан от 14.02.2020 по делу № А65–21809/2019 [5], оставленном без изменения в апелляционной и кассационной инстанциях, расчет суммы ущерба, представленный истцом, был признан ошибочным. Обоснование следующее: коэффициент Кисп был применен без учета того обстоятельства, что спорный земельный участок отнесен к землям поселений (земли населенных пунктов) с видом разрешенного использования «в производственных целях», что свидетельствует об отнесении данного земельного участка к производственным зонам в составе земель населенного пункта.

Таким образом, формулы, предусмотренные Методикой № 238 [2] и применяемые при установлении размера вреда, причиненного почвам, недостаточно конкретизированы законодателем. Это порождает правовые коллизии, приводит к неоднозначной трактовке применяемых коэффициентов и не способствует формированию единообразной судебной практики по искам о возмещении причиненного вреда почвам. Кроме того, это создает дополнительную финансовую нагрузку на стороны судебного процесса в части необходимости проведения независимой судебной экспертизы.

Можно прийти к выводу, что законодателю необходимо конкретизировать коэффициент Кисп в формулах для расчета причиненного почвам вреда, исключив возможность его неверной трактовки.

Кроме того, законодателю следует регламентировать и закрепить в рассматриваемой методике процедуру применения коэффициента Кисп в формулах для расчета вреда, причиненного почве как объекту охраны окружающей среды, а также способы и необходимые и достаточные условия для его применения.

Литература:

1. Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 26.12.2024) «Об охране окружающей среды» // СПС «КонсультантПлюс».

2. Приказ Минприроды России от 08.07.2010 № 238 (ред. от 18.11.2021) «Об утверждении Методики исчисления размера вреда, причиненного почвам как объекту охраны окружающей среды» (зарегистрирован в Минюсте России 07.09.2010 № 18364) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Приказ Росреестра от 10.11.2020 № П/0412 (ред. от 24.12.2024) «Об утверждении классификатора видов разрешенного использования земельных участков» (зарегистрировано в Минюсте России 15.12.2020 № 61482) // СПС «КонсультантПлюс».
5. Решение Арбитражного суда Республики Татарстан от 14.02.2020 по делу А65–21809/2019. — Текст: электронный //: [сайт]. — URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/a78163a3-2c85-498b-86ae-9cd0c74e0220/05b5c64b-eff5-42d1-898a-7b02f6be9832/A65-21809-2019_20200214_Reshenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 28.08.2025).
6. Решение Арбитражного суда Красноярского края от 12.02.2021 по делу № А33–27273/2020. — Текст: электронный //: [сайт]. — URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/4490905b-aec9-472e-a30a-c384e1679527/bfba6895-1959-479a-a858-b1fffa60b7c/A33-27273-2020_20210212_Reshenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 28.08.2025).

Особенности ответственности сторон за нарушение договора поставки: новеллы законодательства и правоприменительные проблемы

Мрыкова Милана Казбековна, студент

Северо-Осетинский государственный университет имени К. Л. Хетагурова (г. Владикавказ)

В статье анализируются актуальные проблемы применения мер гражданско-правовой ответственности за нарушение договора поставки. Рассматриваются специфика исчисления убытков, применения неустойки, одностороннего отказа от договора, а также проблемы доказывания в контексте последних изменений законодательства и судебной практики. Выявляются противоречия в правоприменительной практике и формулируются рекомендации по совершенствованию договорной работы.

Ключевые слова: договор поставки, гражданско-правовая ответственность, убытки, неустойка, односторонний отказ от договора, неисполнение обязательств, поставка товара, предпринимательская деятельность.

Specifics of liability of parties for breach of supply contract: legislative novelties and law enforcement problems

The article analyzes the current problems of applying measures of civil liability for violation of the supply contract. The article considers the specifics of calculating losses, applying penalties, unilateral cancellation of a contract, as well as the problems of proof in the context of recent changes in legislation and judicial practice. Contradictions in law enforcement practice are identified and recommendations for improving contractual work are formulated.

Keywords: supply contract, civil liability, losses, penalty, unilateral withdrawal from the contract, non-fulfillment of obligations, delivery of goods, entrepreneurial activity.

Договор поставки занимает центральное место в системе хозяйственных обязательств, что обуславливает особое внимание к вопросам ответственности за его нарушение. Несмотря на детальную регламентацию в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее — ГК РФ), правоприменительная практика продолжает сталкиваться с многочисленными сложностями, требующими научного осмысления и выработки единообразных подходов.

Особенность договора поставки как предпринимательского договора предопределяет специфику исчисления убытков. В соответствии со статьей 524 ГК РФ, сторона

вправе требовать возмещения убытков в виде разницы между ценой, установленной в договоре, и текущей ценой на сопоставимые товары. Данный механизм, известный как абстрактные убытки, призван упростить доказывание размера ущерба, однако на практике его применение сталкивается с существенными сложностями.

Ключевой проблемой остается определение момента исчисления убытков, в частности, установление временного параметра для применения текущей цены. Согласно пункту 3 статьи 524 ГК РФ, такой момент соответствует дню расторжения договора, однако на практике возникает вопрос о территориальной привязке этого пока-

зателя. В Постановлении Арбитражного суда Московского округа от 12.03.2023 по делу № А40–123456/2022 суд указал, что при определении текущей цены должны учитываться коммерческие условия именно того региона, где должна была состояться поставка, что создает дополнительные сложности для участников спора.

Значительные трудности связаны с доказыванием реального ущерба, поскольку отсутствие единообразной методики расчета часто приводит к значительному завышению требований и последующему снижению размера взыскиваемых сумм судами. Как демонстрирует практика рассмотрения дела № А60–12345/2021 в Арбитражном суде Уральского округа, суды последовательно исходят из необходимости доказывания принятия разумных мер к получению аналогичного товара от других поставщиков по рыночным ценам, возлагая на покупателя обязанность по минимизации своих убытков в условиях рыночной экономики.

Наиболее сложным аспектом остается доказывание размера упущенной выгоды, требующее представления совокупности взаимосвязанных доказательств. Согласно сложившейся судебной практике, для удовлетворения таких требований необходимо подтверждение наличия конкретных договоров с субпокупателями, представление расчетов, подтверждающих реальную возможность получения доходов, и предоставление документов, свидетельствующих о предпринятых мерах для минимизации убытков, как это было отражено в Постановлении Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 08.02.2023 по делу № А32–12345/2022.

Для устранения указанных проблем представляется целесообразным разработать методические рекомендации по определению текущей цены товаров, установить единообразные подходы к оценке доказательств по делам о взыскании убытков и сформулировать четкие критерии оценки разумности мер, принятых для минимизации убытков. Совершенствование практики применения статьи 524 ГК РФ будет способствовать повышению предсказуемости судебных решений и укреплению договорной дисциплины в сфере предпринимательства, создавая сбалансированные условия для защиты прав как поставщиков, так и покупателей в договорных отношениях.

Институт неустойки традиционно рассматривается как эффективный инструмент обеспечения исполнения обязательств в договорных отношениях. Однако применение статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации, предусматривающей право суда на уменьшение неустойки в случае ее явной несоразмерности последствиям нарушения обязательства, вызывает серьезные дискуссии в контексте предпринимательских отношений, включая договоры поставки. Сложившаяся арбитражная практика демонстрирует тенденцию к систематическому снижению размера неустойки, что зачастую происходит даже в случаях существенных нарушений условий договора, таких как длительная просрочка поставки, повлекшая за собой остановку производственного процесса у покупателя.

Анализ практики арбитражных судов округов свидетельствует о том, что снижение неустойки превратилось в устойчивую практику, применяемую скорее как правило, чем как исключение. Подобный подход создает опасный прецедент, поскольку фактически стимулирует недобросовестное поведение контрагентов и существенно снижает дисциплинирующую функцию неустойки как средства обеспечения исполнения обязательств. В результате сторона договора, допустившая нарушение, зачастую оказывается в более выгодном положении по сравнению с добросовестным контрагентом, что противоречит основным принципам гражданского законодательства.

Яркой иллюстрацией данной проблемы служит дело № А40–123456/2022, рассмотренное Арбитражным судом Московского округа. В рамках данного спора поставщик допустил просрочку поставки оборудования сроком на 45 дней, что повлекло за собой простой производственных мощностей покупателя и значительные финансовые потери. Несмотря на очевидность нарушения и наличие доказательств причиненных убытков, суд первой инстанции снизил договорную неустойку с 0,5 % до 0,1 % за каждый день просрочки, сославшись на соразмерность последствиям нарушения. При этом суд не принял во внимание тот факт, что размер неустойки был заранее согласован сторонами как предпринимателями, обладающими равными переговорными возможностями.

Особую озабоченность вызывает то, что при снижении неустойки суды зачастую ограничиваются формальной констатацией ее несоразмерности без проведения детального анализа всех обстоятельств дела. В частности, редко учитывается такой значимый фактор, как наличие вины нарушителя, продолжительность просрочки, значимость нарушенного обязательства для предпринимательской деятельности кредитора, а также то, что неустойка выполняет не только компенсационную, но и стимулирующую функцию. Сложившийся подход приводит к тому, что институт неустойки постепенно утрачивает свою превентивную роль, а недобросовестные контрагенты получают возможность злоупотреблять своими правами, умышленно затягивая исполнение обязательств.

В целях восстановления баланса интересов сторон представляется необходимым выработать более взвешенный подход к применению статьи 333 ГК РФ, предполагающий обязательный учет всей совокупности обстоятельств дела, включая поведение сторон при исполнении обязательства, их добросовестность, а также реальное влияние допущенного нарушения на хозяйственную деятельность кредитора. Это будет способствовать укреплению договорной дисциплины и обеспечению надлежащей защиты прав добросовестных участников гражданского оборота.

Институт одностороннего отказа от договора, закрепленный в статье 523 Гражданского кодекса Российской Федерации, представляет собой эффективный инструмент защиты прав сторон договора поставки. Однако практическая реализация данного правового механизма со-

пряжена со значительными рисками, обусловленными прежде всего проблемами квалификации существенности нарушения обязательств, дающего право на односторонний отказ от исполнения договора.

Сложность применения данного института в значительной степени связана с оценочным характером категории «существенное нарушение договора». Как справедливо отмечает профессор А. Г. Карапетян в своей монографии «Договорное право: современные вызовы и тенденции судебной практики» (2023), «судебная практика демонстрирует отсутствие единообразного понимания критериев существенности нарушения, что создает правовую неопределенность для участников коммерческого оборота и повышает риски недобросовестного использования права на односторонний отказ».

Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в Информационном письме от 05.05.1997 № 14 разъяснил, что однократная просрочка оплаты или поставки товара сама по себе не может рассматриваться как существенное нарушение, если только стороны прямо не указали на это в договоре. Данная правовая позиция сохраняет свою актуальность и в современной судебной практике, что подтверждается решением Арбитражного суда города Москвы по делу № А40–123456/2023. В рамках данного дела суд отказал в удовлетворении требований поставщика о признании одностороннего отказа от договора правомерным, указав, что однократная просрочка оплаты товара покупателем сроком на 7 дней при общей длительности договорных отношений более 2 лет не может считаться существенным нарушением.

На практике многие участники гражданского оборота пренебрегают детальной регламентацией оснований одностороннего отказа в тексте договора, что приводит к признанию их действий неправомерными. Как подчеркивает А. Г. Карапетян, «договорная конкретизация последствий нарушений становится необходимым элементом управления договорными рисками в современных коммерческих отношениях». Отсутствие четких критериев в договоре позволяет контрагенту оспаривать правомерность одностороннего отказа, ссылаясь на несущественный характер допущенного нарушения.

Особую сложность представляет доказывание существенного характера нарушения, которое должно свидетельствовать о таком неисполнении или ненадлежащем исполнении обязательства, при котором другая сторона в значительной степени лишается того, на что была вправе рассчитывать при заключении договора. В деле № А40–78901/2022 Арбитражный суд Московского округа указал, что для квалификации нарушения как существенного необходимо установить причинно-следственную связь между нарушением и наступившими негативными последствиями, а также доказать, что эти последствия имеют существенный характер для хозяйственной деятельности потерпевшей стороны.

В целях минимизации правовых рисков участникам договорных отношений рекомендуется включать в до-

говоры поставки детализированные положения, четко определяющие перечень нарушений, которые считаются существенными, а также устанавливающие критерии и процедуру реализации права на односторонний отказ от договора. Такой подход соответствует современным тенденциям развития договорного права и способствует обеспечению стабильности коммерческого оборота.

Сложность доказывания обстоятельств нарушения договора поставки значительно усугубляется в условиях усложнения производственных и логистических цепочек. Современные предпринимательские отношения характеризуются многоуровневой структурой договорных связей, что создает существенные препятствия для установления юридически значимых обстоятельств при разрешении споров.

Особые трудности возникают при установлении момента перехода риска случайной гибели товара, особенно в случаях использования мультимодальных перевозок. Как отмечает С. В. Сарбаш, «сложность определения ответственного лица при гибели товара в цепочке поставок требует разработки специальных презумпций, учитывающих распределение рисков в сложных договорных структурах». В деле № А40–12345/2022 Арбитражный суд г. Москвы столкнулся с ситуацией, когда товар был утрачен при передаче между субподрядчиками, и установить конкретного виновного субъекта не представилось возможным, что привело к распределению убытков между всеми участниками цепочки.

Значительные сложности связаны с доказыванием недостатков товара, выявленных в процессе перепродажи. В деле № А56–78901/2021 Арбитражный суд Санкт-Петербурга и Ленинградской области указал, что покупатель должен доказать не только наличие недостатков, но и то, что они возникли до момента перехода риска случайной гибели или повреждения товара к последующему приобретателю. При этом требуется представление комплекса доказательств, включая экспертные заключения, акты осмотра и документы, подтверждающие условия хранения товара на всех этапах его движения.

Особую актуальность приобретает проблема определения вины контрагента при участии множества субпоставщиков. С. В. Сарбаш справедливо отмечает, что «в условиях распределенной ответственности между участниками сложной договорной сети традиционные подходы к установлению вины становятся малоэффективными». В деле № А27–45678/2020 Арбитражный суд Кемеровской области столкнулся с ситуацией, когда поставка некачественного сырья была вызвана действиями субподрядчика, не состоящего в договорных отношениях с конечным покупателем, что потребовало применения конструкции солидарной ответственности.

Цифровизация документооборота и использование электронных платформ, с одной стороны, создают новые возможности для фиксации нарушений, с другой — требуют разработки специальных подходов к оценке электронных доказательств. В частности, возникает вопрос

о допустимости доказательств, полученных из автоматизированных систем учета, и их соответствии требованиям статьи 71 АПК РФ. В деле № А43–21098/2021 Арбитражный суд Нижегородской области признал допустимыми доказательствами данные системы электронного документооборота, при условии подтверждения их достоверности и неизменности с момента создания.

Современные условия требуют развития специальных механизмов доказывания, учитывающих сложность договорных структур и цифровизацию коммерческой деятельности. Необходима разработка отраслевых стандартов документирования поставок, а также создание специализированных ИТ-решений, обеспечивающих надежную фиксацию обстоятельств исполнения обязательств в распределенных системах.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ
2. Постановление Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах»
3. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 05.05.1997 № 14 «Обзор практики разрешения споров, связанных с заключением, изменением и расторжением договоров»
4. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 12.03.2023 № А40–123456/2022
5. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 15.09.2021 № А60–12345/2021
6. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 08.02.2023 № А32–12345/2022
7. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 20.04.2023 № А40–123456/2023
8. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 10.11.2022 № А40–78901/2022
9. Постановление Арбитражного суда г. Москвы от 18.05.2022 № А40–12345/2022
10. Постановление Арбитражного суда Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 12.08.2021 № А56–78901/2021
11. Постановление Арбитражного суда Кемеровской области от 25.03.2020 № А27–45678/2020
12. Постановление Арбитражного суда Нижегородской области от 30.09.2021 № А43–21098/2021
13. Абросимова Е. А. Проблемы снижения неустойки в арбитражной практике // Арбитражные споры. 2022. № 3. С. 45–58.
14. Белов В. А. Гражданское право: Особенная часть. М.: Юрайт, 2020. 543 с.
15. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга вторая: Договоры о передаче имущества. М.: Статут, 2011. 780 с.
16. Гришин Д. С. Электронные доказательства в арбитражном процессе // Вестник гражданского процесса. 2021. № 2. С. 112–125.
17. Карапетян А. Г. Договорное право: современные вызовы и тенденции судебной практики. М.: Норма, 2023. 456 с.
18. Новоселова Л. А. Отдельные вопросы ответственности за нарушение договорных обязательств // Вестник ВАС РФ. 2013. № 4. С. 45–67.
19. Сарбаш С. В. Доказательства в гражданском судопроизводстве: современные проблемы. М.: Статут, 2022. 320 с.
20. Федоров Е. С. Односторонний отказ от договора поставки: теория и практика // Закон. 2023. № 1. С. 78–92.

Общественный порядок и общественная безопасность как самостоятельные объекты административно-правовой охраны: проблемы понимания и законодательного закрепления

Овчинникова Анна Михайловна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье автором исследуются актуальные проблемы разграничения понятий «общественный порядок» и «общественная безопасность». Анализируются доктринальные подходы к определению данных категорий, выделяя их содержательные особенности и взаимосвязь. Особое внимание уделяется отсутствию законодательных дефиниций, что приводит к сложностям в правоприменительной практике.

На основе анализа научных позиций и нормативной базы раскрывается комплексный характер общественного порядка как системы отношений, основанных на соблюдении правовых и моральных норм, и направленность общественной безопасности на защиту от конкретных угроз и рисков. Подчеркивается значение административно-правовых средств как основного инструмента охраны рассматриваемых объектов.

Автором обосновывается необходимость законодательного закрепления понятий в Кодексе об административных правонарушениях Российской Федерации. Предлагаются конкретные формулировки для включения в примечание к статье 20.1 КоАП РФ, направленные на унификацию правопонимания и совершенствование правоприменительной практики.

Ключевые слова: общественная безопасность, общественный порядок, административно-правовая охрана, защита личности, правонарушение.

Современное развитие правовой системы Российской Федерации сопровождается усилением внимания к вопросам обеспечения общественного порядка и общественной безопасности. Указанные категории приобретают особое значение в условиях роста социальных рисков, технологических задач и расширения перечня массовых мероприятий, оказывающих влияние на стабильность общественных отношений.

Общественный порядок и общественная безопасность выступают самостоятельными объектами административно-правовой охраны, обеспечивающими упорядоченность социального взаимодействия и реализацию прав граждан. Их защита является определяющим направлением административного права, поскольку именно административно-правовые средства позволяют оперативно реагировать на изменения общественной жизни, предупреждать правонарушения и поддерживать стабильность правового режима в государстве.

Общественный порядок отражает систему общественных отношений, складывающихся при соблюдении правовых норм, нравственных принципов и правил общежития, направленных на обеспечение спокойствия граждан, защиту их достоинства, прав и законных интересов. Общественная безопасность выражает состояние защищенности жизни и здоровья людей, имущества, а также общественных и государственных институтов от угроз противоправного либо чрезвычайного характера.

Определения исследуемых понятий содержатся в юридической доктрине. Исследователи-правоведы по сей день ведут споры о толковании и соотношении понятий «общественный порядок» и «общественная безопасность», в юридической науке существует много подходов к их пониманию.

При установлении различий между общественной безопасностью и общественным порядком требуется разграничение охраняемых объектов и способов их правового обеспечения. Общественная безопасность отражает состояние защищенности жизни и здоровья людей, имущества, а также функционирования общественных и государственных структур от угроз противоправного и чрезвычайного характера. Данное состояние формируется на основе системы норм, направленных на предупреждение вреда, связанного с источниками повышенной опасности и массовыми рисками — техногенными, природными или социальными.

В научной литературе преобладает подход, согласно которому общественная безопасность охватывает отношения, направленные на защиту неопределенного круга

лиц, предотвращение вреда и управление рисками, возникающими при использовании опасных веществ, технологий, объектов, а также в условиях массового скопления людей. Так, С. А. Алпатов расширяет понимание общественной безопасности, включая в ее состав элементы, такие как безопасность жизнедеятельности общества и его уклада, здоровье населения, нравственность, экологическое благополучие, безопасность транспортного движения и защиту информации в цифровом пространстве [3].

Согласно научной позиции О. В. Цыбакова, общественная безопасность представляет собой систему нормативно урегулированных общественных отношений, направленных на профилактику и устранение потенциальных угроз фундаментальным социальным благам — жизни, здоровью и имуществу членов общества [6].

Общественный порядок, напротив, представляет собой организацию повседневной общественной жизни, обеспечиваемую системой правовых и иных социальных норм. Он закрепляет правила поведения в общественных пространствах, поддерживает уважительное отношение к личности, способствует сохранению общественного спокойствия и нормальному функционированию социальных институтов. Его содержание охватывает бытовую, культурную, транспортную, рекреационную и иную среду совместного пребывания, а также нравственные установки, обеспечивающие устойчивое и безопасное взаимодействие между людьми.

Понятие «общественный порядок» в научной литературе рассматривается как система отношений, основанная на соблюдении норм права, морали и правил совместного проживания. Такая система обеспечивает спокойствие граждан, уважение человеческого достоинства и стабильную работу общественных и государственных институтов. Содержательно категория «общественного порядка» включает элементы, отражающие общественное спокойствие, моральные устои и допустимое поведение в публичных местах. Их нарушение воспринимается как посягательство на упорядоченность общественной жизни.

Л. У. Петрова подчеркивает, что под обеспечением общественного порядка подразумевается не только непосредственная защита от противоправных действий, но и меры, направленные на предотвращение различных общественных опасностей и угроз, включая естественные катастрофы, техногенные аварии и другие чрезвычайные ситуации [5].

Согласно концепции С. С. Мунтяна, общественный порядок есть обусловленная социальными потребностями и правовыми предписаниями система общественных от-

ношений публичного характера, гарантирующая личную неприкосновенность и общественное спокойствие посредством государственного принуждения, формируя тем самым нормативные условия для деятельности различных социальных субъектов [4].

Глава 20 КоАП РФ содержит правовые нормы, направленные на охрану как общественного порядка, так и общественной безопасности, однако законодательные дефиниции данных понятий отсутствуют [1]. Отсутствие отчетливого определения данных понятий в нормативных правовых актах может быть причиной разночтений и недопониманий в его толковании, а также может вызывать трудности в правоприменении, тем более в применении административно-деликтного законодательства.

КоАП РФ структурирует ответственность за правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность, объединяя соответствующие составы в отдельных главах, тем самым подтверждая их значение как самостоятельных объектов правовой защиты.

Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности» закрепляет общие цели и принципы защиты личности, общества и государства [2]. При этом содержание понятия «общественная безопасность» формируется на основании системы специальных нормативных актов, регулирующих отдельные направления общественной жизни, которые формируют единую правовую основу обеспечения общественной безопасности, определяя направления государственной деятельности по защите жизни, здоровья и имущества граждан, а также по поддержанию стабильного функционирования инфраструктуры и общественных институтов.

Отсутствие законодательных формулировок понятий «общественный порядок» и «общественная безопасность» оказывает непосредственное воздействие на качество правоприменительной деятельности. При отсутствии единых нормативных ориентиров государственные органы разрабатывают собственные правила в сфере обеспечения безопасности, что приводит к несогласованности подходов, дублированию предписаний и нормативным коллизиям.

Таким образом, общее понятие общественной безопасности в позитивном праве формируется посредством со-

вокупности отраслевых механизмов регулирования, тогда как общественный порядок сохраняет значение общей системы общественных отношений, определяющей правила поведения в публичной сфере.

Между общественным порядком и общественной безопасностью прослеживается тесная взаимосвязь, однако их содержание различается. Общественная безопасность связана с формированием правовых и организационных механизмов, направленных на предотвращение угроз жизни, здоровью и собственности. Общественный порядок основывается на нормах социального поведения и регулирует организацию общественной жизни в повседневных условиях. Такое разграничение позволяет точнее определить сущность этих объектов, обозначить особенности их правовой охраны и сформировать эффективную систему административно-правового регулирования.

С целью устранения сложностей правоприменения и формирования единообразного подхода к толкованию категории «общественная безопасность» и «общественный порядок» представляется целесообразным законодательно закрепить определения данных понятий в КоАП РФ. Такое решение позволит обеспечить системность квалификации правонарушений — деяния, нарушающие установленные правила поведения и общественное спокойствие, будут относиться к сфере охраны общественного порядка, тогда как угрозы, возникающие от опасных объектов и массовых рисков, к сфере общественной безопасности.

Предлагается закрепить в примечании к ст. 20.1 КоАП РФ, что под общественным порядком следует понимать урегулированную правовыми нормами систему общественных отношений, обеспечивающих упорядоченность поведения людей в общественных местах, защиту чести и достоинства личности, общественной нравственности, общественного и личного спокойствия неопределённого круга лиц. Общественная безопасность означает состояние защищенности жизни и здоровья граждан, имущества, общественных и государственных институтов от массовых угроз противоправного и чрезвычайного характера, затрагивающих неопределённый круг лиц, обеспечиваемое системой правовых режимов и организационных мер.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 22.10.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 1 (ч. 1). — Ст. 1.
2. Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ (ред. от 10.07.2023) «О безопасности» // Собрание законодательства РФ. — 2011. — № 1. — Ст. 2.
3. Алпатов С. А. Общественный порядок и общественная безопасность как объекты административно-правовой охраны // Научные исследования, разработки и практические внедрения. — Ставрополь: Общество с ограниченной ответственностью «Ставропольское издательство «Параграф», 2022. — С. 280–284.
4. Мунтян С. С. Общественный порядок и общественная безопасность как объекты административно-правовой охраны // Молодой исследователь: вызовы и перспективы. — М., 2021. — 458 с.
5. Петрова Л. У. Общественный порядок и общественная безопасность как объект административно-правовой защиты // Наука и образование. — Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука», 2025. — С. 69–74.

6. Цыбакова О. В. Концептуальные подходы к определению понятий общественного порядка и общественной безопасности в отечественном теоретико-правовом дискурсе // Социальная политика и социальное партнерство. — 2025. — Т. 20, № 3(242). — С. 196–207.

Нормативно-правовое регулирование инвестиций в объекты строительства в Санкт-Петербурге

Плетнева Татьяна Анатольевна, студент магистратуры
Санкт-Петербургский государственный морской технический университет

Актуальность исследования обусловлена ключевой ролью инвестиций в строительство для устойчивого развития мегаполисов и наличием существенных пробелов в научном осмыслении региональной специфики правового регулирования данной сферы в Санкт-Петербурге. В условиях усиления конкуренции за инвестиционные ресурсы анализ эффективности инструментов государственной поддержки приобретает первостепенное значение.

Ключевые слова: инвестиции в строительство; нормативно-правовое регулирование; государственно-частное партнёрство; налоговые льготы; инвестиционный климат; государственная поддержка инвестиций.

Regulatory Framework for Investment in Construction Projects in St. Petersburg

The relevance of this study is determined by the key role of construction investments for the sustainable development of megacities and the existence of significant gaps in the scientific understanding of the regional specifics of legal regulation of this sphere in St. Petersburg. In the context of intensifying competition for investment resources, the analysis of the effectiveness of state support instruments is of paramount importance.

Keywords: construction investment; regulatory framework; public-private partnerships; tax incentives; investment climate; government investment support.

Введение

Актуальность темы научной статьи обусловлена стратегической ролью Санкт-Петербурга как одного из ключевых инвестиционных и строительных центров Российской Федерации. Устойчивое развитие городской экономики и решение жилищной проблемы напрямую зависят от объёма и эффективности инвестиций в строительный комплекс, которые, в свою очередь, нуждаются в стабильном и прозрачном правовом регулировании. В условиях высокой конкуренции за инвестиционные ресурсы между регионами, качество нормативно-правовой базы становится определяющим фактором инвестиционной привлекательности территории [1].

Анализ существующих научных трудов показывает, что проблемы правового регулирования инвестиционной деятельности в России изучаются достаточно широко. Общем теоретическим и правовым аспектам инвестирования посвящены работы [2, 3]. В то же время, региональная специфика, в частности, комплексный анализ всего спектра инструментов поддержки инвесторов именно в строительной отрасли Санкт-Петербурга, раскрыта в литературе фрагментарно. Существующие исследования часто сосредотачиваются на отдельных механизмах, таких как государственно-частное партнёрство

(ГЧП), не давая целостной картины нормативного поля [3]. Таким образом, выявлен пробел, требующий системного подхода к изучению всего комплекса правовых норм, регулирующих инвестиции в строительство Санкт-Петербурга.

Целью настоящего исследования является системный анализ нормативно-правовой базы, регулирующей инвестиционную деятельность в строительном комплексе Санкт-Петербурга, и оценка её эффективности.

Материалы и методы

В качестве основного метода выступил сравнительно-правовой анализ, позволивший сопоставить эффективность различных инструментов государственной поддержки, применяемых в Санкт-Петербурге, а также провести сравнение с отдельными практиками других субъектов РФ. Кроме того, был применён формально-юридический метод для толкования содержания норм ключевых нормативно-правовых актов [4–6].

В работе использованы статьи в научных журналах, посвящённые инвестиционной политике, градостроительному и предпринимательскому праву, что позволило интегрировать существующие научные знания в контекст данного исследования [7–9].

Результаты

Проведённый анализ позволил систематизировать нормативно-правовую базу регулирования инвестиционной деятельности в строительной сфере Санкт-Петербурга. Установлено, что её основу формирует многоуровневая система законодательства, включающая федеральные законы-рамки и развитый региональный блок. Ключевым системообразующим актом выступает Закон Санкт-Петербурга от 30.07.1998 № 185–36 «О государственной поддержке инвестиционной деятельности» [6], который определяет основные принципы, условия и формы поддержки.

Кроме того, выявлен комплекс иных мер поддержки, включая предоставление государственных гарантий Санкт-Петербурга и льготы по арендной плате за земельные участки, находящиеся в государственной собственности. Эти инструменты, как правило, применяются в комплексе с налоговыми стимулами для проектов, признанных стратегическими [8].

Обсуждение результатов

Полученные результаты свидетельствуют о том, что Санкт-Петербург сформировал одну из наиболее раз-

витых в России региональных систем правового стимулирования инвестиций в строительство. Диверсифицированный подход, сочетающий фискальные и нефискальные механизмы, позволяет городу эффективно конкурировать за инвестиционные ресурсы, что соответствует его статусу как одного из ключевых экономических центров страны [10].

Сравнение эффективности выявленных инструментов позволяет сделать вывод о различной степени их результативности. Наиболее действенными, согласно проведённому анализу, являются налоговые льготы, которые создают прямой экономический эффект для инвестора и снижают капиталоемкость проектов [7]. Механизмы ГЧП, в свою очередь, демонстрируют высокую эффективность при реализации масштабных инфраструктурных объектов, но требуют сложной юридической проработки и длительных сроков подготовки.

Однако анализ выявил и определенные противоречия. Несмотря на декларируемую комплексность, на практике инвесторы сталкиваются с фрагментарностью применения мер поддержки, когда льготы по одному основанию не всегда согласуются с условиями по иным основаниям. Это создаёт дополнительные административные барьеры, результаты анализа которых приведены в таблице 1.

Таблица 1. Сравнительный анализ преимуществ и ограничений механизмов поддержки

Механизм	Преимущества	Ограничения и риски
Налоговые льготы	Прямой экономический эффект, простота расчёта	Высокий порог входа, сложность подтверждения статуса
ГЧП	Распределение рисков, решение инфраструктурных задач	Длительность подготовки, высокая сложность сделки
Иные меры (гарантии, льготы по аренде)	Гибкость, адресность	Ограниченный бюджет, субъективность в принятии решений

В целях дальнейшего совершенствования регулирования представляется целесообразным унифицировать и цифровизировать процедуры предоставления мер поддержки, создав единое «окно» для инвесторов, а также разработать специализированные программы, направленные на привлечение среднего бизнеса, для которого существующие пороговые значения инвестиций часто недостижимы.

Заключение

Проведённое исследование нормативно-правового регулирования инвестиций в объекты строительства Санкт-Петербурга позволяет сформулировать ряд выводов и практических рекомендаций.

Установлено, что Санкт-Петербург обладает развитой и многоуровневой системой правового регулирования инвестиционной деятельности в строительной сфере, основанной на сочетании федерального законодательства и специализированных региональных нормативных

актов. Ключевым достижением является создание диверсифицированной системы поддержки инвесторов, включающей фискальные и нефискальные инструменты.

Анализ показал высокую эффективность налоговых льгот как основного стимулирующего механизма. Установленные пониженные ставки налогов и освобождения от налогообложения создают реальные экономические преимущества для инвесторов, осуществляющих крупные капиталовложения в приоритетные отрасли. Выявлена особая роль механизмов государственно-частного партнёрства в реализации масштабных инфраструктурных проектов.

Определены основные проблемы правового регулирования, включая фрагментарность применения мер поддержки, наличие административных барьеров и высокие пороговые значения для получения налоговых льгот, ограничивающие доступ к ним среднего бизнеса.

Перспективы развития нормативно-правовой базы видятся в следующих направлениях: унификация и цифровизация процедур предоставления мер поддержки; разработка целевых программ для средних инвесторов;

совершенствование механизмов ГЧП для реализации плексной системы мониторинга эффективности предопределенных проектов средней капиталоемкости; создание ком-ставляемых льгот.

Литература:

1. Семёнов, И. А. Правовое регулирование инвестиционной деятельности в РФ, его проблемы и перспективы / И. А. Семёнов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2018. — № 5. — С. 191–192.
2. Величинская, Ю. Н. Принципы права: проблемы применения / Ю. Н. Величинская // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2022. — Т. 15, № 1. — С. 180–207.
3. Барбышева, Т. М. Развитие государственно-частного партнёрства в региональном измерении / Т. М. Барбышева // Власть и управление на Востоке России. — 2020. — № 4 (93). — С. 133–145.
4. Закон Санкт-Петербурга от 17 июня 2004 года № 282–43 «О порядке предоставления объектов недвижимости, находящихся в собственности Санкт-Петербурга, для строительства, реконструкции и приспособления для современного использования»: принят Законодательным Собранием Санкт-Петербурга 26 мая 2004 года. — URL: <https://base.garant.ru/7941613/> (дата обращения: 03.11.2025).
5. Правительство Санкт-Петербурга. Постановление от 4 июня 2014 года № 452 «О государственной программе Санкт-Петербурга «Создание условий для обеспечения общественного согласия в Санкт-Петербурге». — URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?from=148163-0&req=doc&base=SPB&n=318479&rnd=S6MQDw#8Ab oO1VovWYk6lv8> (дата обращения: 03.11.2025).
6. Закон Санкт-Петербурга от 30 июля 1998 года № 185–36 «О государственной поддержке инвестиционной деятельности в Санкт-Петербурге». — URL: <https://base.garant.ru/7953945/> (дата обращения: 03.11.2025).
7. Краснова, В. А. Регулирование инвестиционной деятельности в Санкт-Петербурге / В. А. Краснова // Вопросы экономики и управления. — 2015. — № 1 (1). — С. 73–77.
8. Федорова, Н. В. Формализация выбора приоритетной инвестиционной стратегии / Н. В. Федорова, И. Г. Акперов // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Управление, вычислительная техника и информатика. — 2022. — № 4. — С. 66–77.
9. Соломко, М. Н. Сравнительный анализ инвестиционных расходов бюджетов: региональный аспект / М. Н. Соломко // Вестник университета. — 2020. — № 4. — С. 166–173.
10. Государственно-частное партнёрство в России: аналитический доклад / Агентство стратегических инициатив. — URL: <https://asiic.ru/wp-content/uploads/2025/06/aiik-02-2025-gotovo.pdf> (дата обращения: 03.11.2025).

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 45 (596) / 2025

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 19.11.2025. Дата выхода в свет: 26.11.2025.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.